

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
STATE
UNIVERSITY
BULLETIN

Linguistics
and Intercultural Communication

Linguistique
et communication interculturelle

Linguistik
und interkulturelle Kommunikation

Lingüística
y Comunicación Intercultural

Linguistica
e comunicazione interculturale

Лингвистика
и меѓукултурна комуникација

Lingvistika
a mezikulturni komunikace

Lingwistyka
i Komunikacja Międzykulturowa

Лингвистика
и междукултурна комуникация

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в 1946 году

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

19

Л
ИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ

№ 4 • 2022

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Федеральный институт иностранных языков и регионоведения МГУ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Джек Ричардс (Jack Richards), доктор наук (прикладная лингвистика), доктор литературы, почетный профессор факультета педагогики Сиднейского университета; почетный профессор факультета педагогики университета Окленда; **Ренате Ратмайр (Renate Rathmayr)**, доктор, профессор, зав. каф. иностранных языков и деловой коммуникации Института славянских языков Венского университета экономики и бизнеса. Вена, Австрия; **Роберт Геккель (Robert Goeckel)**, доктор наук, профессор политологии и международных отношений, Университет штата Нью-Йорк, Колледж в Дженесео, США; **Роберт Илсон (Robert Ison)**, профессор, почетный научный сотрудник Университетского колледжа Лондона. Лондон, Великобритания; **Роланд Сассекс (Roland (Roly) Sussex)**, почетный профессор, кафедра прикладной лингвистики, факультет языков и сравнительно-культурных исследований, Университет Квинслэнда. Брисбан, Австралия; **Чжэн Тиву (Zheng Tiwu)**, директор Института мировой литературы Шанхайского университета иностранных языков. Член президиума МАПРЯЛ, Вице-президент Всекитайского общества по изучению иностранной литературы, Вице-президент Всекитайского общества по изучению русской литературы, Вице-президент Всекитайского общества преподавателей иностранной литературы, член Союза писателей Китая, Почетный член Союза писателей России, Почетный доктор ИДВ РАН. Шанхай, КНР; **Ян Кэ (Yan Ke)** — профессор, директор Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли, Член КАПРЯЛ, член Китайской исследовательской ассоциации русской литературы, Член Подкомитета русского языка Руководящего комитета по преподаванию иностранных языков при Министерстве образования Китая, Член Подкомитета европейских языков Руководящего комитета по преподаванию иностранных языков при Департаменте образования пров. Гуандун. Гуанчжоу, КНР

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Молчанова Г.Г. (главный редактор), доктор филологических наук, профессор, и.о. декана факультета иностранных языков и регионоведения, зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Загряскина Т.Ю. (отв. секретарь)**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка и культуры, и.о. зам. декана по научной работе

Члены редколлегии:

Богданова Л.И., доктор филологических наук, профессор кафедры сопоставительного изучения языков; **Бубнова Г.И.**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка для факультета иностранных языков и регионоведения; **Запольская Н.Н.**, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой славянских языков и культур; **Захаров В.В.**, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой немецкого языка и культуры; **Калуцков В.Н.**, доктор географических наук, профессор кафедры региональных исследований; **Карташова Н.В.**, кандидат культурологии, доцент, зав. кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур; **Ксензенко О.А.**, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории преподавания иностранных языков; **Левицкий А.Э.**, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Павловская А.В.**, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой региональных исследований; **Полубиченко Л.В.**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английского языка для естественных факультетов; **Прошина З.Г.**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков; **Раевская М.М.**, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой испанского языка; **Робустова В.В.**, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, зам. декана по учебной работе; **Сафонова В.В.**, доктор педагогических наук, профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Титова С.В.**, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой теории преподавания иностранных языков; **Устинова Т.В.**, доктор филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Шевлякова Д.А.**, доктор культурологии, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации

Редактор И.В. Краснослободцева

Адрес редакции:

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13/14, корп. В, каб. 238.
Тел.: 8-495-734-03-10. Факс: 8-495-932-88-67. E-mail: vestnik19@yandex.ru

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.

Свидетельство о регистрации № 016651 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 13.02.2023. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12,5. Уч.-изд. л. 11,13. Тираж 110 экз. Изд. № 12074. Заказ №

Издательство Московского университета. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11). Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com. Отд. реализации: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит». 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33. E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru

---

СОДЕРЖАНИЕ

Теория языка и речи

- Федосюк М.Ю.* О причинах роста аналитизма и продуктивности неидиоматичных номинаций в русском языке наших дней 9
- Запольская Н.Н.* Текст-произведение и его единицы: ключевые текстоформы и текстоформы-ключи 20

Язык. Познание. Культура

- Калуцков В.Н.* Концепция курса «Язык и географическое пространство» (в рамках магистерской программы «Коммуникативные коды в современном межкультурном пространстве») 33
- Раевская М.М.* Язык *ладино* в домене мировой интеллектуальной истории 43
- Доржиева Г.С., Гао Цзяньго.* Лингвосемиотическое содержание и функциональные характеристики пищевых ритуалов (на примере китайских гастронимов) 60

Язык и межкультурная коммуникация

- Прошина З.Г.* Лингвоконтактология: современные проблемы и перспективы 73
- Кабахидзе Е.Л.* Дискурсивный маркер *you know* в политической коммуникации (на материале интервью Д. Трампа 2017–2020 гг.): функции, приемы перевода 89
- Сергиенко П.И.* Лингвопрагматический потенциал использования поликодовой метафоры в PR-дискурсе 100
- Кириллова Е.Д.* Семантическая деривация топонимов в англоязычном медиадискурсе (на материале информационного агентства Reuters за 2017–2018 гг.) 111

Вопросы лексикологии и лексикографии

- Едличко А.И.* Лексикографическая кодификация и семантизация лингводидактических терминов 120

Илсон Р. Лексикография понятий: эмоции (in Engl.) 131

Актуальные проблемы языкового образования

Сафонова В.В. Ценностно-ориентированное языковое образование в современном мире: актуальные проблемы и спорные вопросы лингводидактики российской высшей школы 136

Невежина Е.А. Поликультурный компонент в изучении параллелей русской и французской литературы магистрантами из Китая . . . 149

Традиции и современные тенденции культуры

Руцинская И.И. Пейзажный жанр как объект критики в советской культуре рубежа 1920–1930-х годов 161

Карташева Н.В. Проблема русификации коренных народов Сибири в православной миссионерской публицистике второй половины XIX в. 172

Хлебникова В.Б. Образование черногорцев в Российской империи как инструмент политического и культурного влияния (на примере деятельности МИД и Славянских благотворительных комитетов) 184

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация» в 2022 г. 196

CONTENTS

Language and Speech Theory

<i>Fedosyuk M.Yu.</i> On the Reasons for the Growth of Analyticism and Productivity of Non-Idiomatic Nominations in the Russian Language of our Days	9
<i>Zapolskaya N.N.</i> Text-Work and Its Units: Key Textforms and Textform Keys	20

Language. Cognition. Culture

<i>Kalutskov V.N.</i> The Concept of the Training Course “Language and geographical space” (Within the Framework of the Master’s Program “Communicative Codes in Modern Intercultural Space”)	33
<i>Raevskaya M.M.</i> The <i>Ladino</i> Language in the Domain of World Intellectual History	43
<i>Dorzhieva G.S., Gao Jianguo.</i> Linguosemiotic Content and Functional Characteristics of Food Rituals (Using the Example of Chinese Grocery Stores)	60

Language and Intercultural Communication

<i>Proshina Z.G.</i> Contact Linguistics: Current Challenges and Perspectives	73
<i>Kabakhidze E.L.</i> Discourse Marker <i>you know</i> in Political Communication (on the Basis of Interviews With d. Trump from 2017 to 2020): Functions, Translation Strategies	89
<i>Sergienko P.I.</i> Linguopragmatic Potential of the Use of Polycode Metaphor in PR Discourse	100
<i>Kirillova E.D.</i> Semantic Derivation of Toponyms in the English Media Discourse (Based on the Articles of the Reuters News Agency in 2017–2018)	111

Issues of Lexicology and Lexicography

<i>Edlichko A.I.</i> Lexicographic Codification and Semantization of Language Teaching Terms	120
--	-----

<i>Ilson R.F.</i> The Lexicography of Concepts: Emotions	131
--	-----

Language Education: Topical Issues

<i>Safonova V.V.</i> Value-Oriented Language Education in the Modern World: Modern Challenges and Critical Issues of Higher School Linguodidactics	136
<i>Nevezhina E.A.</i> Polycultural Component in the Study of Russian and French Literature Parallels by Master Students from China	149

Traditions and Modern Tendencies Of Culture

<i>Rutsinskaya I.I.</i> Landscape Genre as an Object of Criticism in Soviet Culture at the Turn of the 1920s–1930s	161
<i>Kartasheva N.V.</i> Russification of the Indigenous Peoples of Siberia in the Orthodox Missionary Publicism of the Second Half of the 19th Century	172
<i>Khlebnikova V.B.</i> Education of Montenegrins in the Russian Empire as a Tool of Political and Cultural Influence (By the Example of the Activities of the MFA and slavic charity committees)	184
<i>The Index of Articles and Materials</i> Published in the Journal “Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication” in 2022	196

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ

О ПРИЧИНАХ РОСТА АНАЛИТИЗМА И ПРОДУКТИВНОСТИ НЕИДИОМАТИЧНЫХ НОМИНАЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАШИХ ДНЕЙ

М.Ю. Федосюк

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; m.fedosyuk@yandex.ru*

Аннотация: Статья направлена на поиск путей системно обоснованного определения причин диахронических изменений в языке, т.е. на выработку такого подхода, который объясняет любые изменения не произвольно выбранными единичными причинами, а результатом взаимодействия социальных и обусловленных ими внутриязыковых факторов. В центре статьи два процесса, протекающих в современном русском языке: утрата склонения топонимами на *-ин(о), -ов(о)* (например, *Я живу в Пушкино / Бутово* вместо *Я живу в Пушкине / Бутове*) и вытеснение топонимической модели «Пушкинская улица» моделью «улица Пушкина». Показано, что исходная причина обоих явлений социальная. Она состоит в усилении внутренней миграции российского населения, а также в широком распространении СМИ. В результате языковой коллектив начинает состоять из таких носителей языка, которые ранее жили в разных регионах страны или принадлежали к разным социальным группам и потому располагают несовпадающими фоновыми знаниями. Невозможность опереться на знания получателей заставляет отправителей сообщений, во-первых, избегать употребления неоднозначных падежных форм (так, при следовании старой норме в предложении *Я живу в Пушкине* остается неясным, какова начальная форма топонима: *Пушкин* или *Пушкино*), а во-вторых, не использовать идиоматические топонимические модели, поскольку они не дают возможности определить, от какого слова образован топоним (современный неидиоматичный топоним *улица Академика Комарова* гораздо более однозначен, чем построенные по старой модели топонимы *Комаровская улица* или *улица Комаровка*).

Ключевые слова: аналитизм; идиоматичность; топонимическая модель; продуктивность; причины языковых изменений; социальные факторы; внутриязыковые факторы; системный подход; однородный языковой коллектив; неоднородный языковой коллектив

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-9-19

Для цитирования: Федосюк М.Ю. О причинах роста аналитизма и продуктивности неидиоматичных номинаций в русском языке наших дней //

ON THE REASONS FOR THE GROWTH OF ANALYTICISM AND PRODUCTIVITY OF NON-IDIOMATIC NOMINATIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF OUR DAYS

Mikhail Yu. Fedosyuk

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; m.fedosyuk@yandex.ru

Abstract: The article is aimed at finding ways for a systematically grounded determination of the causes of diachronic changes in any language, i.e. at the creation a way to explain any linguistic changes not by arbitrarily chosen single causes, but as a result of the interaction of social factors and intralinguistic factors caused by them. The article focuses on two processes taking place in the modern Russian language: the loss of declension by toponyms ending in *-in(o)*, *-ov(o)* (for example, *Ya zhivu v Pushkino / Butovo* instead of *Ya zhivu v Pushkine / Butove*) and the replacement of the toponymic model *Pushkinskaya ulitsa* ('Pushkin street') with the model *ulitsa Pushkina* ('the street of Pushkin'). It is shown that the initial cause of both phenomena is social. It consists in strengthening the internal migration of the Russian population, as well as in the widespread dissemination of the media. As a result, the language community begins to consist of such native speakers who previously lived in different regions of the country or belonged to different social groups and therefore have mismatched background knowledge. The inability to rely on the knowledge of the recipients forces senders of messages, firstly, to avoid using ambiguous case forms (for example, when following the old norm in the sentence *Ya zhivu v Pushkine*, it remains unclear what the initial form of the toponym is: *Pushkin* or *Pushkino*), and secondly, to avoid using idiomatic toponymic models, since they do not make it possible to determine from which word the toponym is derived (the modern non-idiomatic toponym *ulitsa Akademika Komarova* ('Street of Academician Komarov') is much more unambiguous than the toponyms *Komarovskaya ulitsa* ('Komarovskaya Street') or *ulitsa Komarovka* ('Komarovka Street') built according to the old model).

Key words: analyticism; idiomaticity; toponymic model; productivity; causes of language changes; social factors; intralinguistic factors; systemic approach; homogeneous language community; heterogeneous language community

For citation: Fedosyuk M.Yu. (2022) On the Reasons for the Growth of Analyticism and Productivity of Non-idiomatic Nominations in the Russian Language of Our Days. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–19. (In Russ.)

Цель настоящей статьи — наметить пути системно обоснованного определения причин языковых изменений, т.е. такого подхода, который объясняет изменения в языке не произвольно выбранными

единичными причинами, а анализом взаимодействия социальных и внутриязыковых факторов.

Рассмотрим следующий пример: *Я живу в Марфино на улице Академика Комарова*. Это предложение, которое вполне может встретиться в современной русской речи, несомненно, вызвало бы удивление носителей русского языка на рубеже XIX и XX вв. Им показались бы странными, во-первых, несклоняемая форма топонима *Марфино*, а во-вторых, форма родительного падежа в наименовании *улица Академика Комарова*. Сто лет назад топонимы, оканчивавшиеся на *-ин(о)*, *-ов(о)*, неизменно склонялись, а названия улиц, как правило, не имели формы несогласованных определений в родительном падеже. В то время эти названия могли быть либо прилагательными — согласованными определениями к словам типа *улица* или *переулок* (например, *Тверская улица*, *Камергерский переулок*), либо одиночными или распространенными существительными — приложениями к видовым наименованиям типа *улица* (*улица Пречистенка*, *переулок Сивцев Вражек*) [Сытин, 1959]. Иными словами, *улица*, название которой было образовано от фамилии *Комаров*, на рубеже XIX и XX вв. именовалась бы *Комаровская улица* или *улица Комаровка*.

Обратимся вначале к известным объяснениям причин первого из только что упомянутых явлений — современной утраты склонения топонимами на *-ин(о)*, *-ов(о)*. Об этой утрате написано довольно много. Как правило, разные исследователи объясняют ее такими частными и едва ли существенными причинами, как влияние на русский язык текстов информационных сводок времен Великой Отечественной войны или особенностей профессиональной речи географов и топографов. Однако главной причиной рассматриваемой утраты единодушно признан глобальный внутриязыковой фактор — развитие в русском языке XX в. аналитизма. «Свидетельством нарастания аналитических черт в грамматике русского языка является несомненный **рост несклоняемых имен** во второй половине XX в., — пишет Н.С. Валгина. — Речь идет прежде всего о географических названиях на *-ин(о)*, *-ов(о)*. Названия типа *Пушкино*, *Ефремово*, *Салтыково*, *Бутово*, *Разино*, *Старбеево*, *Шереметьево* и т.п. давно уже идут в направлении несклоняемости» [Валгина, 2003: 158; Граудина, Ицкович, Катлинская, 1976; Ильина, 1996; Русский язык и советское общество, 1968].

Однако каковы причины внезапно начавшегося развития в русском языке аналитизма, т.е. типологического свойства, проявляющегося «в раздельном выражении основного (лексич<еского>) и дополнительного (грамматич<еского>, словообразоват<ельного>) значений слова» [Гак, 1990: 31]? В лингвистике второй половины

XX в. к этим причинам, как правило, подходили с позиций структурализма, объясняя их как стихийные и непредсказуемые внутренние перестройки в структуре языка, которые необязательно связаны с социальными факторами. В одном из разделов коллективной монографии «Русский язык и советское общество» (автор этого раздела — М.В. Панов) читаем:

«В чем же тогда причина колебаний грамматического строя (в разных языках) между полюсами “синтетизм — аналитизм”?»

Эти колебания отражают антиномию “код — текст”. При переходе от синтетических к аналитическим конструкциям уменьшается набор различных грамматических единиц и увеличивается объем того текста, на протяжении которого выражаются значения, ранее передаваемые внутри слова. Примеры общеизвестны; наиболее простые — это перевод русского слова типа *медведица* английскими *bear — she*, т. е. сочетанием слов (полнозначного с частицей)¹. Набор словесных знаков для передачи понятий *медведь — медведица, лис — лисица, заяц — зайчиха* и т. п. в английском языке меньше, чем в русском, но число единиц, нужных для обозначения этих единиц в тексте, — больше, чем в русском (два слова, а не одно). <...> Итак, переход к большему аналитизму связан с разрешением антиномии “код — текст” для многих участков грамматической системы в пользу текста» [Русский язык и советское общество, 1968: 14].

И далее: «Как уже сказано, внутренние антиномии языка не имеют одного раз навсегда данного разрешения: нет никаких причин считать, что движение к аналитизму в русском языке будет продолжаться до тех пор, пока он не станет единственной для этого языка системой выражения грамматических значений. Напротив: можно предполагать, что в будущем, в известный период, грамматическое развитие повернет в противоположную сторону. Это будет определяться, может быть, перенасыщенностью текстов аналитическими единицами или какими-либо другими причинами, о которых сейчас судить нельзя» [Русский язык и советское общество, 1968: 14].

Гораздо более убедительной представляется «доструктуралистская» (если так можно выразиться) точка зрения, которую еще в начале XIX в. высказывали основоположники сравнительно-исторического метода. Они объясняли развитие аналитизма не структурными, а социальными причинами — функционированием языка в условиях смешанного языкового коллектива. Так, Расмус Раск писал: «Грамматические соответствия являются гораздо более на-

¹ Видимо, автор цитируемого текста имеет в виду английский эквивалент русского слова *медведица — she-bear*; хотя едва ли есть основания компонент *she* считать частицей.

дежным признаком родства или общности происхождения, так как известно, что язык, который смешивается с другим, чрезвычайно редко или, вернее, никогда не перенимает форм склонения и спряжения у этого языка, но, наоборот, скорее теряет свои собственные. Так, например, английский язык не перенял форм склонения и спряжения у скандинавского или французского, но, напротив, потерял многие древние англосаксонские флексии» [Раск, 1964: 41–42].

Уже в наши дни мысль Р. Раска и его современников о социальных причинах появления и развития в языках аналитизма была подтверждена и углублена Г.П. Мельниковым и его последователями в трудах, посвященных системной типологии языков.

«Рассмотрение языковой карты мира, — пишет один из учеников Г.П. Мельникова А.А. Поликарпов, — обнаруживает, что областям, замкнутым в экономическом и этнолингвистическом отношении, соответствуют, как правило, языки довольно сложного, синтетического грамматического устройства (многие кавказские, сибирские, индейские языки). Наоборот, в областях, в которых давно интенсивно осуществляются процессы этнохозяйственной языковой интеграции народов, языки приобретают ярко выраженное аналитическое устройство (многие европейские языки, языки Юго-Восточной Азии и т.д.)» [Поликарпов, 1979: 45].

Длительное функционирование смешанных языковых коллективов, по наблюдениям Г.П. Мельникова, в конечном итоге способно приводить к развитию не только аналитизма, но и корнеизоляции. «Тенденции к корнеизоляции, — пишет Г.П. Мельников, — как было замечено еще основоположниками компаративистики, наиболее сильны в периоды формирования новых наций и культур в процессе *смешения* представителей многих языков и народов. В этих условиях резко сужается исходный объем социального, общеизвестного знания; сужается та традиционная сфера содержания, в границах которой представители разных культур имеют основания надеяться на взаимное понимание; сокращается объем общеизвестных языковых единиц и круг тех ситуаций, в которых один человек считает необходимым вступить в общение с другим. Все это приводит к потребности предельно *полифункционально* использовать те знаки, на известность которых слушающему может рассчитывать говорящий. Полифункциональность знаков — это прежде всего их парадигматическая и синтагматическая *полисемичность*, для разрешения которой приходится увеличивать информационную нагрузку на контекст, на распределение функции выражения *смысловой* единицы между несколькими единицами с вещественным значением в речевом потоке, на использование этих же единиц для уточнения синтагматических, когноминативных отношений между

называемыми смыслами, что, в частности, связано с выработкой определенных *позиционных* ограничений на порядок следования называемых *смыслов* в высказывании (обычно это трактуется как требование фиксированного “порядка слов”) и с тенденцией предельной неизменчивости звукового облика используемых знаков» [Мельников, 2003: 123].

Развивая только что высказанную мысль, логично прийти к выводу, что образование не полностью однородных языковых коллективов и, соответственно, рост аналитизма в языке может происходить не только по причине длительного совместного проживания носителей разных языков, но и в результате смешения на протяжении относительно короткого времени таких носителей одного языка, которые ранее жили в разных регионах страны или принадлежали к разным социальным группам и в результате располагали разными фоновыми знаниями. Подобные языковые коллективы мы условимся называть не полностью однородными языковыми коллективами.

Именно такой процесс начался в России на рубеже XIX и XX вв., когда многие крестьяне стали переезжать в города и становиться промышленными рабочими. В этом отношении очень интересна та глава книги А.М. Селищева «Язык революционной эпохи», где автор описывает элементы разных диалектов русского языка, сохранившиеся в начале XX в. в речи рабочих московских заводов и фабрик [Селищев, 2017]. Неполная однородность русского языкового коллектива продолжала увеличиваться во второй половине XX в., чему в частности способствовало нараставшее распространение средств массовой информации, которое расширяло количество потенциальных участников общения до масштабов всей страны. В результате у отправителей сообщений стала вырабатываться потребность постоянно принимать во внимание, что знания адресатов могут не полностью совпадать с их собственными знаниями. Так, в первые годы XX в. москвич-адресат, слыша, например, фразу *Я живу в Останкине*, хорошо знал, что начальная форма данного топонима — *Останкино*. Однако позднее вследствие нарастания неполной однородности русского языкового коллектива достаточно типичными стали ситуации, когда коммуниканты, выходцы из разных регионов страны, слыша, например, фразу *Я родом из Рязанской области: родился в Сасове, а детство провел в Касимове*, едва ли могли понять, что речь идет о расположенных в Рязанской области городах Сасово (ср. р.) и Касимов (м. р.). Естественно, что во избежание недоразумений говорящий, скорее всего, должен был либо добавлять к каждому из упомянутых топонимов видовое наименование (*Я родился в городе Сасово, а детство провел в городе Касимов*), либо употреблять существительное среднего рода *Сасово* в форме име-

нительного падежа (*Я родился в Сасово, а детство провел в Касимове*) [Федосюк, 2019]. Легко понять, что неполная однородность языкового коллектива обусловила и другие процессы аналитивизации русского языка XX в. — утрату склонения фамилиями украинского происхождения на *-ко* и *-енко*, а также несклоняемость значительного количества заимствованных существительных.

Перейдем теперь ко второму явлению, упомянутому в начале этой статьи, — появлению в XX в. новой продуктивной топонимической модели «*улица* + несогласованное определение в форме родительного падежа», по которой стали строиться названия улиц. Опираясь на термин *идиоматичность* — ‘способ выражения смысла, основанный на нерегулярных правилах сложения элементов содержания’ [Баранов, Добровольский, 2020: 198], это явление можно назвать ростом продуктивности неидиоматичных номинаций. В самом деле, до начала XX в. российские внутригородские топонимы выполняли главным образом номинативную функцию, и потому они вполне могли быть идиоматичными, т. е. не несущими однозначной информации о том, от какого слова каждый из топонимов образован. К примеру, жители Москвы необязательно должны были понимать, что, предположим, название улицы *Дмитровка* образовано от наименования города *Дмитров*, в направлении которого эта улица ведет, а улица *Петровка* получила свое название от *Высокопетровского монастыря*, который на этой улице расположен. Такое непонимание никак не вредило номинативной функции топонима. Однако после революции 1917 г. новые власти, не отменяя номинативной функции внутригородских топонимов, стали требовать от них выполнения еще и мемориальной и пропагандистской функций, т. е. увековечения памяти об известных людях и знаменательных событиях. И здесь наметилась проблема, связанная с неполной социальной однородностью нового советского языкового коллектива: фоновые знания рядовых горожан нередко не совпадали со знаниями руководящих деятелей, введивших новые названия.

Конкретизируем сказанное. В 1920–1930–е годы некоторые старые московские внутригородские топонимы начали заменяться новыми, мемориально-пропагандистскими. Вначале там, где этому не препятствовали законы русского словообразования, предпринимались попытки образовывать новые названия по старым топонимическим моделям «*улица* + приложение» или «*улица* + согласованное определение». Именно так на карте Москвы появились *улица Ленинская слобода* (1922), *Верхняя и Нижняя Радищевские улицы* (1922), *Кировский проезд* (1935), *Пушкинская площадь* (1937 г.) и др. [Сытин, 1959]. Понятно, что эти названия легко соотносились с

хорошо известными фамилиями политических деятелей *Ленин* и *Киров*, а также писателей *Пушкин* и *Радищев* и потому успешно выполняли свою мемориально-пропагандистскую функцию. Однако в те же годы в Москве появились и такие построенные по традиционным моделям топонимы, как *Русаковская*, *Маленковская* и *Бабаевская улицы* (все три — 1922 г.), а также *Котковский переулок* (1925). Первые три улицы, расположенные в Сокольниках, были названы в честь большевиков Ивана Васильевича Русакова (1877–1921), Емельяна Михайловича Маленкова (1892–1918) и Петра Акимовича Бабаева (1883–1920), каждый из которых в течение довольно короткого времени был председателем Сокольнического районного совета [Москва, 1980: 385; Сытин, 1959]. Что же касается Котковского переулка, то переулок был назван «в память Котковского, одного из участников Великой Октябрьской революции, жившего в этом переулке» [Сытин, 1959: 158]. С достаточно высокой долей уверенности можно предположить, что даже в 1920-е годы люди, в честь которых были названы только что упомянутые улицы, почти никому, кроме районных руководителей — авторов этих названий, не были известны. При этом традиционная модель, по которой образованы только что перечисленные топонимы, является идиоматичной и потому не дает возможности определить, от каких именно слов они образованы. Память кого или чего увековечивает, например, название *Русаковская улица*: человека по фамилии *Русак*, *Русаков*, *Русаковский* или, скажем, местность *Русаково*? А от какого слова образовано название *Котковский переулок*: от фамилии *Котков* или *Котковский* или от топонима *Котково*?

В результате конфликт между новой, мемориально-пропагандистской, функцией внутригородских топонимов XX в. и несоответствием фоновых знаний создателей топонимов знаниям всего остального населения породил новую, неидиоматичную, топонимическую модель «слово типа *улица* плюс несогласованное определение в форме родительного падежа». Эта модель наглядно демонстрировала то имя, ради которого был создан топоним, например: *площадь Прямякова* (1919 г.), *набережная Шитова* (1922 г.), *улица Хромова* (1924 г.), *проезд Скворцова-Степанова* (1928 г.), *площадь Журавлева* (1929 г.) и др. [Федосюк, Бакланова, 2021; Шмелева, 2016]. Фамилии, входившие в состав подобных топонимов, внедряли в память носителей языка имена исторических деятелей, хотя и не информировали о том, кем были эти деятели, — эту недостающую информацию впоследствии стали содержать таблички на самих улицах. Добавим, что позднее в топонимах рассматриваемого типа к фамилиям исторических деятелей нередко стали добавлять их имена (*улицы Василисы Кожиной*, *Ирины Левченко* и *Дениса Давы-*

дова), обозначения профессий (*площадь Космонавта Комарова, улицы Пилота Нестерова, Летчика Бабушкина*) или званий (*улицы Академика Комарова, Маршала Захарова, Генерала Антонова и Комдива Орлова*), что подкрепляло мемориально-пропагандистскую информацию и, кроме того, позволяло избегать одноименности некоторых городских объектов (ср. *площадь Космонавта Комарова и улица Академика Комарова*).

Сказанное дает основания для вывода о том, что следствием неполной однородности любого языкового коллектива может быть не только рассмотренный в начале данной статьи процесс развития в этом языке аналитизма, но и возрастание продуктивности неидиоматичных номинаций. Для подтверждения этого вывода напомним, что одним из результатов совершившегося в России XX в. смешения сельского по своему происхождению населения со свойственными ему патриархальными семейными отношениями и потомственных городских жителей, подобных традиций не имевших, произошло вытеснение таких идиоматичных по своему строению терминов родства, как *шурин, деверь, золовка, сноха*, неоднословными неидиоматичными номинациями *брат жены, брат мужа, сестра мужа и жена сына*.

Подводя итоги всему сказанному, отметим главное: описывая любые диахронические изменения языковой системы, важно характеризовать их не как следствие единичных причин, а как результат взаимодействия социальных и обусловленных ими внутриязыковых факторов. При таком подходе причинами роста аналитизма и возрастания продуктивности неидиоматичных номинаций в русском языке XX–XXI вв. следует признать возникновение в результате внутренней миграции и широкого распространения средств массовой информации неполной однородности языкового коллектива, что повлекло за собой частичное изменение падежной системы русского языка и возникновение новых топонимических моделей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Идиоматичность // Русский язык: Энциклопедия / Под общ. ред. А.М. Молдована. М., 2020. С. 198–199.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2003.
3. Гак В.Г. Аналитизм // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
4. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976.
5. Ильина Н.Е. Рост аналитизма в морфологии // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 1996. С. 326–344.
6. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М., 2003.

7. Москва: Энциклопедия / Гл. ред. А.Л. Нарочницкий. М., 1980.
8. *Поликарпов А.А.* Элементы теоретической социолингвистики. М., 1979.
9. *Раск Р.* Исследования в области древнесеверного языка, или Происхождение исландского языка // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. М., 1964. С. 40–51.
10. Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование. Морфология и синтаксис современного русского языка / Под ред. М.В. Панова. М., 1968.
11. *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917—1926). М., 2017.
12. *Сытин П.В.* Откуда произошли названия улиц Москвы. М., 1959.
13. *Федосюк М.Ю.* «Недаром помнит вся Россия про день ...Бородино», или Почему перестают склоняться топонимы на *-ино*, *-ово* // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». 2019. № 5. С. 333–341.
14. *Федосюк М.Ю., Бакланова И.И.* Театральный проезд или проезд Театра? (Согласованные и несогласованные определения во внутригородской топонимии) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 2. С. 87–97.
15. *Шмелева Т.В.* Новгородская словесность. Великий Новгород, 2016.

REFERENCES

1. Baranov A.N., Dobrovol'skii D.O. 2020. *Idiomatichnost'* [Idiomaticity]. In Moldovan A.M. (ed.) *Russkii yazyk: Entsiklopediya* [Russian Language: Encyclopedia]. Moscow, "AST-PRESS ShKOLA Publ". (In Russ.)
2. Valgina N.S. 2003. *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke* [Active Processes in Modern Russian]. Moscow, "Logos Publ". (In Russ.)
3. Gak V.G. 1990. *Analitizm* [Analyticism]. In Yartseva V.N. (ed.) *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, "Sovetskaya entsiklopediya Publ". (In Russ.)
4. Graudina L.K., Itskovich V.A., Katlinskaya L.P. 1976. *Grammaticheskaya pravil'nost' russkoi rechi: Opyt chastotno-stilisticheskogo slovarya variantov*. [Grammatical Correctness of Russian Speech: An Experience of the Frequency-stylistic Dictionary of Variants]. Moscow, "Nauka Publ". (In Russ.)
5. P'ina N.E. 1996. *Rost analitizma v morfologii* [The Growth of Analyticism in Morphology]. In Zemskaya E.A. (ed.) *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya* [Russian Language of the End of the Twentieth Century (1985–1995)]. Moscow, "Yazyki russkoi kul'tury Publ". (In Russ.)
6. Mel'nikov G.P. 2003. *Sistemnaya tipologiya yazykov: Printsipy, metody, modeli* [System Typology of Languages: Principles, Methods, Models]. Moscow, "Nauka Publ". (In Russ.)
7. Narochnitskii A.L. (ed.) 1980. *Moskva. Entsiklopediya* [Moscow: Encyclopedia]. Moscow, "Sovetskaya entsiklopediya Publ". (In Russ.)
8. Polikarpov A.A. 1979. *Elementy teoreticheskoi sotsiolingvistiki* [Elements of Theoretical Sociolinguistics]. Moscow, "Publishing House of Moscow University". (In Russ.)
9. Rask P. 1964. *Issledovaniya v oblasti drevnesevernogo yazyka, ili Proiskhozhdenie islandskogo yazyka* [Studies in the Old Norse Language, or the Origin of the Icelandic Language]. In Zveginsev V.A. *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh* [History of Linguistics of the XIX–XX Centuries in Tssays and Extracts]. Part I. Moscow, "Prosveshchenie Publ". (In Russ.)

10. Panov M.V. (ed.) 1968. *Russkii yazyk i sovetskoe obshchestvo: Sotsiologo-lingvisticheskoe issledovanie. Morfologiya i sintaksis sovremenogo russkogo yazyka* [Russian Language and Soviet Society: Sociological and Linguistic Research. Morphology and Syntax of the Modern Russian Language]. Moscow, “Nauka Publ”. (In Russ.)
11. Selishchev A.M. 2017. *Yazyk revolyutsionnoi epokhi. Iz nablyudenii nad russkim yazykom (1917–1926)* [Revolutionary Language. From Observations on the Russian Language (1917–1926)]. Moscow, “Editorial URSS, Librokom”. (In Russ.)
12. Sytin P.V. 1959. *Otkuda proizoshli nazvaniya ulits Moskvyy* [Where Did the Names of the Streets of Moscow Come From?]. Moscow, “Moskovskii rabochii, Publ”. (In Russ.)
13. Fedosyuk M.Yu. 2019. “Nedarom pomnit vsya Rossiya pro den’ ...Borodino”, ili Pochemu perestayut sklonyat’sya toponimy na -ino, -ovo [“It’s not Without Reason that all of Russia Remembers about the day Borodino”, or Why Toponyms Ending in -ino, -ovo Cease to Decline]. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, no 5, pp. 333–341. (In Russ.)
14. Fedosyuk M.Yu., Baklanova I.I. 2021. *Teatral’nyj proezd ili proezd Teatra? (Soglasovannye i nesoglasovannye opredeleniya vo vnutrigorodskoj toponimii)* [Teatral’nyj Proezd or Proezd Teatra? (Concorded and Unconcorded Attributes in Russian Street Names)]. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, vol. 80, no. 2, pp. 88–98. (In Russ.)
15. Shmeleva T.V. 2016. *Novgorodskaya slovesnost’* [Novgorod Philology]. Veliky Novgorod, NovGU im. Yaroslava Mudrogo Publ. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.03.2022;
одобрена после рецензирования 15.04.2022;
принята к публикации 18.05.2022

The article was submitted 15.03.2022;
approved after reviewing 15.04.2022;
accepted for publication 18.05.2022

ОБ АВТОРЕ

Федосюк Михаил Юрьевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; m.fedosyuk@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Mikhail Yu. Fedosyuk — Dr. habil in Philology, Professor, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; m.fedosyuk@yandex.ru

ТЕКСТ-ПРОИЗВЕДЕНИЕ И ЕГО ЕДИНИЦЫ: КЛЮЧЕВЫЕ ТЕКСТОФОРМЫ И ТЕКСТОФОРМЫ-КЛЮЧИ

Н.Н. Запольская

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; zapolskaya_n@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме смысловой организации текста-произведения посредством текстовых единиц, обладающих, в отличие от языковых единиц, не значением, а смыслом. Между собой текстовые единицы различаются: а) по структуре — как *простые* (предельно не членимые по смыслу) и *сложные*; б) по происхождению — как *непродуцированные* (цитаты) и *продуцированные*; в) по функции — как *нейтральные* и *ключевые*: *ключевые единицы*, аккумулирующие смысл, и *единицы-ключи*, открывающие смысл; г) по смысловому объему — как *внутритекстовые* и *межтекстовые*; д) по позиции в тексте — как *структурно выделенные* и *структурно невыделенные*. Выявлять *ключевые* текстовые единицы позволяют определенные формальные и функциональные приемы их употребления в тексте: *повторение*, использование их как *пояснение* или как компонентов *реплицирования*. В отечественной филологической традиции эти единицы определялись как «символы» [Виноградов, 1980], как «аббревиатуры смысла» [Бахтин, 1986], как «ключи нарратива» [Николаева, 2012]. Автор статьи предлагает термин «текстоформы» («ключевые текстоформы» и «текстоформы-ключи»), что позволяет соотносить текстовые формы как единицы грамматики текста и грамматические формы как единицы грамматики языка. В статье представлен анализ текстоформ, организующих смысловое пространство текстов конфессиональной культуры («Сказание о Борисе и Глебе») и текстов секулярной культуры, различающихся художественными принципами и формами презентации этих принципов (повесть Пушкина «Капитанская дочка» и стихотворение Бродского «Декабрь во Флоренции»).

Ключевые слова: грамматика текста; текст-произведение; ключевые единицы текста; единицы-ключи; цитатное пространство текста; эпиграфы и параэпиграфы

doi:10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-20-32

Для цитирования: Запольская Н.Н. Текст-произведение и его единицы: ключевые текстоформы и текстоформы-ключи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 20–32.

TEXT-WORK AND ITS UNITS: KEY TEXTFORMS AND TEXTFORM KEYS

Natalya N. Zapolskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; zapolskaya_n@mail.ru

Abstract. The article examines the semantic organization of text-work by means of textual units, which convey meaning, unlike linguistic units, which convey significance. Textual units differ: a) in structure — *simple* (indivisible in meaning) and *complex*; b) by origin — *unoriginal* (quotations) and *original*; c) by function — *neutral* and *marked: key units* that accumulate meaning, and *unit-keys* that reveal meaning; d) by semantic volume — *intratextual* and *intertextual*; e) by position in the text — *structurally marked* and *structurally unmarked*. Certain formal and functional ways of their use in a text allow to identify textual units: repetition, their use for explanation or replication. In the Russian philological tradition, these units were called “symbols” [Vinogradov, 1980], “abbreviations of meaning” [Bakhtin, 1986], “narrative keys” [Toporov, 1983; Nikolaeva, 2012]. The author of the present article introduces the term “textforms” (“key textforms” and “textform keys”) which makes it possible to view textual forms as units of text grammar and grammatical forms as units of language grammar. The article presents an analysis of textforms that organize the semantic dimension of texts of confessional culture (“The Tale of Boris and Gleb”) and texts of secular culture that differ in artistic principles and forms of presentation of these principles (Pushkin’s novel “The Captain’s Daughter” and Brodsky’s poem “December in Florence”).

Key words: text grammar; text-work; key textual units; key units; textual quotation dimension; epigraphs and pseudo-epigraphs

For citation: Zapolskaya N.N. (2022) Text-Work and its Units: Key Textforms and Textform Keys. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 20–32. (In Russ.)

1. Среди филологических дисциплин особое место занимает *грамматика текста-произведения* [Николаева, 2012], изучающая состав единиц (морфология текста) и связи единиц текста-произведения (синтактика текста). Текстовые единицы могут совпадать с разными языковыми единицами — словом, словосочетанием, предложением, но, в отличие от языковых единиц, обладающих значением, текстовые единицы обладают смыслом, задают читателям смысловой посыл и предполагают смысловой ответ. В процессе порождения текста-произведения «межиндивидуальные» языковые единицы преобразуются в соответствии с интенциями автора в «индивидуальные» текстовые единицы, т.е. «данное» становится «созданным» [Бахтин, 1986]. Предельно не членимые по смыслу текстовые единицы объединяются в сложные смысловые «концентры», которые, в свою очередь, становятся сложными текстовыми

единицами, подчиняющимися авторскому замыслу, поэтому текст-произведение не представляет собой «прямолинейного построения», в котором элементы «присоединялись бы один к другому наподобие разложенных в ряд прямоугольников домино или такой мозаичной картины, где составные части непосредственно явлены и четко отделены» [Виноградов, 1980: 244]. Между собой текстовые единицы различаются: а) по структуре — как *простые* (предельно не членимые по смыслу) и *сложные*; б) по происхождению — как *непродуцированные* (цитаты) и *продуцированные*; в) по функции — как *нейтральные* и *ключевые*: *ключевые единицы*, аккумулирующие смысл, и *единицы-ключи*, открывающие смысл; г) по смысловому объему — как *внутритекстовые* и *межтекстовые*; д) по позиции в тексте — как *структурно выделенные* и *структурно невыделенные*. Выявлять ключевые текстовые единицы позволяют определенные формальные и функциональные приемы их употребления в тексте: *повторение*, использование их как *пояснение* или как компонентов *реплицирования*. Несмотря почти на вековую традицию изучения единиц текстов-произведений, созданных в разное время и в разных пространствах, эти единицы не получили общепринятой терминологической закреплённости. В отечественной филологической традиции эти единицы определялись как «символы» [Виноградов, 1980], как «аббревиатуры смысла» [Бахтин, 1986], как «ключи нарратива» [Николаева, 2012]. Представляется возможным использовать в качестве рабочего термина «текстоформы» («ключевые текстоформы» и «текстоформы-ключи»), соотнося тем самым текстовые формы как единицы грамматики текста и грамматические формы как единицы грамматики языка. В статье представлен анализ текстоформ, организующих смысловое пространство текстов конфессиональной культуры («Сказание о Борисе и Глебе») и текстов секулярной культуры, различающихся художественными принципами и формами их презентации (повесть Пушкина «Капитанская дочка» и стихотворение Бродского «Декабрь во Флоренции»). Созданные в разном культурном времени и пространстве эти тексты на содержательном уровне объединены универсальной темой «власти» в ее антропоцентрической перспективе — «человек, обремененный властью» / «человек, подчиненный власти», а на формальном уровне объединены смысловой нагруженностью, выраженной в параэпиграфах и эпиграфах, являющихся текстоформами-ключами.

2. Диагностическими признаками текстов-произведений конфессиональной христианской культуры, т.е. *книжных текстов*, являлись: прагматическая функция, заданная необходимостью познания христианином пути спасения; преобладание механизма репродукции над механизмом продуцирования; скрытая форма авторства

при ориентации на авторитет; доминирующий метафизический статус «наадресата»; включенность в иерархические межтекстовые отношения, заданные библейскими богослужебными текстами; истолкование в контексте христианской экзегетической традиции [Запольская, 2012].

Смысловая структура книжных текстов включала два обязательных уровня: уровень буквального смысла и уровень духовного смысла, поскольку «историческая, преходящая реальность становилась в полной мере уяснимой только в свете реальности духовной, о которой свидетельствует Библия и другие богодухновенные священные тексты» [Пиккио, 2003: 33]. Со-бытие двух смысловых уровней выражалось двумя типами текстовых форм — продуцированными и непродуцированными (цитатами), при этом цитаты, являясь текстовыми формами-ключами, выступали своеобразным *пояснением*, помогающим читателю правильно понять реальные исторические события в контексте священной истории. Между буквальным уровнем смысла и духовным устанавливались отношения синсемии [Пиккио, 2003], так как два смысловых уровня должны были свидетельствовать о единственной истине. При этом «тотальный» смысл книжного текста раскрывался структурно выделенной, находящейся в начале текста, текстоформой-ключом («библейским тематическим ключом» [Пиккио, 2003: 437]), т.е. своеобразным библейским «параэпиграфом».

Пример такой структурной организации книжного текста представляет «Сказание о Борисе и Глебе»¹ — первая текстовая фиксация «вхождения Руси в пространство христианского опыта, связанного с явлением персонифицированной святости» [Топоров, 1995: 415]. Трагическая история убийства князей Бориса и Глеба их братом князем Святополком осмыслялась в агиографическом сочинении как факт включения русской истории в священную историю, что предполагало истолкование реальной истории с позиции библейских прецедентов.

Раскрывая истоки и значение святости русских князей Бориса и Глеба, агиограф предварял повествование библейским «параэпиграфом»: «**Родъ правныхъ бл҃гословить сѧ рече про̄ ркѣ и сѣмѧ ихъ въ бл҃гословеннѧ боудеть**» (43: 86 24–27). Традиционно эта цитата атрибутируется исследователями как 2-й стих 111 псалма [Пиккио, 2003: 448], хотя очевидны неточность цитирования и изменение порядка следования компонентов цитаты. Для сравнения можно привести точное цитирование этого псалтырного фрагмента

¹ «Съказаниѣ и страсть и похвала ст҃юю мч҃нкоу бориса. и глѣба» в составе Успенского сборника XII–XIII вв. Далее цит. по: Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.

в другом тексте, содержащемся в Успенском сборнике, в «Похвальном слове Кириллу и Мефодию»²: «**Сильно на земли боудеть съмъ ко · родъ правыхъ власть ѿ**» (199–200: 110б 2–4). Трудно согласиться с тем, что теологически осведомленный книжник, стремящийся выразить святость как духовную стратегию, позволил себе свободное цитирование библейского текста в структурно отмеченной позиции. Можно предложить другое прочтение «параэпиграфа», полагая, что он включает не одну, а две псалтырные цитаты, соединенные указанием на источник — **рече прѣоркъ**: цитата «**Родъ правыхъ блгословить са**» — это действительно фрагмент 2 стиха 111 псалма, который истолковывается как наставление в благочестии; а цитата «**съма ихъ въ блгословенни боудеть**» — это фрагмент 26 стиха 36 псалма, в котором говорится о судьбах праведников и нечестивых, и если «**съма (праведныхъ) въ блгословенни боудеть**» (26 стих), то «**съма нечестивыхъ потребитса**» (27 стих). Такой взгляд на источники и их толкование позволяет снять и смысловую симметрию частей «параэпиграфа», которая традиционно может интерпретироваться только как факт поэтики, а именно как стилистическая симметрия [Лихачев, 1979]. Представляется, что первая часть «параэпиграфа» задавала «парадигму праведных родов», в которую включался и род князя Владимира, праведность которого «отсчитывалась» с того времени, когда он «**стынимъ крщеникмъ всю просвѣти сию землю роусьскоу**» (43: 8в 1–3), а вторая часть косвенно уточняла, что в парадигму праведности включаются только родные сыновья Владимира и соответственно исключается Святополк, поскольку его рождение свидетельствовало о двух грехах — о грехе его отца Ярополка, который расстриг монахиню-гречанку и «**зача отъ неа сего стплька оканьнааго**», и о грехе князя Владимира, который «**поганъи кще оубивъ гаропьлка и погачъ женоу ко непраздноу соущю**» (43: 8в 20–24). Однако изложенная книжником история о тварной греховности Святополка объясняла его замысел убить братьев только на уровне буквального прочтения текста, а на уровне духовного прочтения текста требовалось использование текстоформ-ключей, указывающих на библейские образцы. Книжник, теологически обосновывая замысел Святополка убить Бориса, функционально отождествил Святополка и Каина, отсылая читателей к ветхозаветному сюжету, к Книге Бытия (Быт. 4:8): «**Диаволъ... обрѣтъ тако же преже кайна на братоубиинство гораша. тако же и стѣплькъ по истинѣ въторааго**

² Слово похвально на памѣ съма и прѣславныма оучителема словѣнскоу языкоу сътворышомоу писмены комоу · прѣдожьшема новын и ветъхын законъ въ язык ихъ. блаженомоу кѣрилоу · и архіепоу паноньскоу · и мефодію)

каина оулови мысль югоко да избнѣть вса наслѣдники оца своѣго. а самъ принять ѣдинъ всюю власть» (46: 10а 13–20). Теологически обосновывая замысел Святополка убить Глеба, книжник обратился уже к новозаветному сюжету и функционально отождествил Святополка и Иуду, введя цитату из Евангелия от Луки, объясняющую замысел Иуды предать Христа также дьявольским искушением (Лк. 22:3): **«Въниде въ сердце кго сотона и начаты и пострѣкати. и вщъша и горьша съдѣяти. и множанша оубиства»** (50: 12г 28–32).

Избранный книжником структурно выделенный текстовый ключ позволил ввести в «парадигму праведности по роду» и князя Ярослава, который покарал убийцу Бориса и Глеба, при этом духовным обоснованием вновь стала отсылка к Книге Бытия, к истории убийства Каином Авеля (Быт 3:4): молитва Ярослава содержала адаптированную цитату **«кръвь брата моѣго въпикъ къ тебе влѣдыко · тако же и авелевава преже»** (54: 15в 17–20). В изложении агюграфа, после победы над Святополком Ярослав защитил память братьев и установил новый политический порядок, основанный на христианской истине, тем самым мученичество Бориса и Глеба стало восприниматься как вклад в христианизацию политической власти, что выразилось в ключевой текстоформе: **«Ѵтолѣ крамола преста въ роуцьскѣ земли. а ярославъ преа всюю волость роуцьскою»** (55: 3–6).

3. Диагностическими признаками текстов-произведений секулярной культуры, т.е. *литературных текстов*, являются: эстетическая функция; преобладание механизма продуцирования над механизмом репродуцирования; открытая форма авторства; физический статус адресата; включенность в линейные межтекстовые отношения; критика текста [Запольская, 2012].

Смысловая структура литературных текстов в зависимости от художественных принципов, форм реализации этих принципов и авторской позиции может включать как один смысловой уровень — буквальный, так и несколько уровней — буквальный и небуквальные, находящиеся в отношении синсемии или полисемии. Структурно отмеченные текстовые формы-ключи, в роли которых выступают эпиграфы, в литературных текстах, в отличие от книжных, являются факультативными, что актуализирует внимание к ним при исследовании текстовой организации.

3.1. Повесть «Капитанская дочка»³, представляющая «историческую эпоху в вымышленном повествовании», написана Пушкиным в форме семейных дворянских мемуаров («записок»), «олигерату-

³ Далее цит. по: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. М., 1954.

ренных» неким издателем посредством изменения собственных имен и введения к каждой главе эпиграфа. Изображение в повести оппозиции двух социальных и культурных миров — дворянского и крестьянского определило характер дифференциации эпиграфов: «дворянским» главам предпосланы эпиграфы, либо заимствованные из произведений поэтов эпохи Просвещения (А. Сумарокова, Я. Княжнина, М. Хераскова, Д. Фонвизина), либо стилизованные под них; «крестьянским» главам предпосланы эпиграфы, связанные с фольклором — пословицы и песни (исторические, солдатские, свадебные). Создание Пушкиным своеобразного текста-конвоя из эпиграфов позволяет предположить, что и авторская позиция раскрыта с помощью эпиграфов, соотносимых, соответственно, с литературными и фольклорными источниками. В этой исследовательской перспективе интересны, на наш взгляд, два эпиграфа — литературный эпиграф к XI главе «Мятежная слобода» и фольклорный эпиграф к VI главе «Пугачевщина».

Главе «Мятежная слобода» предпослан стилизованный Пушкиным под басню Сумарокова эпиграф, представляющий в иносказательном плане отношения властителя и подданного: «В ту пору лев был сыт, хоть с роду он свиреп. “Зачем пожаловать изволил в мой вертеп?” — Спросил он *ласково*» (274). Смысл возможного, обусловленного обстоятельствами, милостивого отношения властителя задается предельно не членимой по смыслу текстоформой-ключом «*ласково*». Эта же текстовая форма организует смысл и «пророческого» сна Гринева, определившего дальнейшие отношения Гринева и Пугачева: во сне Гринева стоит на коленях у постели умирающего отца в ожидании последнего благословения и вдруг видит, что перед ним не отец, а «страшный мужик»: «Страшный мужик *ласково* меня кликал, говоря: “Не бойсь, подойди под мое благословение”» (227). Та же текстовая форма представлена и в кульминационных точках повествования, показывающих проявление милости Пугачева к Маше Мироновой и милости Екатерины II к Гриневу, тем самым эта текстовая форма демонстрирует нравственную соматштабность Пугачева и Екатерины II как властителей: «Потом обратился он (Пугачев) к Марье Ивановне и сказал ей *ласково*: “Выходи, красная девица; дарую тебе волю. Я государь”» (283) = «Государыня *ласково* к ней обратилась...и сказала: “Я убеждена в невинности вашего жениха”» (299). Нарочитое *повторение* текстового ключа «*ласково*», по смыслу соединяющего эпиграф, сон как прообразовательный микрожанр и собственно повествование, раскрывает авторскую позицию и приводит читателя в конце романа к идее различения «милости» и «правосудия», понимаемого как следование законам без учета нравственной составляющей: Маша

Миронова, обращаясь к императрице, говорит, что она «приехала просить *милости*, а не *правосудия*» (297) [Запольская, 2012].

Главе «Пугачевщина», являющейся композиционным центром повести, предпослан фольклорный эпиграф, атрибутированный Пушкиным просто как «Песня», хотя источник эпиграфа — «Историческая песнь о взятии Казани Иваном Грозным»: *«Вы, молодые ребята, послушайте, Что мы, старые старики, будем сказывать»* (247). Особенность данного текстового ключа в том, что он является «смысловым нулем», не открывает смысл главы, а указывает на его обретение в самом тексте главы. Формальной скрепой эпиграфа и текста главы оказываются соотносимые предельные, не членимые по смыслу текстоформы-ключи: обращение «молодые ребята» в эпиграфе и обращение «молодой человек!» в тексте главы. При этом обращение «молодой человек» приводит к совмещению эготекста персонажа и лирического отступления автора: размышления Гринёва о трагизме ожесточения противоборствующих сторон получает обобщение в ключевой текстоформе, выражающей позицию Пушкина: «Молодой человек! Если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, *что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений*» (252). Внимание к текстовым формам-ключам, соотношенным с ключевыми текстовыми формами, позволяет сделать вывод, что они являются формальными приемами выражения позиции Пушкина, утверждавшего в своей повести идею гуманности, возведенной в государственный принцип.

3.2. Стихотворение «Декабрь во Флоренции», датированное 1976 г., было написано Бродским в эмиграции в декабре 1975 г. после поездки во Флоренцию: «Не помню, в связи с чем я оказался во Флоренции. . . Я там ходил, на что-то смотрел. . . Мне всегда хотелось писать таким образом, будто я не изумленный путешественник, а путешественник, который волочит свои ноги сквозь»⁴.

Стихотворению предпослан эпиграф — строка из стихотворения Ахматовой «Данте»: *«Этот, уходя, не оглянулся. Анна Ахматова»*. Нехарактерность для поэзии Бродского эпиграфов определяет вопросы: почему этому стихотворению был задан эпиграф? почему не было указано название стихотворения — «Данте»? почему была выбрана именно эта строка, а не начальные строки стихотворения *«Он и после смерти не вернулся / В старую Флоренцию свою»*?

Пытаясь объяснить выбор Бродским строки *«Этот, уходя, не оглянулся»* в качестве эпиграфа, исследователи обращали внимание

⁴ Бродский И. Пересеченная местность: Путешествия с комментариями. М., 1995. С. 174–175.

либо на явленные в ней интертекстуальные отношения, либо на особенности поэтики, фрагментируя при этом строку, актуализируя ее разные компоненты. Так, глагол «оглянулся», по мнению исследователей, делает именно эту строку «аллюзийно наиболее емкой», поскольку, с одной стороны, отсылает к библейскому тексту — эпизоду из Книги Бытия о жене Лота, которая оглянулась на башни родного Содома и превратилась в соляной столп, а с другой стороны, к сопровождаемому эпитафией из Книги Бытия стихотворению Ахматовой «Лотова жена», дающему поэтическую интерпретацию библейского текста — «Лишь сердце мое никогда не забудет / Отдавшую жизнь за единственный взгляд» [Крепс, 1984: 182–183]. При этом два стихотворения Ахматовой оказываются противопоставлены друг другу, выражая разное авторское отношение к теме невозвращения на родину: жена Лота «оглянулась» → «взглянула» // «Этот» (Данте) «не оглянулся». В рамках поэтики указательное местоимение «этот», по мнению исследователей, демонстрирует «одно из далекоидущих сходств (поэзии Ахматовой и Данте) — семантическую и интонационную выделенность местоимений (обычно — указательных, реже — притяжательных) [Мейлах, Топоров, 2018: 270]. Однако эти интерпретации в большей степени характеризуют стихотворение Ахматовой, а не соотносимость стихотворений Ахматовой и Бродского.

Можно предположить, что строка «*Этот уходя не оглянулся*», сопровождаемая именем автора — *Анна Ахматова*, является сложной текстоформой-ключом, открывающей разные смыслы на уровне содержательного и на уровне формального *реплицирования* текстов. На содержательном уровне указательное местоимение «этот», имеющее значение «тот, на которого говорящий *определенно* указывает, которого он характеризует», становясь предельной текстоформой-ключом, обретает смысл и указывает в пространстве стихотворения Ахматовой на Данте, имя которого задано в названии стихотворения и в эпитафье, взятом из «Божественной комедии», т.е. «*этот, уходя не оглянулся*» = *Данте/Dante*. Оказываясь в пространстве стихотворения Бродского, текстоформа-ключ «этот» получает расширение смысла, указывая не только на Данте, но и на самого Бродского, имя которого скрыто в конце стихотворения в форме относительного местоимения «который», тем самым включая Бродского в парадигму изгнания, т.е. сложная текстоформа-ключ «*этот, уходя не оглянулся*» входит в отношения реплицирования с текстоформой-ключом «*человек, который убыл*». На формальном уровне представленная в обоих стихотворениях атрибуция эпитафья, включающая только имя автора без называния произведения, демонстрирует, с одной стороны, формальное тождество презента-

ции эпитафия, а с другой стороны, демонстрирует функциональное тождество авторов как двух великих поэтов, т.е. *Dante = Анна Ахматова*.

Интересно, что, переводя стихотворение на английский язык, Бродский меняет и эпитафию, выбирая первые строки стихотворения Ахматовой, сосредотачивая тем самым внимание на судьбе Данте-изгнанника: «*Он и после смерти не вернулся / В старую Флоренцию свою*» → «*He has not returned to his old Florence, even after having died...*» *Anna Akhmatova*.

Принцип включенности текстовых форм в процесс *межтекстового реплицирования* позволяет правильно понять и первую строфу стихотворения Бродского, а именно строку «*Ты не вернешься сюда*», рассмотрев ее как не членимую по смыслу текстоформу-ключ.

Традиционно исследователи, ссылаясь на нарочитое неназывание имени Данте в текстах Ахматовой и Бродского, предлагают свободную интерпретацию отдельных компонентов данной строки, т.е. фрагментируют эту строку. Так, местоимение «ты» прочитывается литературоведами и как обращение к Данте, изгнанному из Флоренции, и как обращение к автору, осознающему невозможность для себя самого вернуться в Ленинград, и как обращение к другим поэтам-изгнанникам, и как обращение к читателям, к деперсонифицированным адресатам, лишенным возможности вернуться на родину [Ахапкин, 2020]. Равным образом в лингвистическом исследовательском контексте рассмотрение определено-личной формы 2 лица единственного числа «не вернешься» наряду с обобщенно-личными формами 2 лица единственного числа с субъектным синтаксическим нулем «*отводишь* взор от человека и *поднимаешь* ворот» порождает вывод о смысловом референциальном объеме, о включении в сферу поэтического Я разных поэтов [Онипенко, 2020]. При этом утверждается, что такой эффект достигается посредством скрытого нарочито неточного цитирования стихотворения Ахматовой со сменой времени и лица глагола: «*Он и после смерти не вернулся / В старую Флоренцию свою*» → «*Ты не вернешься сюда*». Такая грамматическая адаптация цитаты позволяет Бродскому представить себя и Данте как участников диалога, т.е. он ведет разговор с Данте, в отличие от Ахматовой и Мандельштама, которые «говорили о Данте» [Онипенко, 2013]. Представленные интерпретации построены на обращенности стихотворения Бродского к стихотворению Ахматовой и не учитывают должным образом обращенности стихотворения Бродского и стихотворения Ахматовой к главному для обоих поэтов тексту — к «Божественной комедии» Данте. Первая строфа стихотворения, действительно, демонстрирует мыслимый диалог Данте и Бродского, но не потому что строка «*Ты не вернешь-*

ся сюда» является адаптированной скрытой цитатой из стихотворения Ахматовой, а потому что она является органичной ответной репликой, содержащей глагольную форму 2 лица единственного числа, на реплику Данте в XXV песне Рая, содержащую глагольную форму 1 лица единственного числа: «Коль в некий день поэмоу священной ...*Вернусь*, поэт, и осенюсь венцом, Там, где крещенье принимал ребенком...»⁵ (406). При этом Данте говорит не просто о своем будущем возвращении во Флоренцию, а о торжественном поэтическом возвращении в пространство обретения веры, в пространство духовного рождения — в баптистерий Сан-Джованни: «Затем что в веру, души пред Творцом / Являющую, там я облачился» (407), и понимание этого наполняет конкретным смыслом наречие «сюда» в стихотворении Бродского, столь же органично включая его в нечленимую по смыслу текстовую форму. Понимание того, что Данте мечтал увенчаться венцом поэта в своем «прекрасном Сан-Джованни», было явлено и в стихотворении Ахматовой, выбравшей эпиграфом к своему стихотворению именно строку из XIX песни Ада: “*Il mio bel San Giovanni*” — «в моем прекрасном Сан-Джованни, / Где таинство крещения Творят».

Таким образом, Бродский представил в своем стихотворении бинокулярное видение судьбы Данте, дающее возможность читателям «присутствовать» и при «разговоре Бродского и Данте», и при «разговоре Бродского и Ахматовой о Данте», при «разговорах», построенных на текстоформах, включающих глагол «вернуться» в трех лицах: «— *Вернусь*, поэт, и осенюсь венцом, Там, где крещенье принимал ребенком...» — «Ты не вернешься сюда»; «Он и после смерти не вернулся В старую Флоренцию свою» (“*Il mio bel San Giovanni*”).

Очевидно также, что для Бродского, который говорил, что во Флоренции он «ходил, на что-то смотрел», вербальный фрагмент из XXV песни Рая, визуализировался и особым образом — как текст на табличке, которую видят и читают все путешественники, рассматривающие старейшую достопримечательность Флоренции — баптистерий Сан-Джованни:

Se mai continga che 'l poema sacro
al quale ha posto mano e Cielo e terra,
si che m'ha fatto per molti anni macro,
vinca la crudelta che fuor mi serra
del bello ovile ov' io dormi' agnello,
nimico ai lupi che li danno guerra;

---

⁵ Здесь и далее цит. по: Данте Алигьери. Божественная комедия. Новая жизнь. М., 2020.

con altra voce omai, con altro vello
ritornero* poeta, e in sul fonte
del mio batesmo prendero * 'l Capello.

Так, личность, пространство и тема изгнания, соединившись в пространстве города, напоминают всем читающим эти строки о человеке, который подписывал свои латинские послания “Dantes Alagherii Florentinus et Exul immeritus” (Данте Алигьери, флорентинец и безвинный изгнанник).

4. Анализ ключевых текстовых форм и текстовых форм-ключей, определяющих технику индивидуального смыслопорождения в текстах-произведениях, дает возможность понять, как из известного общего языкового материала возникает «ранее неизвестное исторически единственное индивидуальное целое» [Бахтин, 1986: 324].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахаткин Д. Перечитывая «Декабрь во Флоренции» // Звезда. 2020. № 5. С. 135–156.
2. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 297–325.
3. Виноградов В.В. О теории литературных стилей // Виноградов В.В. О языке художественной прозы: Избранные труды. М., 1980. С. 240–249.
4. Запольская Н.Н. Лингвистика «созданного»: языковые ключи в книжных и литературных текстах // Ключи нарратива. 2012. С. 57–78.
5. Крепс М. О поэзии Иосифа Бродского. Ann Arbor, MI, 1984.
6. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
7. Мейлах М., Топоров В. Ахматова и Данте // Мейлах М. Поэзия и миф: Избранные статьи. М., 2018. С. 263–306.
8. Николаева Т.М. Ключи нарратива. Введение // Ключи нарратива. М., 2012. С. 7–56.
9. Онипенко Н.К. Между определенно-личностью и обобщенно-личностью (семантика синтаксических нулей в стихотворении И. Бродского «Декабрь во Флоренции») // Сборник памяти А.Б. Пеньковского. М., 2013.
10. Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: литература и язык. М., 2003.
11. Топоров В.Н. Святость и святыне в русской духовной культуре. Первый век христианства на Руси. М., 1995.

REFERENCES

1. Ahapkin D. 2020. Perechityvaya «Dekabr' vo Florencii» [Rereading “December in Florence”]. *Zvezda*, no. 5, pp. 135–156. (In Russ.)
2. Bahtin M.M. 1986. *Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnykh naukah* [The Problem of text in linguistics, Philology and other humanitarian sciences] In M.M. Bahtin (ed.) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The esthetics of literary work]. Moscow, pp. 297–325. (In Russ.)
3. Vinogradov V.V. 1980. *O teorii literaturnykh stilej* [On the theory of literary styles] In V.V. Vinogradov (ed.) *O yazyke hudozhestvennoj prozy* [On the language of fiction novels]. Moscow, pp. 240–249. (In Russ.)

4. Zapol'skaya N.N. 2012. *Lingvistika "sozdannogo": yazykovye klyuchi v knizhnyh tekstah* [Linguistics of "created": linguistic keys in book culture texts and literature] In Nikolaeva T.M. (ed.) *Klyuchi narrativa* [Narrative keys]. Moscow, pp. 57–78. (In Russ.)
5. Kreps M. 1984. *O poezii Iosifa Brodskogo* [On J. Brodsky's poetry]. Ann Arbor, MI. (In Russ.)
6. Lihachev D.S. 1979. *Poetika drevnerusskoj literatury* [The poetics of old Russian literature]. Moscow. (In Russ.)
7. Mejlah M., Toporov V. 2018. *Ahmatova i Dante* [Akhmatova and Dante] In M. Mejlah (ed.) *Poeziya I mif. Izbrannye stat'i* [Poetry and Myth. Selected works]. Moscow, pp. 263–306. (In Russ.)
8. Nikolaeva T.M. 2012. *Klyuchi narrativa. Vvedenie* [Narrative keys. Introduction] In Nikolaeva T.M. (ed.) *Klyuchi narrativa* [Narrative keys]. Moscow, pp. 7–56. (In Russ.)
9. Onipenko N.K. 2013. *Mezhdru opredelenno-lichnost'yu I oboshchenno-lichnost'yu (semantika sintaksicheskikh nulej v stihotvorenii I. Brodskogo "Dekabr' voFlorencii")* [Between definitive personal and indefinite personal. The semantics of syntactic zeros in Brodsky's poem "December in Florence"] In *Sbornik pamyati A.B. Pen'kovskogo* [Collective monograph in memory of Penkovsky]. Moscow. (In Russ.)
10. Pikkio R. 2003. *Slavia Orthodoxa: literature I yazyk* [Slavia Orthodoxa: literature and language]. Moscow. (In Russ.)
11. Toporov V.N. 1995. *Svyatost' i svyatyje v russkoj duhovnoj kul'ture. Pervyy vek hristianstva na Rusi* [Sanctity and saints in Russian culture. First centuries of Christianity in Rus]. Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.04.2022;
одобрена после рецензирования 13.05.2022;
принята к публикации 18.05.2022

The article was submitted 13.04.2022;
approved after reviewing 13.05.2022;
accepted for publication 18.05.2022

ОБ АВТОРЕ

Запольская Наталья Николаевна — доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова; zapolskaya_n@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalya N. Zapolskaya — Dr. habil in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Slavic Languages and Cultures at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University; zapolskaya_n@mail.ru

ЯЗЫК. ПОЗНАНИЕ. КУЛЬТУРА

КОНЦЕПЦИЯ КУРСА

«ЯЗЫК И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО»

(В РАМКАХ МАГИСТЕРСКОЙ ПРОГРАММЫ «КОММУНИКАТИВНЫЕ КОДЫ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ»)

В.Н. Калуцков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; v.kalutskov@yandex.ru

Аннотация: Курс «Язык и географическое пространство» нацелен на исследование современных динамических лингвогеографических ситуаций, связанных с новыми политическими и культурными реалиями. При этом основными в рамках курса являются подходы культурной географии и критической топонимики. Ключевой для курса является проблематика переименований географических объектов на основе новых идеологий и политических установок. Комплексный культурно-географический подход рассматривает переименование как инновационно-адаптивный социокультурный процесс. Массовые переименования в городах приводят к замещению одного культурно-языкового ландшафта на другой, а повсеместные переименования городов — к созданию нового геокультурного пространства страны. Важным является представление о географической картине мира, которое решается на основе привлечения разнообразных карт мира; для лингвистов полезно знакомство с возможностями картографического метода. В итоге курс расширяет научный кругозор и методический арсенал магистрантов.

Ключевые слова: переименование; топоним; географическое название; геоконцепт; концептуализация географического пространства; географическая картина мира

doi:10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-33-42

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Калуцков В.Н. Концепция курса «Язык и географическое пространство» (в рамках магистерской программы «Коммуникативные коды в современном межкультурном пространстве») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 33–42.

**THE CONCEPT OF THE TRAINING COURSE
“LANGUAGE AND GEOGRAPHICAL SPACE”
(WITHIN THE FRAMEWORK OF THE MASTER’S PROGRAM
“COMMUNICATIVE CODES IN MODERN INTERCULTURAL
SPACE”)**

Vladimir N. Kalutskov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; v.kalutskov@yandex.ru

Abstract: The course “Language and geographical space” is aimed at the study of modern dynamic linguistic and geographical situations associated with new political and cultural realities. At the same time, the approaches of cultural geography and critical toponymy are the main ones in the course. The key to the course is the problem of renaming geographical objects based on new ideologies and political attitudes. A comprehensive cultural and geographical approach considers renaming as an innovative and adaptive socio-cultural process. Mass renaming in cities leads to the replacement of one cultural and linguistic landscape with another, and widespread renaming of cities leads to the creation of a new geocultural space of the country. It is important to have an idea of the geographical picture of the world, which is solved on the basis of attracting various maps of the world; for linguists, familiarity with the possibilities of the cartographic method is useful. As a result, the course expands the scientific horizons and methodological arsenal of Master’s degree students.

Keywords: renaming; toponym; geographical name; geoconcept; conceptualization of geographical space; geographical picture of the world

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Kalutskov V.N. (2022) The concept of the training course “Language and geographical space” (within the framework of the master’s program “Communicative codes in modern intercultural space”). *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 33–42. (In Russ.)

Концепция и программа курса «Язык и географическое пространство» разработаны для новой магистерской программы, реализуемой в рамках Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

1. Актуальность и направленность курса. Современный мир вступил в полосу быстрых изменений: возникают новые страны, обрываются привычные связи, резко возрастает роль СМИ и информации, как следствие, меняется язык, возникают новые культурные смыслы и коды [Молчанова, 2021]. В связи с этим предлагаемый

курс выстроен с учетом современных динамических лингвогеографических ситуаций, связанных с переделом мира и борьбой за сферы не только ресурсного, но и культурно-языкового влияния. Кроме того, несомненный интерес представляет анализ новых государств, формирующих новые географические и языковые картины мира.

2. *Теоретико-методологические основания курса. Основные понятия и термины.* В рамках курса не используются традиционные подходы этнолингвистики и топонимики, нацеленные на выявление связи географических названий с относительно стабильными географическими и языковыми картинами мира, что было актуально для ситуации 40–50-летней давности.

Нацеленность курса на динамические аспекты современных лингвогеографических ситуаций актуализирует новые научные подходы, среди которых выделяются три: властно-социокультурный, реализуемый в рамках критической топонимики и увязывающий переименования с общественными практиками, палимпсестный и геоконцептуальный подходы [Митин, 2020].

Критическая топонимика и проблематика топонимических переименований. Критическая топонимика возникла в рамках критической географии и потому широко использует пространственные методы в своих исследованиях. При этом важную роль играет властно-управленческий и социальный контексты. Оставляя в стороне вопросы этимологии, критическая топонимика нацелена на интерпретацию символических значений топонимов и их социальное осмысление. Важное место в таких исследованиях занимают вопросы топонимической политики и связанных с ней топонимических практик [Vuolteenaho, Berg, 2009; Azaryahu, 2009; Терентьев, 2015; Басик, 2018]. Используя известную формулу А. Лефевра, передается предметная сущность критической топонимики — **топонимическое производство пространства**, которое возникает в результате взаимодействия между топонимической системой, властью и обществом [Басик, 2018]. Большое внимание уделяется культурно-географическим аспектам городской топонимии, поскольку город, и особенно большой город, постоянно находится в ситуации культурно-топонимических инноваций [Azaryahu, 1997, 2009; Alderman, Inwood, 2013; David, 2013].

Одни из лидеров этого научного движения Р. Роуз-Редфорд, Д. Олдерман и М. Азарьяху сформулировали несколько перспективных проблем критической топонимики. К ним относятся вопросы социальной справедливости и символического сопротивления. При этом особое внимание обращается на вопросы поддержки меньшинств, поскольку сохранение и внедрение топонимии этнических

и социальных меньшинств репрезентирует их в культурном и политическом пространствах; соответственно поддержка таких обществ позволяет критическим топонимистам быть на острие активной социальной позиции [Rose-Redwood, Alderman, Azaryahu, 2010].

Вместе с тем критическая топонимика сталкивается с важной методологической проблемой, которая заключается в **отсутствии объекта исследований**. В самом деле, разве можно назвать топонимом новое название, которое только планируется дать какому-то объекту? Или новое название, которое общество не понимает и не принимает? Очевидно, что это не топоним, поскольку он лишен смыслов, связанных с местной культурной традицией, но зато он нагружен идеологическими смыслами. Возможно, объектом критической топонимики является **топонимическое название** (toponymic inscription) [Rose-Redwood, Alderman, Azaryahu, 2010]? Но что это такое и чем оно отличается от топонима?

Геоконцептуальный подход к переименованиям. В рамках данного подхода важными являются представления о лингвокультурной ситуации и о переименовании.

Лингвокультурная ситуация — ситуация замещения одного культурно-языкового ландшафта на другой с помощью механизма переименования. В отличие от естественного хода событий, когда культурный ландшафт меняется естественно под влиянием хозяйственных и социальных факторов (при этом топонимия отражает изменение ландшафта), в лингвокультурной ситуации **язык становится активным преобразующим ландшафт началом**. При этом переименование рассматривается не как формальный разовый акт, а как инновационно-адаптивный социокультурный процесс, который проходит несколько стадий: старый и привычный *топоним* — инновационный *геоконцепт* (новое географическое название) — воспринятый обществом новый *топоним*.

Концептуальное переименование можно рассматривать как начало культурной инновации, которое «подтягивает» дальнейшие изменения места — его истории, образов, его сообщества; в результате возможна трансформация всего культурного ландшафта. Если в топониме важно его семантическое значение, то геоконцепт раскрывает новую идею места. Геоконцепт можно рассматривать в качестве идеологического названия, т.е. привнесенного имени места, как правило, не связанного с местной культурной традицией. Поэтому геоконцепты с их идеологическими и культурными смыслами и образами являются объектами изучения культурной географии, а топонимы с их семантическими значениями — этнолингвистики и топонимики. В таком контексте под **геоконцептом** понимается

идеологически мотивированное новое географическое название. Геоконцепт представляет собой будущий (становящийся) топоним, имея в виду, что обществу нужно определенное время для освоения инновации.

Геоконцепт можно рассматривать в качестве элементарной единицы концептуализации пространства. В отличие от разового переименования **концептуализация пространства** предполагает **массовое — системное — переименование городов в стране или улиц в городе**. Она представляет собой не процесс естественного (исторического) освоения и номинации, а процесс сознательного **конструирования** нового культурно-географического пространства [Калуцков, 2020].

Массовый характер советской концептуализации пространства с присущим ему чувством юмора тонко подметил С. Довлатов:

«Это было лет двадцать назад. В Ленинграде состоялась знаменитая передача. В ней участвовали — Панченко, Лихачев, Солоухин и другие. Говорили про охрану русской старины. Солоухин высказался так:

— Был город Пермь, стал — Молотов. Был город Вятка, стал — Киров. Был город Тверь, стал — Калинин... Да что же это такое?! Ведь даже татаро-монголы русских городов не переименовывали!»¹.

Некоторые исследователи называют технологию массовых переименований в рамках новой — национальной — идеологии механизмом «топонимической чистки», когда «переименование ландшафта» направлено на прикрепление национального языка к национальной территории путем исключения «иностраннных» топонимов.

3. Основные темы лекций. Вводная лекция представляет программу курса, его цели и задачи.

В рамках темы «*Основные понятия и термины*» анализируется соотношение понятий топоним, географическое название и геоконцепт. Вводится понятие концептуализации географического пространства. Обсуждаются ее механизмы.

Тема «*Географическая картина мира*» посвящена вопросам что такое географическая картина мира и как она формируется. Рассматриваются подходы к ее изучению, модели географических картин мира, негеографические и географические факторы формирования географической картины мира, включая роль традиции и идеологии. Обсуждается особая роль карты в формировании географической картины мира.

---

¹ Довлатов С. Соло на ундервуде; Соло на IBM. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. С. 75.

На примере глобальных карт демонстрируется различие разных национальных картин мира — американской, австралийской, китайской и русской.

В рамках темы «*Русская географическая картина мира*» обсуждаются история ее формирования и основные свойства (центрированность, полимасштабность, анизотропность). Основное внимание уделяется ее важнейшему свойству — москвоцентричности и его проявлению в топонимии, фольклоре, литературе. Москвоцентричность формируется в результате действия двух разнонаправленных процессов — центростремительного (Москва как национальный продукт) и центробежного (Москва как культурно-языковой образец).

Тема «*Карта в культурной географии и лингвистике*». Географическая карта рассматривается как текст со своим особым языком; обсуждается проблема «чтения карты»; выделяются традиционные, построенные на основе математических моделей географические карты и нетрадиционные карты, или картоиды; рассматриваются два уровня чтения карты. Чтение карты на глубинном — культурно-географическом — уровне означает расшифровку ее культурно-пространственных кодов, к которым относятся: код геопозиционирования и центрирования пространства, код полимасштабности, код ориентации карты и ономастический код.

В теме «*Terra incognita, или Земля неизвестная, на географических картах и ее культурные смыслы*» основное внимание преподаватель уделяет мировоззренческой функции этого понятия. Рассматриваются примеры terra incognita в разных картинах мира: Земля пресвитера Иоанна англичан, Эльдorado испанцев, Винлад викингов, Беловодия русских и т.д. Важно, что terra incognita представляет собой зону обитания мифологических стран с «чудесными» людьми и фантастическими животными. В современных картинах мира terra incognita выступает как зона географического воображения, что весьма актуально при брендинге удаленных территорий.

Тема «*Имя и географическое пространство: проблематика переименований*» посвящена сложному вопросу массовых переименований географических объектов. С одной стороны, переименование рассматривается как культурная норма в тех случаях, когда новое имя отражает новую географическую ситуацию. Когда переименование опирается на идеологические и политические установки, не связанные с местной культурно-языковой традицией, оно выступает в качестве культурной инновации: возникает лингвокультурная ситуация замещения одного культурно-языкового ландшафта на другой.

Рассматриваются основные подходы к исследованию переименований, обсуждаются механизмы переименований: изменение языка,

смена системы письменности, «перекрещивание» мест, снос и перемещение памятников, статусной возгонки.

«*Переименование как циклический культурно-географический процесс*» — тема, которая решается на наглядном материале Санкт-Петербурга. Предлагается модель ландшафтно-ономастического цикла, описывающая движение ономастической инновации от ее начала до завершения. Цикл включает четыре фазы: зарождение, оформление, становление и зрелость. Но цикл может оказаться и незавершенным (как случилось с Петроградом), если до его окончания возникнет новая культурная инновация. Прежние имена города (Петроград, Ленинград) сохраняются в ландшафте города в его топонимической и образной системах, в материальных проявлениях, архитектуре, городской планировке, городской истории, городских праздниках.

Тема «*Топонимические войны*» решается в основном на материале Ближнего Зарубежья. Под топонимической войной понимается совокупность действий государства, направленных на массовое искоренение на его территории географических названий, относящихся к другому негосударственному языку. Основные признаки таких войн: «лингвистическая приватизация территории», массовый (площадной) и непубличный характер переименований.

Тема «*Региональные аспекты переименований*» рассматривает вопросы интенсивности изменений культурно-языкового пространства на материале США и стран Ближнего Зарубежья [Калуцков, 2020; Калуцков, Дубинина, 2021]. Наибольшие изменения в постсоветское время характерны для Казахстана, Туркмении, Азербайджана, Молдавии (последние три страны сменили письменность), а также для новых частично признанных стран — Абхазии и Южной Осетии. В США наиболее активно процессы изменения городских ландшафтов (переименования, снос и замена памятников) в последние годы протекают в южных штатах в направлении избавления от конфедеративного наследия.

4. ***Практические занятия и семинары.*** При чтении курса слушателям предлагается выполнить несколько практических заданий, которые затем обсуждаются на семинарах. Задания увязаны с темами лекций.

Задание 1. Составление поликультурной карты. Составьте и прокомментируйте поликультурную карту пограничного региона (на выбор — на примере пограничья между Британией и Францией, Турцией и Грецией, Россией, Китаем и Японией). Обратите внимание на названия географических объектов (морей, проливов, заливов, островов и полуостровов) в разных культурно-языковых традициях и их интерпретацию.

Задание 2. Анализ Герефордовой карты мира. Внимательно рассмотрите Герефордову карту мира (XIII в.). Найдите и выделите на ней свидетельства: античной истории, истории Ветхого и Нового завета. Нарисуйте на карте границу terra incognita и опишите эту зону и ее обитателей.

Задание 3. Исследование внутригородских переименований. На примере любого крупного города исследуйте проблематику переименований за последнее столетие. Обратите внимание на идеологию, мотивы переименований и реакцию городского сообщества. Особое внимание уделите переименованиям центральных площадей и центральных улиц (в сочетании с заменой памятников).

Задание 4. Как правильно? Традиции и инновации в названиях регионов. Рассмотрите следующие случаи вариантов названий стран и регионов:

1. На Украине или В Украине?
2. Средняя или Центральная Азия?
3. Южный Кавказ или Закавказье?

При анализе важно учитывать не только языковые, но и геополитические, историко-культурные и географические аспекты.

* * *

Магистранты, слушавшие курс в весеннем семестре 2022 г., проявили большую активность на лекциях и семинарах. Среди практических занятий наибольший интерес вызвало задание «Составление поликультурной карты», на котором были применены лингвистические навыки при анализе географических названий на разных языках, а также задание, посвященное анализу одной из самых известных глобальных исторических карт — Герефордовой карты мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Басик С.Н.* Критическая топонимика как направление географических исследований: проблемы и перспективы // Географический вестник. 2018. № 1(44). С. 56–63.
2. *Калуцков В.Н.* Концептуализация географического пространства: ономастические аспекты // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 57–69.
3. *Калуцков В.Н., Дубинина И.С.* Юг США: смена пространственных культурных кодов в городских ландшафтах // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 3. С. 165–175.
4. *Митин И.И.* Воображение и множественность: переименования как фактор трансформации городских культурных ландшафтов // Культурный ландшафт: Эволюции и революции воображения. Материалы Всероссийской междисциплинарной научной конференции с международным участием (Москва, 26–27 марта 2020 г.) / Под ред. Д.Н. Замятина и И.Г. Коноваловой. М., 2020. С. 100–106.

5. Молчанова Г.Г. Генерационная поликодированность коммуникативных модулов. Какой он, человек нового поколения? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 9–17.
6. Терентьев Е.А. Топонимический активизм и «право на город»: социологические заметки // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2015. № 1 (29). С. 194–202.
7. Alderman D.H., Inwood J. Street naming and the politics of belonging: spatial injustices in the toponymic commemoration of Martin Luther King // *Social & Cultural Geography*. 2013. Vol. 14. P. 211–233.
8. Azaryahu M. German reunification and the politics of street names: the case of East Berlin // *Political Geography*. 1997. Vol. 16. № 6. P. 479–493.
9. Azaryahu M. Street Names and Iconography // *International Encyclopedia of Human Geography* / Ed. by R. Kitchin. L., 2009. P. 460–465.
10. David J. Street Names — Between Ideology and Cultural Heritage // *Acta onomastica*. 2013. Vol. 54. P. 53–60.
11. Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M. Geographies of toponymic inscription: new directions in critical place-name studies // *Progress in Human Geography*. 2010. Vol. 34. № 4. P. 453–470.
12. Vuolteenaho J., Berg L. D. Towards critical toponymies // *Critical toponymies: the contested politics of place naming* / L. Berg and J. Vuolteenaho (ed.). Farnham, Surrey; Burlington, VT: Ashgate Publishing. 2009. P. 1–18.

REFERENCES

1. Alderman D.H., Inwood J. 2013. Street naming and the politics of belonging: spatial injustices in the toponymic commemoration of Martin Luther King. *Social & Cultural Geography*, vol. 14, pp. 211–233.
2. Azaryahu M. 1997. German reunification and the politics of street names: the case of East Berlin. *Political Geography*, vol. 16, no. 6, pp. 479–493.
3. Azaryahu M. 2009. *Street Names and Iconography*. In R. Kitchin (ed.) *International Encyclopedia of Human Geography*. London, Elsevier Ltd., pp. 460–465.
4. Basik S.N. 2018. Kriticheskaya toponimika kak napravleniye geograficheskikh issledovaniy: problemy i perspektivy [Critical toponymy as a direction of geographical research: problems and prospects]. *Geograficheskiy vestnik*, no. 1(44), pp. 56–63. (In Russ.)
5. David J. 2013. Street Names — Between Ideology and Cultural Heritage. *Acta onomastica*, vol. 54, pp. 53–60.
6. Kalutskov V.N. 2020. Kontseptualizatsiya geograficheskogo prostranstva: onomasticheskiye aspekty [Conceptualization of geographical space: onomastic aspects]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 57–69. (In Russ.)
7. Kalutskov V.N., Dubinina I.S. 2021. Yug SShA: smena prostranstvennykh kulturnykh kodov v gorodskikh landshaftakh [South of the USA: changing spatial cultural codes in urban landscapes]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 165–175. (In Russ.)
8. Mitin I.I. 2020. *Voobrazheniye i mnozhestvennost: pereimenovaniya kak faktor transformatsii gorodskikh kulturnykh landshaftov* [Imagination and multiplicity: Renaming as a factor of transformation of urban cultural landscapes]. In D.N. Zamyatina, I.G. Kononovoy (eds.) *Kulturnyy landshaft: Evolyutsii i revolyutsii voobrazheniya. Materialy Vserossiyskoy mezhdistsiplinarnoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem (Moskva. 26–27 marta 2020 g.)*. Moscow, pp. 100–106. (In Russ.)

9. Molchanova G.G. 2021. Generatsionnaya polikodovost kommunikativnykh modusov. Kakoy on, chelovek novogo pokoleniya? [Generational polycode of communicative modes. What is he like, a man of a new generation?]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 9–17. (In Russ.)
10. Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M. 2010. Geographies of toponymic inscription: new directions in critical place-name studies. *Progress in Human Geography*, vol. 34, no. 4, pp. 453–470.
11. Terentyev E.A. 2015. Toponimicheskiy aktivizm i “pravo na gorod”: sotsiologicheskiye zametki [Toponymic activism and the “right to the city”: sociological notes]. *Vestn. Tomsk. gos. un-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, no. 1 (29), pp. 194–202. (In Russ.)
12. Vuolteenaho J., Berg L.D. 2009. *Towards critical toponymies*. In L. Berg, J. Vuolteenaho (eds.). *Critical toponymies: the contested politics of place naming*. Farnham, Surrey; Burlington, VT: Ashgate Publishing, pp. 1–18.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022;
одобрена после рецензирования 11.05.2022;
принята к публикации 18.05.2022

The article was submitted 10.04.2022;
approved after reviewing 11.05.2022;
accepted for publication 18.05.2022

ОБ АВТОРЕ

Калуцков Владимир Николаевич — доктор географических наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; v.kalutskov@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Kalutskov — Dr. habil in Geographical Sciences. Moscow State University. Professor of the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies; v.kalutskov@yandex.ru

ЯЗЫК *ЛАДИНО* В ДОМЕНЕ МИРОВОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

М.М. Раевская

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; mraevskaya@gmail.com*

Аннотация: В домене мировой интеллектуальной истории *сефардский* язык, называемый иначе *еврейско-испанский* или *ладино*, занимает особое место. В статье рассматриваются терминологические номинации, соответствующие данному языку; принятое в парадигме современных филологических исследований понятие *judeoespañol*, подразумевающее гетерогенный диалектный континуум, включающий различные формировавшиеся вне испаноязычного ареала и независимо от испанского языка географические разновидности; многогранный характер *еврейско-испанского* в проекции на его историю как хранилища коллективной памяти и культурного наследия; религиозный контекст появления *ладино*; определенная традиция осмысления *еврейско-испанского* языка как места памяти и метафоры потерянного дома, сложившаяся в этнической ментальности потомков сефардских евреев и закрепившаяся в художественном и документальном нарративе; конвенциональный и институциональный статус *еврейско-испанского* языка, современные форматы и стратегии его продвижения, а также особенности его позиционирования в этническом менталитете потомков изгнанных из Испании и Португалии в 1492/1496 гг. сефардов как мощного средства легитимации символического единения представителей современного транснационального традиционного сефардского сообщества. В результате приводится системное видение позиционирования *еврейско-испанского языка* как традиционной основополагающей структуры исторической памяти этноса.

Ключевые слова: *ладино*; *еврейско-испанский* язык; язык сефардов; этнический менталитет евреев-сефардов; исторический диалект; вторичная идентичность; наследие испаноязычного мира

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-43-59

Для цитирования: Раевская М.М. Язык *ладино* в домене мировой интеллектуальной истории // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 43–59.

THE *LADINO* LANGUAGE IN THE DOMAIN OF WORLD INTELLECTUAL HISTORY

Marina M. Raevskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; mraevskaya@gmail.com

Abstract: In the domain of world intellectual history, the Sephardic language, otherwise called Judeo-Spanish or Ladino, occupies a special place. The article deals with terminological nominations corresponding to the language, accepted in the paradigm of modern philological studies; the concept of Judeo-Spanish which implies a heterogeneous dialect continuum, including various geographical varieties that formed outside the Spanish-speaking area and independently of the Spanish language; the multifaceted nature of the Jewish-Spanish in the projection on its history as a repository of collective memory and cultural heritage; the religious context of the appearance of Ladino; a certain tradition of understanding the Jewish-Spanish language as a place of memory and a metaphor for a lost home, which has developed in the ethnic mentality of the descendants of Sephardic Jews and has been fixed in the artistic and documentary narrative; conventional and institutional status of the Hebrew-Spanish language; modern formats and strategies for its promotion, as well as features of its positioning in the ethnic mentality of the descendants of Sephardim expelled from Spain and Portugal in 1492/1496. Currently the language of Sephardic Jews, transmitted to different continents along with its native speakers, continues to be a powerful means of legitimizing the symbolic unity (based on maintaining a sense of secondary identity) of representatives of this traditional community. Despite active divergent processes, Judeo-Spanish or Ladino has a special status in the world intellectual history in accordance with its historical, social and cultural context and serves as a traditional basis in the structure of historical ethnic memory.

Key words: Ladino; Judeo-Spanish; Sephardic language; Sephardic Jews ethnic mentality; historical dialect; secondary identity; Pan-Hispanic heritage

For citation: Raevskaya M.M. (2022) The Ladino Language in the Domain of World Intellectual History. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 43–59. (In Russ.)

Парадигма современных культурологических исследований чрезвычайно широка и многоаспектна. Вместе с тем в настоящее время продолжает ощущаться необходимость формирования концептуального фундамента исторической культурологии в проекции на историю языка как хранилища коллективной памяти и культурного наследия, который подразумевает создание общей теории и консолидированной базы научно обоснованных и достоверных данных, что становится возможным в ходе систематизированного освещения тем, представ-

ляющих непреходящий теоретический и практический интерес. Одной из таких является судьба языка евреев-сефардов.

В домене мировой интеллектуальной истории *сефардский* язык, называемый иначе *еврейско-испанский* или *ладино*, занимает особое место благодаря своему многогранному, а иногда и противоречивому, статусу. В связи с этим следует обратить внимание на множество соответствующих данному языку терминологических названий, используемых как в обиходе, так и в современных научных и информационных изданиях [Габинский, 1990; Карпова, 2020; Нарумов, 2001; Раевская, 2021; Díaz-Mas, 1997; Israilev, 2010; Kirschen, 2018; Minervini, 2006; Quintana, 2006; Schmid, 2018; и др.]. Язык испанских евреев-сефардов, относящийся к иберо-романской подгруппе романских языков, в историографии [Зенькович, 2016; Avenoz, 2011; Bunis, 2015; Fernández Marcos, 2011; Gerber, 1994; Gutiérrez Aguirre, 2010; Hernández Sigüenza, 2021; Minervini, 2006; Pueyo Mena, 2008; Romeu Ferré, 2011; Schwarzwald, 2012; и др.] имеет три номинации — *sefaradí*, *judeoespañol*, *ladino* — и вошел в историю испанского языка как язык, на котором говорили евреи, изгнанные из Испании и Португалии в 1492 и 1496 гг. за то, что решили сохранить свою веру, отказавшись принять христианство. Евреи, проживавшие в Средние века на территориях пиренейских королевств, называли себя *sefardíes* (*Sfahrahdi* в еврейском произношении), потому что согласно еврейской традиции эти земли отождествлялись с западными окраинами известного на тот момент мира — *Sefarad* [Герм, 2007].

Вместе с тем в филологических исследованиях [Alvar, 2004; Álvarez López, 2017; Amigo Espada, 1983; Hassan, 1986, 1992, 2003, 2004; Israilev, 2010; Kirschen, 2018; Kohring, 1996; Quintana, 2015; Schmid, 2018; Schwarzwald, 2012 и др.] номинация *ladino*¹ обозначает одно из романских наречий (*el romance*), на котором говорили в Средневековой Испании, в противопоставлении ивриту, по сути, являвшееся разновидностью староиспанского языка, а также служит названием языка еврейско-испанской религиозной традиции, основанного на практически дословном переводе священных текстов (Библии) с иврита и арамейского на старокастильский [Hassan, 2004]. Словарь *Королевской академии испанского языка (DRAE)* в соответствующем значении определяет *ладино* как религиозный язык сефардов, максимально приближенный к синтаксису и лексике оригинальных текстов на иврите и записанный латинскими буквами или при помощи алфавита раши².

¹ Русск. *Ладино*.

² 7. m. Lengua religiosa de los sefardíes, que es calco de la sintaxis y del vocabulario de los textos bíblicos hebreos y se escribe con letras latinas o con caracteres rasíes. URL: <https://dle.rae.es/ladino> (дата обращения: 10.06.2022).

Рассматривая религиозный контекст появления *ladino*, М. Альвар [Альвар, 2004] указывает, что «*ладино* никогда не был разговорным языком», а был скорее письменным, основанным на буквальном переводе с иврита или арамейского на испанский текстов Библии и ритуальных молитв³. Испанский академик назвал сложнейшую задачу, стоявшую перед переводчиками оригинальных сакральных текстов, «грандиозным интеллектуальным вызовом⁴», поскольку, по сути, им пришлось создавать новый язык согласно требованиям древнееврейского оригинала путем адаптации иврита, либо переосмысливая перевод на латынь, либо подстраивая его под формы романского наречия в попытке сохранить смысл исходного текста⁵.

В качестве иллюстрации могут служить начальные стихи Книги Бытия и всей Библии, которые в трехязычном *Константинопольском Пятикнижии*⁶ 1547 г. и *Феррарской Библии*⁷ 1553 г. переведены следующим образом: “*En principio crió el Dio a los cielos y a la tierra. Y la tierra era vaga y vazía y escureidad sobre faces de abismo, y viento de el Dio esmoviense sobre faces de las aguas. Y dixo el Dio «Sea luz» y fue luz ...*”⁸”

По свидетельству специалистов [Amigo Espada, 1983; Avenoz, 2008; Hassan, 2004; Kohring, 1996; Schwarzwald, 2012], данный перевод на *ладино* является точным отражением лингвистических особенностей библейского иврита: некоторых общих, которые можно найти в любом тексте, таких как презентация неодушевленного прямого объекта, определяемого артиклем, с помощью предлога «а», что не характерно для испанского, — *crió el Dio a los cielos y a la tierra* (перевод *et* с иврита); использование глагола-связки *ser* с бытийным значением «*hay*» (*Sea luz y fue luz*) и его частотное опущение (*escureidad ø sobre faces de abismo*); использование причастия настоящего времени, обозначающего действие в прошлом (*viento de el Dio esmoviense sobre faces de las aguas* — местоименная форма *esmoviense* обозначает действие в прошедшем времени ‘*вита́л/носился*’) [Hassan, 2004: 89].

³ “Pero quiero señalar un hecho básico, que es fundamental: el **ladino** no ha sido nunca una lengua hablada, sino la traducción “verbo a verbo” del hebreo o el arameo al español de textos bíblicos o de oraciones rituales” [Alvar, 2004: 343].

⁴ La gran aventura intelectual [Alvar, 2004: 341].

⁵ “Fueron elaborando una lengua según las exigencias que requería el texto y adaptaron el hebreo o revisaron su latín o reacomodaron el romance” [Ibidem: 341].

⁶ El Pentateuco Poliglota de Constantinopla (иврит, *ладино*, греческий).

⁷ *Biblia en Lengua Española Traducida Palabra por Palabra de la verdad Hebrayca por Muy Excelentes Letrados, Vista y Examinada por el Oficio de la Inquisición. Con Privilegio del Ylustrissimo Señor Duque de Ferrara*.

⁸ Бытие 1:1-19 SYNO. В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над (лика́ми) бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: «Да будет свет», и стал свет.

В то же время другие особенности характерны только для этого текста, в частности, речь идет об употреблении существительного в словосочетании *En prencipio* без артикля (так же, как и на иврите *rešit*), существительного *cielos* — *небеса* во множественном числе (как и форма еврейского слова *šamáyim* не в единственном числе), существительного *faces* — *лица* во множественном числе (как на иврите *panim*), существительного *abismo* — *бездна* без определенного артикля (как на иврите *tehom*) и существительного *viento* — *ветер* в значении ‘aliento, espíritu’ — *дыхание, дух* (как на иврите *rúah*) [там же: 89].

Вышеперечисленные примеры подтверждают заявленный на обложке *Феррарской Библии* 1553 г. так называемый дословный перевод (на *ладино* *bierval*⁹), поскольку текст переводится *biervo por biervo*¹⁰, как и отметил редактор этого издания: «Библия на испанском языке дословно перевела еврейскую истину...»¹¹ Однако за выражением «*biervo por biervo*» скрывается его понимание не в обычном смысле — «одно слово на иврите — одно слово на *ладино*», — а «последовательный позиционный перевод» [Kohring, 1996], при котором под «позицией» понимается каждая последовательность «графических единиц исходного текста на иврите, отделенных друг от друга пробелами в тексте (пробелы: # ... #)» [там же: 321–322], т.е. графическое «слово» на иврите переводилось иногда одним словом на *ладино*, а иногда и большим количеством слов, необходимых для передачи смысла оригинального текста (эквивалентным подстрочным переводом).

Согласно исследованиям [Bunis, 1996; Hassan, 2004; Kohring, 1996; Pérez Fernández, 2016; Pueyo Mena, 2008; Schwarzwald, 2012], техника последовательного позиционного перевода заключалась в том, что одна графическая позиция на иврите переводилась на *ладино* одним или более чем одним словом (например, *berēšit* — *в начале* или *hašamáyim* — *небес*, потому что в иврите артикль и различные предлоги пишутся слитно в препозиции с существительным), и только после того, как она была переведена, переводилась следующая позиция. При этом переводчики были прежде всего заинтересованы в точности перевода каждой отдельной позиции, не обращая внимания на их смысловое сочетание в контексте ближайших единиц (предшествующей и последующей позиций), представляя тем самым результирующий текст как сочетание микротекстов.

⁹ *Verbal.*

¹⁰ По-испански *palabra por palabra* (слово в слово).

¹¹ “*Biblia en lengua española traduzida palabra por palabra de la verdad hebrayca ...*”

Данный способ перевода выполнял обучающую функцию, направленную на то, чтобы научить понимать еврейский текст на *ладино*, подобно тому как это делалось на заре нашей эры с использованием арамейского языка таргумов¹². Таким образом, традиционный метод преподавания Библии на *ладино* заключался в заучивании наизусть устного межъязыкового (пословно-фразового)¹³ перевода согласно известному всем письменному подстрочному, а именно: “*Berešit* ‘En prencipio’ *bará* ‘crió’ *Elohim* ‘el Dio’ *et* ‘a’ *hašamáyim* ‘los cielos’ *veet* ‘y a’ *haareš* ‘la tierra’... *Vayómer* ‘y dixo’ *Elohim* ‘el Dio’ “*Yehí* ‘sea’ or ‘luz’” *vaihi* ‘y fue’ or ‘luz’ ...” [Hassan, 2004: 90].

На продвинутом этапе обучения текст на иврите пропускается и остается только текст на *ладино* («En prencipio crió el Dio a los cielos ...»), который постепенно становится ритуальным и сакральным, так же как и его еврейский источник. При этом сефардская традиция перевода на *ладино* всегда была преимущественно устной и не менялась в течение нескольких веков [Bunis, 1996; Hassan, 2004; Schwarzwald, 2012], и хотя тексты в конечном итоге запоминались, сущность перевода на *ладино* состояла не столько в воспроизведении заученного текста, сколько в овладении языковыми принципами перевода и знании того, как их применять для передачи эквивалентного текста, потому что, как отмечают специалисты, набор соответствий на иврите и *ладино* составляет относительно закрытый корпус.

В современной академической среде также принят термин *judeoespañol*, одновременно подчеркивающий языковую и религиозно-этническую особенности его носителей. Вместе с тем в Израиле¹⁴ в настоящее время номинация *ladino* используется также в качестве международного термина, обозначающего испанский язык сефардов, наряду с *judeoespañol* [Bürki, Schmid, Schwegler, 2006: 7].

Традиционно употребляемыми самими носителями были, с одной стороны, подчеркивающие испанское происхождение обиходные именованья *spanyol*, *españolico*, *españolit* или *sefardi/sefardi*, а с другой — имена, свидетельствующие о том, что испанский был языком еврейских общин восточного Средиземноморья — *jebroneo*, *judío* и *djudezmo/judezmo*¹⁵. На североафриканских территориях раз-

---

¹² Общее название для переводов Ветхого завета на иудео-арамейский язык [Pérez Fernández, 2016].

¹³ *Interverbal* (... «*interpalabral*»).

¹⁴ В Израиле и США существует еще одна интерпретация термина *ladino* как языка сефардов, проживающих в восточных средиземноморских регионах.

¹⁵ URL: <http://www.proyectos.cchs.csic.es/sefardiweb/node/10> (дата обращения: 10.06.2022).

новидность испанского языка сефардов, вошедшего в контакт с арабским языком, получила название *jaquétia/haketia*¹⁶.

С точки зрения языковой диахронии, изначально разговорный *еврейско-испанский* сформировался как койнэ на основе кастильского языка в результате смешения с различными романскими языками и диалектами Пиренейского полуострова, а также, в зависимости от мест дальнейшего расселения, языками Османской империи и другими местными наречиями [Bürki, Schmid, Schwegler, 2006: 7].

Согласно дефиниции Е. Косериу [Coseriu, 1980: 113], *еврейско-испанский язык* можно считать *историческим диалектом* испанского языка, занимающим позицию *вторичного* диалекта наряду с андалузским, канарским и латиноамериканскими вариантами испанского языка. Именно такое видение предлагает А. Кинтана, рассматривая диатопическую вариативность *еврейско-испанского* [Quintana, 2006: 77]. Однако, в отличие от их носителей, далеко не все потомки сефардов, говорящие на *judeoespañol*, владеют испанским языковым стандартом (образцовой нормой кастильского языка), который выступает в качестве объединяющего элемента среди всех других исторических диалектов кастильского языка. Данный фактор обусловил независимое развитие испанского языка, на котором говорили сефарды, и способствовал полиморфизму *сефардского языка* как самой яркой его особенности.

Авторы современных исследований, посвященных статусу *judeoespañol* в диасистеме испанского языка [Bürki, 2016; Quintana, 2015; Schmid, 2018], утверждают, что в дальнейшем *еврейско-испанский язык* развил свои собственные диатопические варианты, имевшие равный престиж, что «нарушает фундаментальное единство испанского языка» [Quintana, 2006: 34], и, по крайней мере, с XVIII в., существует как совокупность языковых разновидностей, значительно отличавшихся от полуостровного испанского и формировавшихся вне рамок испанского стандарта [Quintana, 2006: 51]. По мнению К. Льеаль, именно эти разнородные, по сути, языковые разновидности, продемонстрировавшие свои особенности, отличавшие их от пиренейского испанского с конца XVII в., можно называть термином *judeoespañol* [Lleal, 1992: 204]. Кроме того, в то время многие тексты (вплоть до XX в.) были написаны и напечатаны на *judeoespañol* с использованием письма на основе еврейского алфавита (так называемые *textos en escritura aljamiada*¹⁷).

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ *Texto aljamiado* — текст, написанный на романском языке (например, еврейско-испанском, итальянском или каталанском) буквами семитского алфавита (арабского или иврита).

Таким образом, в широком смысле понятие *judeoespañol* подразумевает гетерогенный диалектный континуум, включающий различные формировавшиеся вне испаноязычного ареала и независимо от испанского языка географические разновидности, каждая из которых имеет особенности, проявляющиеся прежде всего на уровне типа алфавита (еврейского и латинского с элементами турецкого), а также фонетики и лексики, содержащей значительное количество заимствований из турецкого, арабского, итальянского и французского языков. В настоящее время на этом языке говорят в сефардских общинах, разбросанных по всему миру: в Латинской Америке¹⁸, Египте, США, Израиле, Греции, Турции, Болгарии, Нидерландах, Франции, Италии и т.д.

С точки зрения языковых характеристик в целом принято различать две основные разновидности *еврейско-испанского языка*¹⁹:

1. *Еврейско-испанский язык стран Востока*, на котором говорили на территориях, принадлежавших Османской империи: в Турции, на Балканах, Ближнем Востоке и на некоторых островах Средиземного и Эгейского морей;

2. *Еврейско-испанский язык Марокко*, на котором говорили в сефардских общинах Северной Африки и где он эволюционировал иначе, нежели в Османской империи, что привело к появлению разновидности под названием *jaquétia/haketía*, испытавшей влияние арабского языка.

В настоящее время можно говорить о том, что *еврейско-испанский язык* получил институциональный статус: в 2018 г. в Израиле учреждена *Академия еврейско-испанского языка (Academia Nacional del Judeoespañol Ladino*²⁰) с целью его защиты и спасения от исчезновения. *Королевская Академия испанского языка*²¹ официально признала *ладино* одним из вариантов испанского языка, на котором говорят около полумиллиона человек в мире²², и в 2019 г. единогласно приняла израильскую *Академию еврейско-испанского языка* в свои ряды в качестве члена-корреспондента²³.

---

¹⁸ Некоторые лингвисты считают антиокийский диалект колумбийского национального варианта испанского языка продолжением сефардского языка [Gutiérrez Aguirre, 2010].

¹⁹ URL: <http://www.proyectos.cchs.csic.es/sefardiweb/node/10> (дата обращения: 10.06.2022).

²⁰ На *ладино* — *Academia Nacional del Judeoespañol Ladino (ANL)*.

²¹ *Real Academia Española (RAE)*.

²² El judeoespañol, una variante de la lengua española de la que se calcula que hay 500 000 hablantes en el mundo, 300 000 residentes en Israel. URL: <https://www.rae.es/noticia/> (дата обращения: 10.06.2022).

²³ URL: <https://www.rae.es/noticias/se-acuerda-la-creacion-de-la-academia-nacional-del-judeoespanol-en-israel> (дата обращения: 10.06.2022).

Кроме того, примечательно, что среди вариантов и диалектов испанского языка испаноязычным сообществом признан особый статус *ладино как наследия всего испаноязычного мира (patrimonio de toda la hispanidad)* в соответствии с историческим, социальным и культурным контекстом его происхождения, несмотря на активно протекавшие дивергентные процессы.

В 1997 г. в Израиле с целью сохранения языкового наследия сефардов создана *Национальная организация по защите ладино*²⁴, которая проводит активную работу по продвижению знания этого языка и культуры, а также по поддержанию связей между представителями данного исторического сообщества, проживающими в различных странах мира: так, например, израильская радиостанция *Kol Israel* и испанская радиовещательная и телевизионная корпорация RTVE уже более 25 лет ведут передачи на *сефардском языке*; с 1979 г. выпускается журнал *Aki Yerushalayim*²⁵, который с 2016 г. перешел в цифровой формат; созданы интернет-платформы²⁶ и проекты²⁷, специально предназначенные для транснационального сефардского сообщества.

Благодаря движению по сохранению *ладино* в последние десятилетия значительно возросло его письменное использование, и особенно в Интернете, сегодня это в большей степени письменный, нежели разговорный язык. В отсутствие языковой нормы, которую можно было бы принять за образец для современного *ладино*, его эталоном стал испанский письменный стандарт, обозначивший разрыв современного *еврейско-испанского* с сефардской орфографической традицией, что имеет огромное значение для расширения его пользовательской аудитории: сейчас слова на *ладино* больше не пишутся буквами еврейского алфавита [Schmid, 2018].

Если посмотреть историю культурной практики на *ладино*, за более чем пять веков разрозненного существования сефардского сообщества на *еврейско-испанском языке* сложилась определенная устная традиция, а также литература, которую исследователи [Боровая, 2002; Agosin, 1997; Aizenberg, 1982; Goldemberg, 1998; Israilev, 2010; Meter, 2000; Scott, 1998; Sefami, 2002; и др.] представляют как особую²⁸ часть испанского культурного наследия в рамках литературной макросистемы и как элемент еврейской истории. В частности, согласно О.В. Боровой, сефардская литература на *ладино* родилась

---

²⁴ *Autoridad Nacional del Ladino*.

²⁵ URL: <http://www.akiyerushalayim.co.il/> (дата обращения: 10.06.2022).

²⁶ Например, *Ladinokomunita online forum*, *eSefarad.com* и др.

²⁷ URL: <http://www.proyectos.cchs.csic.es/sefardiweb/node/10> (дата обращения: 10.06.2022).

²⁸ Экзотическую, по мнению О.В. Боровой [Боровая, 2002].

в XVI в. вскоре после изгнания евреев, пережила бурный расцвет в 1930-е годы в виде светской словесности, представленной периодикой, пьесами, беллетристикой, — в целом, несколькими сотнями произведений массовой литературы, большая часть которых не пережила Вторую мировую войну и умерла в XX в. после возникновения национальных государств [Боровая, 2002].

Факт существования литературного нарратива на *ладино* сыграл большую роль в формировании и закреплении чувства идентичности по признаку языка и культуры у современного сефардского сообщества и сохранении присутствия *еврейско-испанского* языка в этнической ментальности потомков сефардских евреев, у которых сложилась определенная традиция осмысления языка своих предков как *места памяти* и *метафоры потерянного дома* [Agosín, 1999; Aizenberg, 1982; Carciente y Carciente, 1987; Díaz-Mas, 1997; Finzi, 1990; Gutkowski, 1999; Hassan, 1986; Mizrahi, 1987; Romeu Ferré, 2011; Sefami, 2002; и др.]. В сефардской ментальности любовь и верность по отношению к своей глубинной испанской культуре сохраняются через язык, и таким образом круг замыкается, поскольку невозможно выйти за пределы этоса культуры, представляющего собой уникальную конфигурацию общих языка, истории, обычаев, настроений, которые образуют единую и нерасторжимую психологическую целостность, определяющую национальный характер. С этой точки зрения представляют особый интерес литературные произведения, написанные потомками сефардов, переселившихся в Латинскую Америку, уже на испанском языке.

В частности, «Великая книга еврейской Америки», составленная Исааком Гольдембергом²⁹, представляет литературное творчество более 140 авторов. Любопытно то, что тексты, написанные на *еврейско-испанском языке*, мало представлены в современном латиноамериканском нарративе среди писателей и поэтов сефардского происхождения [Sefami, 2002]. Парадокс миграции заключается в том, что при проживании сефардов в испаноязычных странах язык их предков сохраняется только в первом поколении, а далее он лишь частично присутствует главным образом в устной традиции, благодаря чему в настоящее время *еврейско-испанский* в его преимущественно пассивном состоянии можно считать языком так называемой вторичной транснациональной культурной идентичности. Мексиканская поэтесса, журналист и переводчик Мириам Москона³⁰ пишет в автобиографии: «Бабушка и дедушка умерли, оставив после себя

---

²⁹ El gran libro de América judía, 1998.

³⁰ Miriam Moscona.

след в словах, которые до сих пор живут в моей речи. *Ладино* не стал частью поэзии, которую я начала писать много лет спустя»³¹.

В общих чертах, вопросы идентичности у современных писателей сефардского происхождения освещаются в двойном ракурсе: прежде всего, вспоминая великолепие *Золотого века* средневековой еврейской культуры³² во времена арабского господства на Пиренейском полуострове, авторы вместе с этим всегда отмечают чувство ностальгии, горечи изгнания и преследований на протяжении веков; в то же время такие вопросы, как миграция, адаптация, ассимиляция, традиции и обычаи, культурная самоидентификация по-прежнему находятся в фокусе их исторической памяти [Scott, 1998]. И как в большей части еврейской литературы, в их произведениях постоянно повторяющейся является тема вынужденной миграции. Собственно данный тематический ракурс и задает основной жанровый признак как *мемуарного/мемориального дискурса*³³, так и *литературы свидетельства* как гибридных форм художественно-документальной прозы, в центре которой находится оставшееся в памяти событие, оказавшее сильное влияние на сознание народа. Именно поэтому тема потерянной родины давно стала топосом в художественном и документальном нарративе сефардов.

Литература, написанная авторами-сефардами и относящаяся к мемориальному дискурсу, представлена различными формами: биографиями, автобиографиями, эпистолярными сборниками, романами, рассказами, стихами, среди которых чаще всего встречаются автобиографические повествования в жанре семейной хроники или семейной саги [Scott, 1998; Sefami, 2002]. Все их объединяет одно — общее чувство идентичности, которое необходимо авторам, чтобы написать личную историю. Как показывают исследования [Боровая, 2002; Israilev, 2010; Scott, 1998; Sefami, 2002; и др.], в их нарративе превалирует «коллективное я», индивидуальные чувства главных героев встроены в канву общего счастья и глобальных испытаний (Золотой век в Испании, инквизиция, изгнание).

При этом обращает на себя внимание еще одна, явно обозначившаяся в, по крайней мере, латиноамериканском мемориальном дискурсе тенденция — идея коллективного сопереживания событий давно минувших дней вытесняется противоречивым чувством любви-ненависти к Испании, в котором последняя все же уступает место тоске по далекому времени [Romeu Ferré, 2011]. В то же время

---

³¹ “Los abuelos murieron y dejaron una estela de palabras que aún forman parte de mis expresiones espontáneas. El ladino no pasó a formar parte de la poesía que años después empecé a escribir” [Goldemberg, 1998: 222].

³² С середины X в. до середины XII в.

³³ *Discurso memorialístico* в испанской терминологии.

история нелюбви Испании к своим сынам-сефардам очень нетривиально представлена нашей современницей Матильде Бенсиньор³⁴ в виде метафоры на основе образа отсутствующего Возлюбленного³⁵ из *Песни Песней Соломона*³⁶ — жених (сефардские еврей³⁷), отвергнутый невестой (*Сефарад*³⁸), обреченно уходит в изгнание (на Ближний Восток, в Северную Африку, на Балканы, в Грецию...):

*«Но тебя соблазнили море и небо Измира. И ты родился заново, и там родились твои дети [...]. Это была твоя вторая любовь, но ты никогда не забывал первую и продолжал говорить на ее языке и прости ту, которая ранила тебя»*³⁹.

Некоторые авторы [Pulido, 1905⁴⁰] высказывают еще одну интересную идею: не имея возможности рассматривать Испанию как свою настоящую родину, сефарды будут вечно странствующими «испанцами без родины»⁴¹. При этом существует мнение о том, что речь должна идти не об отечестве/отечествах (*Patrias*), а о *Matrias*, среди которых одна стала мачехой — *madrastra patria España* [Romeu Ferré, 2011]. Именно поэтому, как только возникает тема Родины, для многих сефардов именно язык, а не мифический образ Сефарада, является подлинной родиной, которая объединяет их как культурную общность и связывает с предками, которые жили на полуострове [Sefami, 2002].

Таким образом, в сефардском наследии сплетены религиозная традиция (*judía*) и историческая память (*hispanica*) в рамках триединого чувства родины — духовного и исторического, подкрепляемого юридической принадлежностью к третьему государству, в котором они родились:

«— Когда я поехала в Испанию и прошла по улочкам Толедо, я чуть не заплакала от волнения. В Севилье я услышала фламенко и почувствовала, как дрожит все мое тело.

— Значит, твоя родина — Испания?

---

³⁴ Matilde Benignor.

³⁵ *El amado ausente.*

³⁶ *Cantar de los Cantares.*

³⁷ *El novio (el pueblo judío sefardí).*

³⁸ *España.*

³⁹ *Pero, a ti te sedujo el mar y el cielo de Izmir. Y volviste a nacer y allí nacieron tus hijos [...]. Fue tu segundo amor, pero jamás olvidaste el primero y seguiste hablando su lengua y perdonaste a la que te hirió* [Benignor, 2004: 59–60].

⁴⁰ *Espanoles sin Patria y la Raza Sefardí* (Pulido, Ángel. Madrid: establecimiento tipográfico de E. Teodoro, 1905).

⁴¹ *“La romántica idea de Pulido de que no pudiendo considerar a España como su patria real, los sefardíes serían los eternos errantes «españoles sin patria»* [Hassán, 1986].

— Нет... Я люблю страну, в которой родилась. Я тоскую по земле моих предков, Сефараду, и испытываю сокровенную любовь к Израилю⁴²».

Интересна еще одна традиция сефардов: некоторые семьи сохранили и с гордостью передавали из поколения в поколение ключи от домов, которые их прародители покинули в Испании в 1492 г. И современные литературные авторы — потомки тех самых сефардов — используют образ тяжелого бронзового ключа как метафоры нерасторжимой связи с предками, пытаясь перекинуть мост между прошлым и настоящим.

Большинство современных литературных авторов за редким исключением⁴³ больше не говорят на *judeoespañol* ни в семье, ни в обществе (кроме случаев, когда они встречаются для этой цели), скорее всего, они обладают ограниченной (пассивной) компетенцией на этом языке. Тем не менее увлечение языком своих предков позволяет сосредоточить взор на былом великолепии и воссоздать историческую память. Именно поэтому можно констатировать, что язык евреев-сефардов, привнесенный на разные континенты вместе с его носителями-мигрантами, является мощным средством поддержания вторичной идентичности как способа легитимации символического единения представителей данного транснационального традиционного сообщества. И по этой причине тема языка предков как потерянной, но не забытой родины до сих пор присутствует в культурной практике потомков, изгнанных из Испании и Португалии сефардов [Romeu Ferré, 2011: 124]: «Я из сефардов. Мы, сефарды, сохранили себя в языке, не подвластном времени: ладино или староиспанском. И мы бережем на этом языке духовное учение, сохранявшее свою ценность на протяжении всей истории. На языке, унаследованном из глубины веков и связанном с древними заветами... Именно через слово я пытаюсь выразить то, что живет во мне как Восток и Запад»⁴⁴.

---

⁴² “— Cuando fui a España y caminé por las callecitas de Toledo, casi lloño de emoción. En Sevilla, escuché el flamenco y sentí que todo mi cuerpo vibraba.

— Entonces, ¿tu patria es España?

— No... Amo el país donde nació. Añoro la tierra de mis antepasados, Sefarad, y siento un amor místico hacia Israel” [Bensignor, 2004: 252].

⁴³ Rosa Nissan, Vicky Nizri [Scott, 1998].

⁴⁴ “Soy de origen sefardí. Los sefardíes nos hemos preservado en un idioma que no conoce las transformaciones del tiempo: el ladino o español antiguo. Y preservamos en ese idioma enseñanzas éticas que han mantenido su valor a lo largo de la historia. Idioma atado a lo ancestral y cargado de mandatos atávicos ... Es a través de la palabra que intento una síntesis de lo que siento que vive en mí como oriente y occidente” [Mizrahi, 1987: 160].

Таким образом, рассмотрение положения, занимаемого языком испанских сефардов в сокровищнице мирового интеллектуального наследия, позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время язык, имеющий номинации *ladino*, *judeoespañol* и *sefardí*, существует в сефардской ментальности как:

- инструмент повседневного дискурса;
- ресурс медиаобразования (искусственно порождаемая письменная языковая практика);
- ресурс, выполняющий культууроформирующую функцию (радиотекст);
- инструмент культурной практики (песенный дискурс);
- место исторической памяти (художественный и документальный нарратив);
- выражение вторичной идентичности (этнолект);
- достояние еврейского мира.

В ракурсе испаноязычного континуума язык *ладино* обозначил свое место:

- как исторический диалект кастильского языка;
- язык переводов священных текстов с иврита на кастильский;
- языковое достояние испаноязычного мира (наследие *hispanidad*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Боровая О.В.* Сефардская община в Османской империи в эпоху вестернизации. 2002. URL: <http://ivgi.rsuh.ru/article.html?id=51039> (дата обращения: 30.05.2022).
2. *Герм А.В.* Библейская мифология в культуре евреев Испании. 2007. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/10/Germ.pdf (дата обращения: 30.05.2022).
3. *Загряжкина Т.Ю.* Конструкт идентичности в творчестве трубадуров, или «Другая Франция» сквозь призму языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 22–37.
4. *Загряжкина Т.Ю.* Вехи идентичности в межкультурном и языковом аспектах (от Прованса к Окситании) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 24–30.
5. *Раевская М.М.* Испанский язык в современном историческом контексте: ответы на вызовы XXI века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 4. С. 109–121.
6. *Раевская М.М.* Испанский язык в современном мире. М., 2021. С. 162–168.
7. *Alvar M.* Introducción a la Lingüística española. Ariel, 2004.
8. *Alvar M.* Manual de dialectología hispánica: español en España. Ariel, 2006.
9. *Bensignor M.* De miel y milagros. Evocaciones sefardíes. Buenos Aires, 2004.
10. *Bunis D.* Translating from the Head and from the Heart: The Essentially Oral Nature of the Ladino Bible-Translation Tradition // Hommage à Haïm Vidal Sephiha. Berne, 1996. P. 337–357.
11. *Bürki Y., Schmid B., Schwegler A.* Una lengua en la diáspora: el judeoespañol de Oriente — Introducción. 2006. P. 7–13.

12. *Coseriu E.* Sentido y tareas de la dialectología, 1982.
13. *Goldemberg I.* El gran libro de América judía. La editorial, UPR, 1998.
14. *Gutiérrez Aguirre J.* Los judíos marranos en Colombia. Rostros sefardíes y rastros del ladino o chudesmo en las historias familiares antioqueñas, 2010.
15. *Hassan J.* ¿Es el ladino judeoespañol calco? // Cuadernos de Filología. Estudios Lingüísticos. Vol. IX (2004). P. 87–99.
16. *Kohring H.* “Kale enladinar como uzamos a avlar”: La technique du *ladino* chez Abraham Asá (1743) et Yehuda Alkalai (1839) // Hommage à Haïm Vidal Sephiha, eds. W. Busse & M.-C. Varol-Bornes (Berne etc.: Peter Lang, 1996). P. 315–335.
17. *Lleal Galcerán C.* A propósito de una denominación: el judeoespañol // Actas del II Congreso Internacional de Historia de la Lengua española. 1992. Vol. 2. P. 199–206.
18. *Mizrahi L.* La mujer transgresora: Acerca del cambio y la ambivalencia. Buenos Aires, 1987.
19. *Quintana A.* Variación diatópica en judeoespañol // Revista Internacional de Lingüística Iberoamericana. 2006. № 2. P. 77–97.
20. *Quintana A.* El judeoespañol, una lengua pluricéntrica al margen del español // Los sefardíes ante los retos del mundo contemporáneo: identidad y mentalidades. Madrid, 2010. P. 33–54.
21. *Romeu Ferré P.* Sefarad ¿la “patria” de los sefardíes? // Sefarad (CSIC). 2011. Año 71. № 1. P. 95–130.
22. *Sefami J.* Memoria e identidad en la literatura sefardí y mizrahi en Latinoamérica // Sefarad (CSIC). 2002. Vol. 62. P. 143–167.
23. *Scott R.* La experiencia sefardí en Latinoamérica: Tres novelas de Teresa Porzecanski y Rosa Nissan // Sefarad (CSIC). 1998. Vol. 58. Fasc. 2. P. 387–399.
24. *Schmid B.* Judeoespañol y español: los vaivenes de una compleja relación // Actas del X Congreso Internacional de Historia de la Lengua Española: Zaragoza, 7–11 de septiembre de 2015, 2018. Vol. 1. P. 239–259.
25. *Schwarzwald O.* The Relationship between Ladino liturgical texts and Spanish bibles // The Hebrew Bible in Fifteenth-Century Spain. Brill. 2012. P. 223–244.

REFERENCES

1. Borovaya O.V. 2002. *Sefardskaya obshchina v Osmanskoj imperii v epohu vesternizacii* [Sephardic community in the Ottoman Empire during the era of Westernization]. URL: <http://ivgi.rsuh.ru/article.html?id=51039> (In Russ) (accessed: 30.05.2022)
2. Germ A.V. 2007. *Biblejskaya mifologiya v kul'ture evreev Ispanii* [Biblical mythology in the culture of the Jews of Spain]. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/10/Germ.pdf (In Russ) (accessed: 30.05.2022)
3. Zagryazkina T.YU. 2020. Konstrukt identichnosti v tvorchestve trubadurov, ili «Drugaya Franciya» skvoz' prizmu yazyka [Identity construct in the works of troubadours, or “Other France” through the prism of language]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 22–37. (In Russ.)
4. Zagryazkina T.YU. 2022. Vekhi identichnosti v mezhkul'turnom i yazykovom aspektah (ot Provansa k Oksitanii) [Milestones of Identity in Intercultural and Linguistic Aspects (From Provence to Occitania)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 24–30. (In Russ.)
5. Raevskaya M.M. 2019. Ispanskij yazyk v sovremennom istoricheskom kontekste: otvety na vyzovy XXI veka [Spanish Language in modern historical context: answers

- to the challenges of the XXI century]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4. pp. 109–121. (In Russ.)
6. Raevskaya M.M. 2021. *Ispanskij yazyk v sovremennom mire* [Spanish in the modern world]. Moscow, LENAND, pp. 162–168. (In Russ.)
  7. Alvar M. 2004. *Introducción a la Lingüística española* [Introduction to Spanish Linguistics]. Ariel. (In Span.)
  8. Alvar M. 2006. *Manual de dialectología hispánica: español en España* [Hispanic Dialectology Manual: Spanish in Spain]. Ariel. (In Span.)
  9. Bensignor M. 2004. *De miel y milagros. Evocaciones sefardíes* [Of honey and miracles. Sephardic evocations]. Buenos Aires, Milá. (In Span.)
  10. Bunis D. 1996. Translating from the Head and from the Heart: The Essentially Oral Nature of the Ladino Bible-Translation Tradition. *Hommage à Haim Vidal Sephiha*. Berne, Peter Lang, pp. 337–357.
  11. Bürki Y., Schmid B., Schwegler A. 2006. *Una lengua en la diáspora: el judeoespañol de Oriente — Introducción* [A language in the diaspora: the Judeo-Spanish of the East — Introduction], pp. 7–13. (In Span.)
  12. Coseriu E. 1982. *Sentido y tareas de la dialectología* [Sense and tasks of dialectology]. (In Span.)
  13. Goldemberg I. 1998. *El gran libro de América judía* [The Great Book of Jewish America]. La editorial, UPR. (In Span.)
  14. Gutiérrez Aguirre J. 2010. *Los judíos marranos en Colombia. Rostros sefardíes y rastros del ladino o chudesmo en las historias familiares antioqueñas* [The Marrano Jews in Colombia. Sephardic faces and traces of ladino or chudesmo in family histories of Antioquia]. (In Span.)
  15. Hassan J. 2004. ¿Es el ladino judeoespañol calco? [Is the Ladino Judeo-Spanish calco?]. *Cuaderns de Filologia. Estudis Lingüístics*. [Quaderns of Philology. Linguistic Studies.]. Vol. IX, pp. 87–99. (In Span.)
  16. Kohring H. 1996. “Kale enladinar komo uzamos a avlar”: La technique du *ladino* chez Abraham Asá (1743) et Yehuda Alkalai (1839)» [The technique of the ladino at Abraham Asá]. *Hommage à Haim Vidal Sephiha* [Tribute to Haim Vidal Sephiha]. Berne: Peter Lang, pp. 315–335. (In French)
  17. Lleal Galcerán C. 1992. A propósito de una denominación: el judeoespañol [About a denomination: Judeo-Spanish]. *Actas del II Congreso Internacional de Historia de la Lengua española* [Proceedings of the II International Congress on the History of the Spanish Language]. Vol. 2, pp. 199–206. (In Span.)
  18. Mizrahi L. 1987. *La mujer transgresora: Acerca del cambio y la ambivalencia* [The Transgressive Woman: About Change and Ambivalence]. Buenos Aires, Grupo Editor Latinoamericano. (In Span.)
  19. Quintana A. 2006. Variación diatópica en judeoespañol [Diatopic variation in Judeo-Spanish] // *Revista Internacional de Lingüística Iberoamericana* [International Journal of Ibero-American Linguistics], no. 2, pp. 77–97. (In Span.)
  20. Quintana A. 2010. El judeoespañol, una lengua pluricéntrica al margen del español [Judeo-Spanish, a pluricentric language outside of Spanish]. *Los sefardíes ante los retos del mundo contemporáneo: identidad y mentalidades* [Sephardim facing the challenges of the contemporary world: identity and mentalities]. Madrid, CSIC, pp. 33–54. (In Span.)
  21. Romeu Ferré P. 2011. Sefarad ¿la «patria» de los sefardíes? *Sefarad (CSIC)*. Año 71, no. 1, pp. 95–130. (In Span.)
  22. Sefami J. 2002. Memoria e identidad en la literatura sefardí y mizrahi en Latinoamérica [Memory and identity in Sephardic and Mizrahi literature in Latin America]. *Sefarad (CSIC)*, vol. 62, pp. 143–167. (In Span.)

23. Scott R. 1998. La experiencia sefardi en Latinoamérica: Tres novelas de Teresa Porzecanski y Rosa Nissan [The Sephardic experience in Latin America: Three novels by Teresa Porzecanski and Rosa Nissan]. *Sefarad (CSIC)*, vol. 58. Fasc. 2, pp. 387–399. (In Span.)
24. Schmid B. 2015, 2018. Judeoespañol y español: los vaivenes de una compleja relación [Judeo-Spanish and Spanish: the ups and downs of a complex relationship]. *Actas del X Congreso Internacional de Historia de la Lengua Española* [Proceedings of the X International Congress on the History of the Spanish Language]. Zaragoza, 7–11 de septiembre de, vol. 1, pp. 239–259. (In Span.)
25. Schwarzwald O. 2012. The Relationship between Ladino liturgical texts and Spanish bibles. *The Hebrew Bible in Fifteenth-Century Spain*. Brill, pp. 223–244.

Статья поступила в редакцию 26.05.2022;
одобрена после рецензирования 22.06.2022;
принята к публикации 18.05.2022

The article was submitted 16.04.2022;
approved after reviewing 16.05.2022;
accepted for publication 18.05.2022

ОБ АВТОРЕ

Раевская Марина Михайловна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой испанского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; mraevskaya@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Marina M. Raevskaya — Dr. habil in Philology, Professor, Head of Spanish Department, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; mraevskaya@gmail.com

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПИЩЕВЫХ РИТУАЛОВ (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКИХ ГАСТРОНИМОВ)

Г. С. Доржиева, Гао Цзяньго

*Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова, Улан-Удэ,
Россия; galdor@yandex.ru, gao2023@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются лингвосемиотическое содержание и функциональные характеристики пищевых ритуалов, которые являются символическим отображением народных верований, традиционного знания и коллективного опыта, актуального для данного социума. Изучение семиотики гастрономической культуры предполагает анализ факторов, повлиявших на современный культурный контекст, в котором те или иные гастрономы наделяются символическими свойствами. В статье дается классификация символов по форме и содержанию: 1) по степени сложности: простые (яйцо, лапша) и сложные (Церемония Рыбы); 2) по уровню абстрактности: конкретные (лотос, круглый пряник) — абстрактные (дракон, феникс); 3) по форме их выражения: графические (иероглифы чунь лянъ 春联) — пожелания счастья, благополучия перед Новым годом, и предметные (фонарик, семечки); 4) аудиальные — песни и стихи, посвященные Празднику Луны; 5) жестовые — выбор блюд для праздничного стола; 6) по происхождению: природные символы (бамбук, рыба) — искусственные (инь и ян).

В зависимости от функций в статье исследуются две группы кулинарных символов: мифологические (яйцо — Пища пяти добродетелей) и нравственные символы (утки — счастье). Семиотические исследования гастрономической лингвокультуры приближают к пониманию не только культуры отдельных народов, но и эстетических универсалий и психологических констант человечества.

Ключевые слова: лингвосемиотика; культурный код; гастрономическая культура; сенсорные каналы; классификация символов; мифологические и нравственные символы

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-60-72

Для цитирования: Доржиева Г. С., Гао Цзяньго. Лингвосемиотическое содержание и функциональные характеристики пищевых ритуалов (на примере китайских гастрономов) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 60–72.

LINGUOSEMIOTIC CONTENT AND FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF FOOD RITUALS (USING THE EXAMPLE OF CHINESE GROCERY STORES)

Galina S. Dorzhieva, Gao Jianguo

Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia, galdor@yandex.ru, gao2023@mail.ru

Abstract: The article examines the linguosemiotic content and functional characteristics of food rituals, which are a symbolic representation of folk beliefs, traditional knowledge and collective experience relevant to this society. The study of the semiotics of gastronomic culture involves the analysis of factors that have influenced the modern cultural context in which certain gastronomys are endowed with symbolic properties. The article gives a classification of symbols by form and content: 1) according to the degree of complexity: simple (egg, noodles) and complex (Fish Ceremony); 2) according to the level of abstraction: concrete (lotus, round gingerbread) — abstract (dragon, phoenix); 3) according to the form of their expression: graphic (hieroglyphs chun lian 春联, chūnlián) — wishes of happiness, well-being before the New Year and subject (flashlight, seeds); 4) auditory — songs and poems dedicated to the Moon Holiday; 5) gestural — the choice of dishes for the festive table; 6) by origin: natural symbols (bamboo, fish) — artificial (yin and yang).

Depending on the functions, the article examines two groups of culinary symbols: mythological (egg — Food of the five virtues) and moral symbols (ducks — happiness). Semiotic studies of gastronomic linguoculture bring us closer to understanding not only the culture of individual peoples, but also the aesthetic universals and psychological constants of humanity.

Key words: linguoculturology; semiotics; cultural code; gastronomic culture; sensory channels; classification of symbols; mythological and moral symbols

For citation: Dorzhieva G.S., Gao Jianguo (2022) Linguosemiotic content and functional characteristics of food rituals (using the example of Chinese grocery stores). *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 60–72. (In Russ.)

Семиотика — это междисциплинарная область исследований, в рамках которой изучаются знаки и знаковые системы, хранящие и передающие информацию. Лингвосемиотика, как знаковая теория языка, позволяет увидеть наиболее существенные черты языка — как в содержательном-функциональном плане, так и в строении языка [Мечковская, 2004: 6, 21]. В культуре как многомерном семиотическом пространстве постоянно синтезируются знаки и смыслы, и знаки самой разной субстанции становятся носителями культурной значимости или ценностного содержания, выявленного в ходе освоения и осознания человеком мира. Описание природного, раститель-

ного, игрового, телесного, пищевого (гастрономического, кулинарного), костюмного кодов культуры и других разрабатываются в трудах по семиотике, этнолингвистике и лингвокультурологии. В центре рассмотрения лингвокультурологии находятся знаки языка как вербальная «часть» кода культуры, как экспоненты закодированных в них культурных смыслов [СЛТ, 2017: 41, 44].

В современном мире символизм, как продукт человеческого сознания, сохранил свою графическую и психологическую силу не только в таких творческих областях, как литература, музыка, кино, театр, живопись, но также в политике, бизнесе и рекламе. Приведем по этому поводу изречение Конфуция: «Миром правят не слова и законы, а знаки и символы». В гуманитарных науках — философии, лингвистике, семиотике, литературоведении, фольклористике, поэтике, культурологии, психологии и т.д. — существует различное понимание символа (И. Кант, Ф.В. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель, И.В. Гёте, К.А. Свьясьян, А.А. Потебня, А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман, М.М. Маковский, В.Н. Топоров, Е.В. Шелестюк, В. Трэнер, К.Г. Юнг, Э. Фромм и др.). Интерес к символу вызвал появление многочисленных словарей для различных областей знаний (Дж. К. Купер, 1986; Х.Э. Кэрлот, 1971, 1994; В. Бауэр, И. Дюмоу, С. Головин, 1995; Г. Бидерман, 1989, 1996; Дж. Тресиддер, 1999; и др.).

Любая знаковая структура с точки зрения семиотики может быть рассмотрена в качестве текста, если эта структура обладает целостным значением и целостной функцией. Как пишет О. В. Александрова, «слова имеют значения, зафиксированные в словарях, но в условиях мультикультурной коммуникации за значениями слов стоят определенные концепты, характерные для их использования в определенной языковой общности. Особая роль принадлежит в этом процессе когнитивным функциям языка, учитывая, что коммуникация и когниция находятся в неразрывной связи и прямым образом зависят от культурно-исторических, социально-политических, экономических, технико-индустриальных возможностей общества» [Александрова, 2021]. Например, на психологическом уровне пищевые ритуалы являются символическим отображением народных верований, традиционного знания и коллективного опыта, актуального для данного социума, и служат для подтверждения общественных ценностей социальной группы, к чьей традиции она принадлежит.

Цель статьи — исследовать символическое содержание и функциональные характеристики китайских гастронимов в лингвосемiotическом аспекте.

Изучение семиотики гастрономической культуры предполагает анализ факторов, повлиявших на современный культурный контекст,

в котором те или иные гастронимы наделяются магическими свойствами. По мнению С. А. Рассединой, «наиболее явственно базовые психологические структуры проявляются в архаических культурах. Можно говорить об особом пласте культурной мифологии, связанной с пищевыми табу и с пищевыми ритуалами. Одни виды пищи табуируются как вредоносные: избегая их, человек минимизирует стресс, создает иллюзию безопасности. Но также выделяются особые категории пищи, которым приписывается способность чрезвычайно благотворно влиять на физические качества и на судьбу человека» [Расседина, 2021].

Е.Д. Мелешко и Л.Н. Набилкина провели анализ феномена еды как культурного кода, содержание которого раскрывается в контексте гастрономического события, ценностными обозначениями которого выступают культурная идентификация, культурный диалог и коммуникативность¹.

А. В. Калашникова раскрывает китайское понимание и восприятие живого мира, зафиксированное во флористических и растительных символах, которые наполняют художественную картину мира в китайской культуре². О распространении цветов в китайской символике пишут Ян Хайюнь и Го Жунжун в статье «Цветочная символика в китайской культуре — на примере образа пиона». Авторы отмечают, что символика цветов в китайской культуре достаточно богата и сложна³.

Земскова А. Ю. исследовала лингвосемиотические характеристики англоязычного гастрономического дискурса, его структуру, содержание и знаковое пространство, коммуникативные типы англоязычной языковой личности, рассматриваемой как лингвокультурное явление в таких областях научного знания, как лингвосемиотика, лингводискурсология и лингвоконцептология. Исследователь приходит к выводу, что лингвосемиотическая специфика глоттонии в любой национальной культуре заключается в наличии особой системы знаков пищевых ресурсов, их добычи, обработки, приготовления и потребления, сформировавшейся в ходе исторического и социокультурного развития общества [Земскова, 2009].

---

¹ См.: Мелешко Е.Д., Набилкина Л.Н. Феномен еды как культурный код. URL: <http://www.cyberleninka.ru/Грнти...-edy-kak-kulturnyy-kod> (дата обращения: 07.03 2022).

² Калашникова А.В. Флористические символы в китайской картине мира. URL: <http://www.bseu.by:8080/bitstream/edoc/82966/1/Kalashnikova> (дата обращения: 22.03 2022).

³ Ян Хайюнь и Го Жунжун. Цветочная символика в китайской культуре — на примере образа пиона. URL: <http://www.intjournal.ru/wp-content/uploads/2020/04> (дата обращения: 22.03. 2022).

Известны классификации символов по форме и содержанию, а также по функции, изложенные в трудах Ч. Пирса, О. Есперсена, Р. Якобсона, Э. Бенвениста, Дж. Г. Мида, Ю.С. Степанова. Релевантными для нашего исследования являются следующие:

- по степени сложности: простые — состоящие из одного символа (яйцо, лапша) и сложные — состоящие из группы простых символов (Церемония Рыбы), объединенных логически, и имеющих свой смысл, отличный от смысла составляющих его простых символов;

- по уровню абстрактности: 1) конкретные — упрощенное изображение определенных явлений реального мира: а) символ-понятие, отражающее идеи, чувства или абстрактные качества (лотос); б) символ-образ, имитирующий форму существа или предмета, с которым они связаны (круглый пряник); 2) абстрактные: а) невидимые символы — абстрактные идеи и умозрительные картины, не существующие в материальной форме (дракон, феникс); б) ритуальные обряды и действия — магические символы, основанные на звуковом или жестовом ряде (чаша — церемониальный бокал).

- по форме их выражения: 1) графические — начерченные или нарисованные на плоскости (рисунки, пиктограммы, иероглифы: например, чунь лянъ (春联, chūnlián) — пожелания счастья, благополучия перед Новым годом на красных бумажных лентах; 2) предметные — символы, которые выражаются в вещественной материальной форме (фонарик, бабочка, подсолнечные, дынные или арбузные семечки); 3) аудиальные — песни и стихи, посвященные Луне в Праздник Луны; 4) жестовые — выбор блюд для праздничного стола;

- по происхождению: 1) природные символы — символы, которые являются естественными (птицы, бамбук, рыба); 2) искусственные символы (цифра 8, инь и ян), цветовые символы (красный дракон, черные водоросли, черный мох).

В зависимости от функций различают исторические, религиозные, мифологические, идеологические, нравственные и художественные символы. В практическом материале мы выделили две группы кулинарных символов: мифологические и нравственные символы.

I. Мифологические символы

Ритуально-религиозные системы и поведение относятся к культурным семиотикам. Объединение в один класс семиотик, репрезентирующих фидеистическое отношение к миру (ритуал, магия, религия), с одной стороны, и поведенческой семиотики, с другой — обусловлено тем, что в своем генезисе поведение формировалось на

основе ритуально-религиозных запретов и предписаний [Мечковская, 2004: 277].

Черно-белый китайский символ ИНЬ и ЯН (阴, 阳, yīnyáng) означает противоположные, но сосуществующие начала — это идея дуалистического единства Света и Тьмы, необходимого для продолжения жизни. Первоначально эти слова означали теневой и солнечный склоны горы, но в философском смысле они включают много противоположных по значению пар — темное и светлое, мокрый и сухой, женское и мужское, слабый и сильный, мертвый и живой и т.д. Примерно в то же время, когда инь и ян стали означать не только два склона горы, но и все окружающие вещи и явления, в китайском сознании прочно закрепилось еще одно понятие.

Долгое время китайцы делили свою Вселенную на четыре части — Небесного Дракона, Белого Тигра, Красную Птицу и Черную Черепаху; восток, запад, юг и север; весну, осень, лето и зиму. Но примерно в III в. до н. э. появилась концепция пяти элементов, которая с тех пор властвует над сознанием людей Поднебесной. К четырем направлениям и четырем сторонам света добавился «центр» — пятый основной элемент. Так родилась идея у син (五行, wǔxíng) — пяти элементов, которые составляют Вселенную: дерево, огонь, земля, металл и вода. Каждому элементу соответствует определенный цвет, вкус и сторона света. Север, черный цвет и соленый вкус — характеристики воды; юг, красный цвет и горький вкус относятся к огню; восток, зеленый цвет и кислый вкус характеризуют дерево; металл — это запад, белый цвет, острый вкус; земля — центр, желтый цвет, сладкий вкус [Плескачевская, 2018: 18–19].

ЯЙЦО — начало жизни

В древних китайских традициях жизненная мистика выражается в различных символах. Например, для китайцев яйцо — это начало жизни как в духовном, так и физическом плане. Символическая функция выражена при метафорическом осмыслении жизненного цикла как постоянного противоборства положительных и отрицательных сил. Яичный желток — это инь, темный, отрицательный аспект земли; женское, расширяющее и поглощающее начало. Белок — это светлые, положительные небесные силы, активность, мужское проникающее начало. Акт творения круг, который, подобно яичной скорлупе, окружает инь и ян. Силы, соединяющие инь и ян, рождают равновесие пяти добродетелей: правды, мудрости, пристойности, чистоты и благожелательности. Таким образом, яйцо символизирует «Пищу пяти добродетелей».

При рождении ребенка, китайцы посылают своим знакомым яйца, сваренные вкрутую и окрашенные в ярко-красный цвет. Если в присланной корзинке нечетное число яиц — 9 или 11 — родился мальчик. Четное количество — 8 или 10 — означает рождение девочки [Китайская кухня, 2002: 231–232].

ДРАКОН — земное воплощение китайских императоров

Дракон — это древняя рептилия, воплощающая первобытную мощь эпохи динозавров, созданная человеческим воображением. В «Словаре символов» Дж. Трессидера находим следующую трактовку: «В Китае дракон считается символом сверхъестественных сил, не ограниченных моральными принципами. Вышитый на одежде извивающийся дракон символически изображает созидательные ритмы природных элементов, особенно несущую дождь, силу грозы, эмблемой которой часто является жемчужное зерно в пасти дракона [Трессидер, 1999]. Отсюда истоки символизма вызывающих дождь бумажных драконов, которых среди вспышек фейерверка несут во время процессий на осеннем празднике на второй день второго месяца китайского календаря. Лун, бирюзовый дракон с пятью когтями, был эмблемой династии Хань, символизировал активный принцип «инь», Восток, восходящее солнце, плодородие, счастье и дар божественного знания и бессмертия.

Одно из самых известных блюд провинции Гуандун — «борьба дракона с тигром», его готовят из ядовитых змей трех видов, дикой кошки и многочисленных пряностей.

II. Нравственные символы

Символы семейной жизни

БЛАГОПОЛУЧИЕ И ЗДОРОВЬЕ

В пищевом коде традиционной китайской культуры, который чрезвычайно богат и многообразен, особое место занимает рис. Будучи вовлечены в символизацию мира, простейшие сущности оказались переосмыслены в этических категориях и соединены с ценностными понятиями. Об этом свидетельствуют те устойчивые и разнообразные смыслы, которые воплощены в пищевых образах, включенных в многомерное пространство культуры (ритуально-обрядовые практики, фольклор, литература и др.).

РИС как основа простой, но питательной пищи, как чего-то очень значимого для устройства семейного мира и мира в целом отражен в представлениях о том, что рис — организующий центр совместного процесса во время ритуального действия на семейных праздниках. Под воздействием природных условий жизни и практической деятельности сформировались китайские культурные пищевые

традиции, благодаря чему рис стал национальным видом пищи, за которым закрепились идеи «ценности», «жизненной важности» и в то же время обыденности и повседневности. Эти смыслы, созданные в культуре и отраженные в разных ее знаках, воплощены в полной мере в языке. Для примера приведем китайские пословицы о рисе: «На чужом поле рис кажется лучше, свои дети кажутся краше» (米是别人地里的, 孩子是自己的更漂亮 *mǐ shì bié rén de lǐ de hǎo, hái zi shì zì jǐ de gèng piào liàng*). «Лучше есть кашу с улыбкой, чем есть рис, хмуря брови» (笑着吃稀饭胜过皱着眉头吃饭 *xiàozhe chī xīfàn shèngguò zhòuzhe méitóu chīfàn*). Это своего рода матрицы, которые отражают способ мышления людей, определяют содержание и формы ментальных и языковых репрезентаций, среди которых рис как пищевой (или кулинарно-гастрономический) код занимает важное место.

СЧАСТЬЕ

Эмблемой счастья в Китае считаются утки. Парочка — утка и селезень — означает супружескую верность. Истоки этого символизма относятся к мандариновым уткам и наблюдениям за синхронным плаванием селезня и утки. Печальные сказки о разделенных парах мандариновых уток весьма популярны в китайском и японском фольклоре, а изображение утки используется как декоративный элемент в убранстве свадебных помещений. Молодых влюбленных называют «мандариновые утки в росе» (露水橘鸭, *Lùshuǐ jú yā*).

ДОЛГОЛЕТИЕ занимает важное место в традиционной китайской символической системе. ЛАПША — символ долголетия. «Кто ест лапшу, тот долго живет» (吃面条的人长寿, *Chī miàntiáo de rén chángshòu*), — говорят в Китае. Лапша пишется иероглифом «Mein» (面, *miàn*), означающим одновременно долголетие. Это одна из причин, почему лапшу посылают в подарок другу ко дню его рождения, когда он достигает совершеннолетия. Ее обязательно подают на праздничный стол, когда отмечают 21-й, 31-й, 41-й день рождения — то есть в начале каждой важной жизненной фазы, вместе с пожеланиями долголетия. Лапша символизирует пожелания матери с ее новорожденным первенцем.

ДРУЖБА, ПРЕДАННОСТЬ

ЧАЙ считается в Китае символом верности. Мотив появления этого символа кроется, возможно, в том, что любые попытки пересадить взрослое чайное растение до сих пор заканчивались неудачей. Известно, что чай обширно культивируется в Китае начиная с VI в. н. э. чайный куст, родственник камелии, может расти там, где не выживают другие домашние культуры, — на маленьких клочках земли возле домов, на склонах холмов и высокогорных уступах.

Дарить чай принято в знак дружбы, поэтому чай должен непременно находиться среди подарков, которые жених посылает в семью невесты при объявлении помолвки. Если помолвка расторгается по какой-либо причине, об этом деликатно говорят: «Чай просыпался» (茶醒了, Chá xǐng le). Церемониальный аспект чая достигает кульминации на свадьбе — невеста должна сама наливать и подносить чай всем родственникам — своему, мужа и присутствующим гостям согласно «свадебному протоколу» [Китайская кухня, 2002: 265–266].

Праздничные символы

Праздник Весны (春节, Чунь цзе) — самый важный и любимый из всех традиционных народных праздников Китая. Истоки его теряются в глубине веков, но известно, что подобные фестивали устраивали уже при династии Чжоу (1121–771 гг. до н.э.). Название Чунь цзе относительно новое, официально введено только в 1911 г., после Синьхайской демократической революции, которая положила конец императорскому правлению. Сейчас он отмечается в первый день первого лунного месяца, который обычно выпадает на период с 21 января по 19 февраля. Пища на новогоднем столе — самая разнообразная, и чем обильнее, тем лучше. Но обязательно едят пельмени, вылепленные в форме лунного серпа. Пельмени — единственное блюдо, которое по традиции можно готовить в первые пять дней праздника Весны.

Пельмени — цзяоцзы (饺子) по форме напоминают древнекитайские слитки серебра и потому сулят богатство. И хотя сами пельмени уже при династии Тан (618–907) были очень популярным блюдом, фирменным новогодним кушаньем они стали относительно недавно — 500–600 лет назад, во время правления династии Мин (1368–1644) [Плескачевская, 2018: 225]. Согласно последним данным, самый древний пельмень найден археологами в Китае. Пельмень возрастом 1700 лет обнаружен в начале 2016 г. при раскопках в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. Формой он напоминает полумесяц, в длину достигает 5 см, в ширину — полутора. Пельмени в обязательном порядке должны быть первым блюдом, которое китаец отведает в Новом году, поскольку они считаются «пищей перехода» из старого года в новый. Дело в том, что их название омонимично иероглифу цзяо (交), среди значений которого — «связывать, передавать» [Щепин, 2021: 280–281].

Знатоки китайской кухни утверждают, что на новогоднем столе, зачастую, главную роль играет не сама еда, а ее символический подбор, якобы правильный (正确, zhèngquè) выбор блюд для праздничного новогоднего стола способен определить течение всего следующего года, который может быть либо удачным, либо сопря-

жен с различными трудностями. «Яичные трубочки» (蛋卷, Dàn juǎn) или «трубочки по-весеннему» (春卷, chūnjuǎn), свернутые в виде традиционного китайского слитка золота, часто подаются на новогодний стол во время торжеств, связанных с праздником Весны или китайского нового года, они означают пожелание богатства и процветания в наступающем году.

Церемония Рыбы

По традиции эта красочная церемония устраивается осенью в дни китайского Лунного праздника, в честь богини Луны, в благодарность за собранный урожай. Доказательством значимости Церемонии Рыбы служит тот факт, что по разным причинам китаец может отказаться от любых приглашений на обед, но никогда не откажется от этой праздничной трапезы. Празднование начинается с того момента, когда рыбу поливают маслом и все начинают ее перемешивать. Блюдо называется “Yee Sang”, где “Yee” означает «рыба» (鱼, yú), а “Sang” — «жизнь» (生, shēng). Таким образом с каждым кусочком блюда гости обретают все больше жизни [Плескачевская, 2018: 195].

Рыба на праздничном столе — к деньгам, т.к. ее китайское название «юй» (鱼) омоним слова «изобилие» (余, yú). В ресторанах все ингредиенты раскладывают на большие тарелки или подносы. Прежде чем начать смешивать салат, обедающие встают, подкидывают содержимое тарелки вверх и провозглашают: «Каждый год принесет нам процветание!» (每年都会给我们带来繁荣, Měi nián dūhuì gěi wǒmen dài lái fánróng).

Мы разделяем точку зрения А.В. Павловской о том, что одним из важнейших факторов, объединяющим нации и народы, сегодня является традиционная национальная пища. Пища нередко становится как важнейшим национальным стереотипом для внешнего мира, так и национальным объединителем для самих носителей той или иной культуры [Павловская, 2021].

Выводы

Изучение древних гастрономических символов Китая подтверждает мысль о том, что неодинаковое членение внеязыкового континуума возникает в период первичной номинации. Именно этим фактом объясняется неодинаковые ассоциации и референтные различия в языковом материале, сохранившиеся от прежних эпох в китайской и других культурах. Например, цветовая и числовая символика, зооморфные и флористические символы и пр.

Общей чертой семиотических феноменов является неконвенциональное представление о том, что знак в ритуале (словесная фор-

мула, жест, посуда, блюда и т.д.) — это не условность, а часть их лингвосомиотического содержания. Пищевые ритуалы являются символическим отображением народных верований, традиционного знания и коллективного опыта, актуального для китайского общества, и служат подтверждением его общественных ценностей.

Исследования в данной области приближают к пониманию не только культуры отдельных народов, но и эстетических универсалий и психологических констант человечества. Семиотические исследования гастрономической лингвокультуры представляют интерес для многих гуманитарных наук: философии, лингвокультурологии, социолингвистики, психолингвистики, истории национальной кухни, этнолингвистики, литературоведения, фольклористики и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александрова О.В.* Межкультурная коммуникация и ее символы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 50–56.
2. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
3. *Бенвенист Э.* Семиология языка // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 69–89.
4. *Загряжкина Т.Ю.* Повседневное и эксклюзивное в культуре и языке французской кухни // История еды и традиции питания народов мира: Мат-лы II Межд. симпоз. Вып. 2. М., 2016. С. 64–75.
5. *Земскова А.Ю.* Лингвосомиотические характеристики англоязычного гастрономического дискурса: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009.
6. *Китайская кухня.* М., 2002.
7. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1999.
8. *Молчанова Г.Г.* Мифодизайн как инструмент превращения сознания // Когнитивные исследования языка. 2021. № 1(44). С. 452–459.
9. *Мечковская Н.Б.* Семиотика: Язык. Природа. Культура. М., 2004.
10. *Павловская А.В.* «Ростбиф Старой Англии»: мясо как фактор национальной идентичности британцев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 1. С. 100–116.
11. *Плескачевская И.Н.* Поднебесная страна. М., 2018.
12. *Рассадина С.А.* Пищевые мифологемы в период пандемии // Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира: мат-лы V межд. научно-практ. симпоз. М., 2021. С. 360–371.
13. *Рикёр П.* Память, история, забвение. М., 2004. С. 136–143.
14. СЛТ: Словарь лингвокультурологических терминов / Авторы-сост.: Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. М., 2017.
15. *Степанов Ю.С.* Семиотика. Изд. стереотип. М., 2015.
16. *Тресиддер Дж.* Словарь символов / Пер. с англ. С. Палько. М., 1999.
17. *Щетин К.* Китай кулинарный. М., 2021.

REFERENCES

1. Alexandrova O.V. 2021. Mezhhkul'turnaya kommunikatsiya i ee simvol'y [Intercultural communication and its symbols]. *Bulletin of the Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication*, no. 2, pp. 50–56. (In Russ.)
2. Assman Ya. 2004. *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vy'sokiy kul'turax drevnosti* [Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow, Yazy' kislayanskoy kul'tury'. (In Russ.)
3. Benveniste E. 1974. *Semiologia linguae* [Semiology of language] In E. Benveniste (ed.) *General Linguistics* [General Linguistics]. Moscow, pp. 69–89. (In Russ.)
4. Zagryazkina T.Yu. 2016. Povsednevnoe i e'ksklyuzivnoe v kul'ture I yazy'ke francuzskoy kuxni [Casual and exclusive in the culture and language of French cuisine]. *Istoriyaedy' itradiciipitaniyanarodovmira mat-ly' II mezhd. simpoz.* [The history of food and food traditions of the peoples of the world: materials of II int. sympos]. Vy'p. 2. Moscow, pp. 64–75. (In Russ.)
5. Zemskova A.Yu. 2009. *Lingvosemioticheskie kharakteristiki angloyazy'chnogo gastronomicheskogo diskursa: avtoref. dis. ... kand. filol.* [Nauk Linguo-semiotic characteristics of the English-language gastronomic discourse Abstract of the thesis. dis. cand. philol. Sciences]. Volgograd. (In Russ.)
6. *Kitajskaya kukhnya*. 2002. [Chinese cuisine]. Moscow, Izd-vo E'ksmo. (In Russ.)
7. Lotman Yu.M. 1999. *Vnutrimy'slyshikhmirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya* [Inside the thinking worlds. Man — text — semiosphere — history]. Moscow, Yazy'kirusskoj kul'tury'. (In Russ.)
8. Molchanova G.G. 2021. Mifodizain kak instrument prevrashcheniya soznaniya [Myth design as a tool for transforming consciousness]. *Cognitive Studies of Language*, no. 1(44), pp. 452–459. (In Russ.)
9. Mechkovskaya N.B. 2004. *Semiotika: Yazy'k. Priroda. Kul'tura* [Semiotics: Language. Nature. culture]. Moscow, "Akademiya". (In Russ.)
10. Pavlovskaya A.V. 2021. "Rostbif Staroi Anglii": myaso kak faktor natsional'noi identichnosti britantsev ["Old England roast beef": meat as a factor in the national identity of the British]. *Bulletin of the Moscow University. Series Linguistics and intercultural communication*, no. 1, pp. 100–116. (In Russ.)
11. Pleskachevskaya I.N. 2018. *Podnebesnaya strana* [Celestial country]. Moscow, Shans. (In Russ.)
12. Rassadina S.A. 2021. Pishhevy'e mifologemy' v period pandemii [Food myths during the pandemic]. *Tradicionnaya kul'tura v sovremennom mire. Istoriya edy' i tradicii pitaniya narodov mira: mat-ly' V mezhd. nauchno-prakt. simpoz* [Traditional culture in the modern world. The history of food and food traditions of the peoples of the world: materials of the V int. scientific and practical. sympos]. Moscow, Novoevremya, pp. 360–371. (In Russ.)
13. Rikyor P. 2004. *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, history, oblivion]. Moscow. (In Russ.)
14. SLT: *Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov* [Dictionary of linguistic and cultural terms]. 2017. Avtory'-sost. Kovshova M.L., Gudkov D.B. (eds.) Moscow, Gnozis. (In Russ.)
15. Stepanov Yu.S. 2015. *Semiotics* [Semiotics]. Moscow. (In Russ.)
16. Tresidder Dzh. 1999. *Slovar' simvolov* [Symbol Dictionary]. Per. s angl. S. Pal'ko. Moscow, FAIR-PRESS. (In Russ.)
17. Shhepin K. 2021. *Kitaj kulinary'j* [China culinary]. Moscow, Shans. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 16.04.2022;

одобрена после рецензирования 16.05.2022;
принята к публикации 18.05.2022

The article was submitted 16.04.2022;
approved after reviewing 16.05.2022;
accepted for publication 18.05.2022

ОБ АВТОРЕ

Доржиева Галина Сергеевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкого и французского языков, Бурятский государственный университет; galdor@yandex.ru

Гао Цзяньго — аспирант кафедры немецкого и французского языков, Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова; gao2023@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Galina S. Dorzhieva — Dr. habil in Philology, professor, professor of department of the German and French languages, Banzarov Buryat State University; galdor@yandex.ru

Gao Jianguo — Postgraduate student of the German and French languages, Banzarov Buryat State University; gao2023@mail.ru

ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

ЛИНГВОКОНТАКТОЛОГИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

З.Г. Прошина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; proshinazoya@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается взаимоотношение терминов *социолингвистика* — *лингвоконтактология* — *контактная вариантология*. Сопоставлены отечественный термин *лингвоконтактология* и зарубежный *contact linguistics*. Показана структура лингвоконтактологии, центральную часть которой занимает контактная вариантология. На материале английского языка разбираются основные проблемы контактов языков, результатом чего стала дифференциация глобального языка, его локализация и становление вариантов. Дается определение варианта плюрицентричного языка как типизированной речи, свойственной определенному лингвокультурному социуму, отражающей его менталитет, особенности культуры и в определенной степени — следы родного языка. Подчеркивается, что в основе варианта лежит лингвокультурная идентичность его пользователей. Фокус внимания направлен на легитимность статуса вариантов так называемого Расширяющегося круга Б. Качру — русский и китайский варианты английского языка, необходимость их изучения в теоретическом и прикладном аспектах.

Ключевые слова: социолингвистика; лингвоконтактология; вариантология; культурно-языковые контакты; плюрицентрический язык; вариант языка; теория трех кругов; норма

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-73-88

Для цитирования: Прошина З.Г. Лингвоконтактология: современные проблемы и перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 73–88.

CONTACT LINGUISTICS: CURRENT CHALLENGES AND PERSPECTIVES

Zoya G. Proshina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; proshinazoya@yandex.ru

Abstract: The article discusses the terms *sociolinguistics* — *contact linguistics* — *World Englishes paradigm*. The structure of Contact Linguistics, whose central part

is made by the World Englishes paradigm, is dwelt upon. Major problems of language contacts are overviewed, including differentiation of the global language, its localization and development of varieties. Varieties of a pluricentric language are defined as typified speech that is specific of a certain linguacultural social community, that reflects the mentality, cultural features and to a certain degree transfer of the native language. The author emphasizes that each variety is underpinned by a linguacultural identity of its users. Attention is focused on the legitimacy of the Expanding Circle varieties (according to B. Kachru) such as Russian and Chinese Englishes, need in their studying in theory and applied aspects.

Key words: sociolinguistics; contact linguistics; World Englishes paradigm; culture and language contacts; pluricentric language; language variety; Three Circle Theory; norm

For citation: Proshina Z.G. (2022) Contact Linguistics: Current Challenges and Perspectives. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 73–88. (In Russ.)

Введение

Дисциплины ‘лингвоконтактология’ в зарубежной лингвистике нет. Ближайший термин — Contact Linguistics [Myers-Scotton, 2002; Winford, 2003; Kontaktlinguistik, 2008; Advances in Contact Linguistics, 2020]. Объектом изучения обеих дисциплин являются языковые контакты (language contacts¹), предусматривающие сосуществование языков в определенном географическом ареале, речевом сообществе или языковом репертуаре индивида, социолингвистические взаимодействия языков в рамках глобальных и локальных процессов. Это объясняет включение данных дисциплин в более широкое направление лингвистических исследований — социолингвистику, изучающую в широком и более узком смыслах взаимосвязь языка и общества.

Вместе с тем языковые контакты представляют интерес не только в социолингвистическом аспекте; они могут быть предметом исследования когнитивной лингвистики и психолингвистики, поскольку благодаря этим направлениям выявляется, как происходит процесс познания с участием двух языков, как осуществляется речевая деятельность билингвального индивида. Знание о контактах языков не может не опираться на данные лингвокультурологии — в частности, базисом вариантов плюрицентрического² языка, образо-

¹ С 2008 г. в издательстве Brill (Leiden, Boston) выходит из печати специальный журнал *Journal of Language Contacts*.

² Данный термин, применяемый к языку, обслуживающему несколько этнических культур и имеющему несколько кодифицированных стандартов, относительно нов [Pluricentric Languages, 1992], поэтому в русском переводе он еще не имеет

ванного в результате культурно-языковых контактов, всегда является культура соответствующих вариантов. В связи с этим для межкультурного общения, когда осуществляется контакт языков, необходимы знания сопоставительной культурологии и теории межкультурной коммуникации. Таким образом, можно утверждать, что в непосредственной смежности с лингвоконтактологией, являющейся социолингвистической дисциплиной, находятся психолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, сопоставительная лингвистика и сопоставительная культурология, а также теория межкультурной коммуникации.

Несмотря на то что понятия ‘лингвоконтактология’ и ‘contact linguistics’ достаточно близки благодаря общему объекту исследования, эти два термина не всегда считают полными эквивалентами. Дело в том, что contact linguistics нередко ассоциируется с контактными языками, понимаемыми в узком смысле как пиджины и креолы, т.е. контактная лингвистика понимается в узком смысле как креолистика [Holm, 2013], в то время как лингвоконтактология, благодаря внутренней форме слова, соотносится с гораздо большим числом объектов исследования и, следовательно, является более широкой научной дисциплиной, ориентированной на языковые контакты.

Структура лингвоконтактологии

Как научная дисциплина лингвоконтактология предстает в теоретическом, фундаментальном осмыслении и в прикладном аспекте.

В теоретическом плане одним из центральных компонентов лингвоконтактологии в настоящее время является **контактная вариантология** плюрицентрических языков (в первую очередь, английского, но также немецкого, французского, испанского и др.), сфокусированная на изучении формирования вариантов, их дескрипции, функционирования. Подробнее рассмотрим проблематику этого ответвления лингвоконтактологии ниже. Примыкает к контактной вариантологии, хотя и считается отдельной дисциплиной, **креолистика**, поскольку между развитием пиджинов, креолов и вариантов плюрицентричного языка есть много объединяющих моментов. Теоретические проблемы **билингвологии** также связаны с контактом языков, поэтому эта область также составляет часть объекта лингвоконтактологии. Теоретический интерес лингвоконтактологии также направлен на языковые изменения, связанные с контактами языков. Это проблемы кодового смешения и переключе-

---

устоявшегося эквивалента. Встречаются следующие варианты: плюрицентрический, плюрицентричный, полицентричный.

чения, нередко рассматриваемые как область дискурсологии, а также проблемы заимствований, изучаемых лексикологией.

Прикладное направление лингвоконтактологии — это, в первую очередь, лингводидактика, рассматривающая обучение и усвоение неродного языка в определенном противоборстве с родным языком обучающегося, что в зарубежной науке представлено преимущественно теорией Second Language Acquisition (SLA), т.е. теорией усвоения второго языка, для которой важной лингвоконтактологической концепцией является трансференция и интерференция. В настоящее время часто дискутируемым направлением лингводидактики в русле лингвоконтактологии стала транслингвальность, т.е. одновременное существование пользователя в двух и более языках и лингвокультурах, плавно перетекающих одна в другую, с нечеткими границами между ними, что происходит при использовании в речевой практике всего языкового репертуара говорящего [Canagarajah, 2013].

Вторым важным прикладным аспектом лингвоконтактологии стало переводоведение, где проблемы языковой трансференции, или переноса черт одного из контактирующих языков в другой, оказываются не менее значимыми, чем для лингводидактики. Новой для переводоведения является проблема межвариантного или опосредованного перевода, о которой речь пойдет далее.

Лексикография — еще одно прикладное направление лингвоконтактологии. Здесь не всегда речь идет лишь о переводных двуязычных словарях, но и о переводных межвариантных (например, перевод австралийских слов на американский вариант). Значимым и достаточно перспективным направлением прикладной лингвоконтактологии может быть составление словарей национально-культурных концептов, предназначенных для получателей иных культур, как, например, словарь на английском языке японских ключевых реалий и концептов: “An English Dictionary of Japanese Ways of Thinking” [Honma & Hoffer, 1998].

Основные понятия контактной вариантологии

В настоящее время контактная вариантология английского языка, называемая по-английски World Englishes paradigm, занимает центральное место в структуре лингвоконтактологии. Именно в этой относительно новой теоретической парадигме в настоящее время возникает масса дискуссионных вопросов.

Одним из таких вопросов стало определение *варианта* английского языка. Оксфордский словарь лингвистических терминов определяет вариант как такую «форму языка, которая систематически отличается от других» подобных форм [Mathews, 2003: 236].

Необходимо отметить, что данное определение слишком общее и базируется лишь на внутренних языковых признаках, что для социолингвистики совсем не достаточно. Однако определение, данное в отечественном Словаре социолингвистических терминов под редакцией В.Ю. Михальченко, тоже представляется весьма общим: вариант — это «форма существования языка, представляющая собой модификацию инварианта, в качестве которого выступает: 1) система и структура языка или 2) норма языка», и возникающая «в результате дифференциации языка под воздействием различных экстралингвистических факторов» [Словарь социолингвистических терминов, 2006: 35]. Во-первых, система и структура каждого варианта настолько динамически меняются на каждом из уровней языка, что трудно в них найти абсолютно гомогенную инвариантность; во-вторых, нет единой нормы для всех вариантов; варианты стали вырабатывать свои собственные нормы [Standards of English, 2013]. Так называемый международный английский язык (International English), который иногда называют инвариантом, поскольку он имеет центростремительную направленность, представляет собой своеобразную абстракцию, далекую от социолингвистической реальности, в то время как термин «английский язык как международный» (English as an International Language), будучи тоже в определенной степени абстракцией, обладает центробежной направленностью, предполагая дифференциацию на реально существующие варианты [Kachru, 1985; Sharifian, 2009; Прошина, 2016, 2021]. В дефиниции Словаря под редакцией В. Ю. Михальченко требует уточнения и то, какие именно экстралингвистические факторы имеют значимость, хотя само упоминание релевантности экстралингвистических факторов уже было шагом вперед в развитии данного понятия.

Учитывая достижения современных вариантологов, можно дать следующее определение варианта языка: это социолингвистический концепт, с помощью которого выявляется типизированная речь, свойственная определенному лингвокультурному социуму, отражающая его менталитет, особенности культуры и в определенной степени — следы родного языка. В основе варианта лежит лингвокультурная идентичность его пользователей, которая проявляется в дистинктивных признаках как результат переноса некоторых черт родного для пользователей языка и вербализации их менталитета.

Как и сам язык, вариант не однороден. Используя термины креолистики, Б. Качру показал, что вариант, образовавшийся в контакте с родным языком пользователей, представляет собой билингвальный континуум [Kachru, 1983], который условно можно разделить на три лектальные зоны, в основе определения которых лежат

функциональные, контекстуальные и формальные критерии. Первая зона — акролект, в котором дистинктивные признаки варианта проявляются в минимальном количестве, чаще всего — на фонетическом уровне в виде небольшого акцента. Акролект основан на письменной норме языка, которой владеют образованные пользователи, и функционирует в формальном контексте. Вторая зона — мезолект, основанный на разговорном узусе образованных пользователей в неформальной ситуации общения, поэтому в мезолекте достаточно ярко проявляются дистинктивные признаки варианта. Иногда мезолект может выявляться в речи образованных пользователей и в формальной ситуации, когда по каким-то психологическим причинам (стресс, усталость) утрачивается контроль за речью, в которой обнаруживается гораздо больше девиаций. Третья зона — базилект, для которого характерна значительная гибридизация языка, как в пиджине, сильная степень интерференции родного языка. Обычно для пользователей базилекта, который получает гибридное наименование (Chinglish, Japlish, Ruslish, Frenglish и т.п.), характерна недостаточная языковая компетенция. Следует акцентировать, что вариант языка включает все три лектальные зоны, поэтому давать ему только гибридное наименование неверно — все равно что представлять язык в исполнении только малограмотных людей.

Обычно вслед за Б. Качру [Kachru, 1985] варианты разделяют на три группы: 1) варианты Внутреннего круга, являющиеся родными для подавляющей части населения и имеющие статус (*de facto* или/и *de jure*) государственного / национального языка — например, британский, американский, канадский, австралийский, новозеландский варианты английского языка; 2) варианты Внешнего круга, когда-то трансплантированные в бывшие колонии и теперь являющиеся вторыми официальными языками в постколониальных странах — например, индийский, сингапурский, филиппинский, южноафриканский и другие варианты английского языка; 3) варианты Расширяющегося круга, осваиваемые через систему образования и выполняющие очень ограниченные функции, главным образом, функцию межкультурного общения. Варианты Внешнего круга, будучи со-официальными языками своих государств, поддерживаются многими социальными институтами и имеют институциональный статус (*institutional varieties*). Варианты Расширяющегося круга определены Б. Качру как ‘*performance varieties*’, поскольку их качество зависит от речевого исполнения в определенном контексте — термин достаточно сложно перевести на русский язык — возможно, варианты этого круга можно назвать речевыми вариантами, тем более что своей собственной языковой нормы они не имеют и ори-

ентируются на модель (т.е. прескриптивный идеал) других вариантов, чаще всего на модель языкового варианта Внутреннего круга.

Мы подошли к еще одной проблеме, связанной с определением варианта. Иногда вариантам Расширяющегося круга отказывают в статусе вариантов именно на том основании, что у них нет собственной нормы [Bruthiaux, 2003]. Так, например, далеко не все признают статус русского варианта английского языка. Однако отказ в признании легитимности такого рода вариантов значит отказ в признании их реальности. Отсутствие собственных норм у вариантов Расширяющегося круга, конечно, не предполагает отсутствия норм вообще.

Согласно той же теории трех кругов Б. Качру, языковые нормы в каждом из кругов отличаются. Варианты Внутреннего круга называют нормообеспечивающими — они вырабатывают и кодифицируют экзонормы в рамках своих собственных языковых систем, и на эти нормы ориентируются те, кто изучает их в Расширяющемся круге, где формируются нормозависимые варианты, имеющие экзонормы. Во Внешнем круге очень динамично идет создание новых норм, поэтому эти варианты называют норморазвивающими. Во Внешнем круге отмечается сосуществование экзонорм (своих собственных) и экзонорм бывших метрополий. Таким образом, нормы есть у всех вариантов, в том числе вариантов Расширяющегося круга, но особенность последних заключается в том, что они характеризуются большей вариативностью, что нередко приводит к смешению норм и зависит от лингвистической компетенции пользователей, их предпочтения и необходимости адаптации к контексту ситуации.

Таким образом, легитимность вариантов Расширяющегося круга подтверждается наличием отличительных черт, связанных с переносом некоторых черт своего родного языка, особенностями культуры и вариативностью экзонорм. Дескрипция вариантов осуществляется по типичной речи образованных людей, в которой наблюдаются продуктивные и системные отклонения от экзонорм, и эти отклонения лежат в основе дистинктивных признаков вариантов.

Проблема русского варианта английского языка

В лингвистике, лингводидактике, эрратологии уже писали о том, чем отличается речь русских пользователей английского языка [Шишкина, 1996; Monk, Burak, 2001; Савицкий, Куровская, 2004; Eddy, 2007; Кабакчи, 2009; Davydova, 2011, Lazaretnaya, 2012; Щенникова, 2017], однако мало кто из лингвистов осмелился назвать англоязычный идиом, производимый русскими пользователями,

русским вариантом английского языка. Потребовалось глубоко вникнуть в теорию World Englishes, чтобы принять принцип инклюзивности этой парадигмы [Davis, 2010] и ее распространенность и на неродные разновидности глобального языка [Smith, 2016]. В 2005 г. в спецвыпуске журнала “World Englishes” впервые прозвучал термин Russian Englishes, где множественное число обозначало мультикультурность России и возможность существования в ней подвариантов английского языка, опирающихся на разные этнические культуры и народные языки и составляющих вместе зонтичный термин Russian English. Вышедшая в 2016 г. коллективная монография “Russian English: History, Functions, and Features” подчеркнула эту идею включения, определив, что следует выделять два значения у термина «русский вариант английского языка»: вариант, на котором говорят этнические русские, и российский вариант, зонтичный термин, включающий разные этносы, входящие в РФ, и так или иначе владеющие русским языком как первым или вторым.

При описании дистинктивных признаков русского варианта английского языка исследователи опирались не только на признаки, девиантные от норм британского или американского вариантов, принимаемых в большинстве российских учебных заведений за экзонормативную модель, они также продемонстрировали языковые предпочтения русских при выборе нормативных вариантов, что отражает русский синтаксис и менталитет русских пользователей. Например, предпочтение неопределенно-личных предложений личным с конструкцией «сложное подлежащее»: *They say he is a good doctor* вместо *He is said to be a good doctor*. К лексическим особенностям русского английского относится особое словоупотребление — например, широкое значение прилагательного *scientific*, понимаемого как ‘научный’, а не ‘естественнонаучный’, как это часто наблюдается в названиях научных конференций по гуманитарным наукам, что звучит несколько странно для представителей британского / американского вариантов: *International scientific conference on migration of the population in the XX Century AD*. В добавление к чисто лингвистическим признакам здесь мы видим графические признаки «русскости»: написание века римскими, а не арабскими цифрами. Примеры русскости в речи образованных русских пользователей с хорошим знанием английского языка обнаруживаются на разных уровнях языковой структуры: в фонетическом акценте, реже — на уровне грамматики (в морфологии и синтаксисе), а также на уровне дискурса, его прагматического аспекта, поскольку лингвокультурная идентичность русских выражается на английском языке, где могут повторяться многие ценности и параметры русского менталитета (например, императивность, маскулинность и др.).

Конечно, далеко не все русские, использующие английский язык для межкультурного общения на английском языке, проявляют в речи подобные черты, но они типичны, системны и продуктивны [Kachru, 1983], и свойственны достаточно значительному количеству русских коммуникантов, говорящих и пишущих на английском языке. Это черты, демонстрирующие их русскость.

Китайский вариант английского языка

Для сопоставления с русским вариантом английского языка возьмем еще один вариант Расширяющегося круга — китайский английский. Мало кто из русских преподавателей и переводчиков будет возражать, что для успешного понимания китайских коммуникантов надо знать основные языковые признаки, свойственные их англоязычной речи. К таким признакам на уровне произношения относятся следующие: вставка эпентетических гласных в скопление согласных и после конечной согласной в слове: [bulu] < *blue*; [rufu] < *roof*; замена согласных — глухих и звонких, /l/ - /r/, некоторых щелевых на смычные, поскольку фонетический строй языков значительно отличается. Так в англоязычном тексте услышанное китайским журналистом русское наименование населенного пункта *Пограничный*, записанное в латинице, имеет форму не *Pogranichny*, а *Vogelaniqineu*, где буква *q* читается как глухая *ch* или ее звонкий коррелят [dʒ].

На грамматическом уровне в китайском английском нередко наблюдается отсутствие глагольной связки, подлежащего (*Here is not allowed to park a car*), отсутствие глагольных окончаний и окончаний множественного числа существительных. Есть специфичные явления на лексическом уровне: изменение значения слова, образование неологизмов из английских корней, калькирование китайских выражений, транскрибирование китайских заимствований и др. Описание дескриптивных признаков китайского варианта английского языка можно найти в работах российских дальневосточных ученых [Иванкова, 2009; Завьялова, 2011] и целого ряда зарубежных исследователей, например [Bolton, 2003; Xu, 2010].

Несмотря на примерно одинаковый статус китайского и русского вариантов английского языка, их изученность и признание в качестве вариантов показывают огромный разрыв. Марджи Бёрнз, просмотрев все номера журнала “World Englishes” за 2001–2018 гг., выявила, что из 318 статей о вариантах Расширяющегося круга, опубликованных в эти годы, около 100 статей были о китайском английском и всего лишь 19 — о русском варианте английского языка [Berns, 2019].

Для нас, русских коммуникантов, общение с представителями китайской культуры на английском языке имеет еще одну — при-

кладную — проблему. Это проблема опосредованного перевода [Прошина, 2021], имеющего особенности в связи с различием систем письма в английском, русском и китайском языках, различиями в произношении слов в этих языках, несовпадением систем транслитерирования, существованием разных систем транслитерации и других причин. Например, китайское слово *qigong* ‘система китайской гимнастики’ транслитерируется по-русски как *цигун* вопреки традиционным англо-русским корреляциям; в английском произношении это слово звучит как /tʃi:ˈɡɒŋ/, что при прямой транскрипции с английского на русский могло бы иметь несуществующую форму *чигон*; в более старой системе транслитерации китайских слов на латиницу оно воспроизводится как *chikung*, что заставляет русских переводчиков, не владеющих законами современного опосредованного перевода, искажать транслитерированную форму в русском написании. Этот пример демонстрирует необходимость введения опосредованного перевода в программу современных переводчиков хотя бы в виде модуля.

Вопрос наименования варианта Расширяющегося круга

Отказываясь от идеи русского (или китайского) варианта английского языка, некоторые исследователи предпочитают именовать данный идиом описательно: английский язык в России / Китае. При таком наименовании теряется терминологичность социолингвистического концепта, он становится неоднозначным и аморфным, поскольку теряет точность, неясно, о каком именно варианте идет речь. Монолитного единого английского языка уже давно нет, он «разобран» по культурно-этническим квартирам и стал плюрицентричным. Кроме того, наименование *английский язык в России / Китае* не точно указывает на пользователей этим языком: в России / Китае на английском языке говорят и многочисленные туристы, бизнесмены из других стран, дипломаты и многие другие — они реализуют свой вариант английского языка в речи. С другой стороны, из этого наименования выпадает речь тех наших соотечественников, которые живут за рубежом и используют английский язык в качестве своего инструмента общения, при этом в их речи дистинктивные признаки русского варианта могут проявляться в значительной степени, хотя бы в виде акцента — это ведь не английский в России (или Китае), но русский (китайский) вариант английского языка.

Заключение

В данной работе мы рассмотрели соотношение и связь трех терминов: социолингвистика — лингвоконтактология — контактная вариантология, выяснив, что лингвоконтактология — это социо-

лингвистическая дисциплина с богатым содержанием, объектом которой являются языковые контакты в разном объеме, от социумов до отдельных индивидов. Центральной, но не единственной частью лингвоконтактологии является контактная вариантология, возникающая с развитием плюрицентричных языков, обслуживающих культуры нескольких государств и имеющих несколько центров стандартизации. Наиболее развита в настоящее время контактная вариантология английского языка, который приобрел глобальный характер распространения, но в ответ за это подвергается локализации в результате языковых контактов, что приводит к дифференциации данного языка и развитию его вариантов. Процессы, которые прошел и проходит английский язык в настоящее время, могут быть свойственны и другим плюрицентричным языкам, но данный вопрос требует дальнейшего исследования и наблюдения.

Одна из самых злободневных проблем современной контактной вариантологии — проблема определения и характеристики вариантов. Вариантом плюрицентрического языка называют сложившийся в результате языковых и культурных контактов идиом, являющийся средством лингвокультурной идентификации его пользователей; проявляющий свои дистинктивные признаки на всех уровнях языковой и семиотической структуры — особенно в произношении, лексико-семантических средствах, в прагматике (дискурсе). Вариант — это социолингвистическое явление, реализуемое как типичная речь социума, в которой отражается его лингвокультурная идентичность, т.е. культура, менталитет, черты родного языка. Вариант — это не дефектная речь пользователей этим вариантом; он используется образованными коммуникантами, свободно владеющими языком — носителями этого варианта, в речи которых обнаруживаются типизированные дистинктивные признаки данного варианта. В то время как варианты, являющиеся национальными языками своих государств или выполняющие функции вторых официальных языков в соответствующих государствах, являются в настоящее время признанными и легитимными вариантами английского языка, варианты с ограниченным функционированием, осваиваемые преимущественно через систему образования, до сих пор обладают спорным статусом. Их «социологическая кодификация» [Kachru, 1985], т.е. признание социумом, произойдет тогда, когда социум утвердится в том, что используемый им вариант отражает его лингвокультурную идентичность. Именно так произошло с американским, австралийским, новозеландским, канадским вариантами, которые — все, кроме американского, — были признаны вариантами лишь в конце 1970–1980-х годов. Сейчас процесс признания бурно протекает в вариантах Внешнего круга, наступит

время и для вариантов Расширяющегося круга. Это происходит разными темпами в разных вариантах — похоже, что китайский социум несколько опережает русский в признании легитимности своего варианта, которым образованные пользователи *владеют*, а значит, проводят с ним активную макро- и микрополитику, используя его не только как средство коммуникации, вторичное средство выражения культурной идентичности, но и как дополнительный языковой ресурс [Прошина, Ривлина, 2018; 2020] для реализации креативной функции.

Функционирование этих вариантов, как и вариантов другого типа, составляет широкое поле для лингвоконтактологических исследований. Другой перспективой может стать сопоставление вариантов и выявление в них общих черт и уникальных дистинктивных признаков. Многие варианты до настоящего времени еще не подверглись дескрипции, как например, арабские варианты английского языка. Они, как и варианты Восточной Азии, имея разные системы письма и специфически отражая их в латинице и кириллице, представляют массу проблем для опосредованного перевода и должны быть фиксированы в лексикографических источниках. Перспективными представляются также лингводидактические проблемы лингвоконтактологии: преподавание вариантов, их выбор, возможности оценки и т.п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Завьялова В.Л.* Английский язык в Китае: Особенности просодического строя. Владивосток, 2011.
2. *Иванкова Т.А.* Английский язык в Китае: Региональные особенности. Владивосток, 2009.
3. *Кабакчи В.В.* Англоязычное описание русской культуры. М., 2009.
4. *Прошина З.Г.* Опосредованный перевод восточноазиатских слов (английский язык). М., 2021.
5. *Прошина З.Г.* Язык и его варианты — реальность или виртуальность? // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. XVIII. № 3. С. 108–113. DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-3-108-113.
6. *Прошина З.Г.* EIL или EFL? Изменение буквы или новая концепция языкового образования? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 83–100.
7. *Прошина З.Г., Ривлина А.А.* Английский язык в России как вариант и как дополнительный языковой ресурс // Английский язык на территории Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и за его пределами: Сб. науч. трудов / РАН, ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; отв. ред., ред.-сост. М.Б. Паренко. М., 2020. С. 73–89.
8. *Прошина З.Г., Ривлина А.А.* Mock Russian English: шутивно-пародийное использование русского варианта английского языка в странах внутреннего круга // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 3. С. 18–30.

9. *Савицкий В.М., Куровская А.Е.* Национальная специфика английской речи (грамматический аспект): Монография. М., 2004.
10. *Шишкина Т.Г.* Русский «акцент» в письменном переводе (морфологический уровень): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1996.
11. *Щенникова Н.В.* Структурно-семантические и функциональные характеристики русского идиома английского языка: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Самара, 2017.
12. *Advances in Contact Linguistics. In honour of Peter Muysken / Norval Smith, Tonjes Veenstra, Enach O. Aboh (eds.).* Amsterdam,, 2020. DOI: <https://doi.org/10.1075/coll.57>
13. *Berns M.* Expanding on the Expanding Englishes of the Expanding Circle // *World Englishes.* 2019. Vol. 38. № 1–2. P. 8–17.
14. *Bolton K.* Chinese Englishes: A Sociolinguistic History. Cambridge, 2003.
15. *Bruthiaux P.* Squaring the circles: issues in modeling English worldwide // *International Journal of Applied Linguistics.* 2003. Vol. 13. № 2. P. 159–178.
16. *Sanagarajah S.* Translingual Practice: Global Englishes and Cosmopolitan Relations. London; New York, 2013.
17. *Davis D. R.* The inclusivity of world Englishes. Presidential address at the Cebu Parklane Hotel, Cebu City, Philippines, on October 22, 2009, at the 15th annual meeting of the IAWE // *World Englishes.* 2010. Vol. 29. № 1. P. 21–26.
18. *Davydova J.* The present perfect in non-native Englishes. A corpus-based study of variation. Berlin, 2011.
19. *Eddy A.* English in the Russian context: A macrosociolinguistic study. PhD diss. Michigan, 2007.
20. *Holm J.* Contact and change: Pidgins and creoles // *The Handbook of Language Contact / R. Hickey (ed.).* Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. P. 252–261.
21. *Honna N., Hoffer B.* An English dictionary of Japanese ways of thinking. Tokyo, 1989.
22. *Kachru B.B.* Models for Non-native Englishes // *Readings in English as an International Language / Ed. by L. Smith.* Oxford, 1983. P. 69–86.
23. *Kachru B. B.* Standards, codification and sociolinguistic realism. The English language in the outer circle // *English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures / Ed. by Randolph Quirk and H.G. Widdowson.* Cambridge, 1985. P. 11–30.
24. *Kontaktlinguistik: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / Hans Goebel, Peter H. Nelde, Zdenek Sary and Wolfgang Wölck (eds.).* Berlin; New York, 2008. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110132649.1>
25. *Lazaretnaya O.* English as a lingua franca in Russia: A sociolinguistic profile of three generations of English users. PhD diss. Lisbon, 2012.
26. *Matthews P.H.* The Concise Oxford Dictionary of Linguistics. Oxford, 2003.
27. *Monk B., Burak A.* Russian speakers // *Learner English. A teacher's guide to interference and other problems / M. Swan and B. Smith (eds.).* 2nd edn. Cambridge, 2001. P. 145–161.
28. *Myers-Scotton C.* Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes. Oxford, 2002.
29. *Pluricentric languages: Differing norms in different nations / Clyne M. (ed.)* Berlin; New York, 1992. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110888140>
30. *Russian English: History, Functions, and Features / Zoya G. Proshina and Anna A. Eddy (eds.).* Cambridge, 2016.
31. *Russian Englishes: Special issue / Guest editor Z.G. Proshina // World Englishes.* 2005. Vol. 24. № 4. P. 437–532.

32. *Sharifian F.* English as an International Language: An Overview // English as an International Language. Perspectives and Pedagogical Issues / Ed. by Farzad Sharifian. Bristol a.o.: Multilingual Matters. 2009. P. 1–18.
33. *Smith L.E.* Familiar issues from a world Englishes perspective // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 1. С. 14–18.
34. Standards of English / Ed. by Raymond Hickey. Cambridge, 2013 (2012).
35. *Winford D.* An Introduction to Contact Linguistics. Chichester, 2003.
36. *Xu Z.* Chinese English: Features and Implications. Hong Kong, 2010.

REFERENCES

1. Zavyalova V.L. 2011. *Angliyskiy yazyk v Kitae: Osobennosti prosodicheskogo stroya* [English in China: Prosodic Features]. Vladivostok, Marine University. (In Russ.)
2. Ivankova T.A. 2009. *Angliyskiy yazyk v Kitae: Regionalnye osobennosti.* [English in China: Regional specifics]. Vladivostok, Far Eastern University Press. (In Russ.)
3. Kabakchi V.V. 2009. *Angloyazychnoye opisaniye russkoy kultury* [English description of the Russian culture]. Moscow, Akademia. (In Russ.)
4. Proshina Z.G. 2021. *Oposredovanniy perevod vostochnoaziatskikh slov (angliyskiy yazyk)* [Intermediary translation of East Asian words (English)]. Moscow, Urait. (In Russ.)
5. Proshina Z.G. 2021. *Yazyk i ego variant — realnost ili virtualnost?* [Language and its varieties — reality or virtuality? *Humanities and Social Studies in the Far East*, vol. 18, no. 3, pp. 108–113. DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-3-108-113. (In Russ.)
6. Proshina Z.G. 2016. EIL ili EFL? Izmeneniye bukvy ili novaya konseptsiya yazykovogo obrazovaniya? [EIL or EFL? Change of the letter or a new conception of language education?] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 83–100. (In Russ.)
7. Proshina Z.G., Rivlina A.A. 2020. *Angliyskiy yazyk v Rossii kak variant i kak dopolnitelnyy yazykovoy resurs* [English in Russia as a variety and as an additional linguistic tool]. In M.B. Rarenko (ed.). *Angliyskiy yazyk na territorii Soyedinnonogo Korolevstva Velikobritanii i Severnoy Irlandii i za ego predelami* [The English language in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and beyond]. Moscow, INION, Russian Academy of Sciences, pp. 73–89. (In Russ.)
8. Proshina Z.G., Rivlina A.A. 2018. Mock Russian English: shutlivo-parodiynoye ispolzovaniye russkogo varianta angliyskogo yazyka v stranakh vnutrennego kruga [Mock Russian English: joking and burlesque use of Russian English in the Inner Circle]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 18–30. (In Russ.)
9. Savitskiy V.M., Kurovskaya A.E. 2004. *Natsionalnaya spetsifika angliyskoy rechi (grammaticheskiy aspekt)* [National specifics of English speech (grammar)]. Moscow, Pearson Education, Moscow City Pedagogical University Press. (In Russ.)
10. Shishkina T.G. 1996. *Russkiy “aktsent” v pismennom perevode (morfologicheskiy uroven)* [Russian accent in written translation (morphology)]. PhD thesis. Moscow, Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)
11. Schennikova N.V. 2017. *Strukturno-semanticheskiye i funktsionalnye kharakteristiki russkogo idioma angliyskogo yazyka* [Structural, semantic, and functional characteristics of the Russian speech in English]. Post PhD thesis. Samara, Samara State Social and Pedagogical University. (In Russ.)
12. Smith Norval, Tonjes Veenstra, Enach O. Aboh (eds.). 2020. *Advances in Contact Linguistics. In honour of Peter Muysken.* Amsterdam, John Benjamins. DOI: <https://doi.org/10.1075/coll.57>

13. Berns M. 2019. Expanding on the Expanding Englishes of the Expanding Circle. *World Englishes*, vol. 38, no. 1–2, pp. 8–17.
14. Bolton K. 2003. *Chinese Englishes: A Sociolinguistic History*. Cambridge, Cambridge University Press.
15. Bruthiaux P. 2003. Squaring the circles: issues in modeling English worldwide. *International Journal of Applied Linguistics*, vol. 13, no. 2, pp. 159–178.
16. Canagarajah S. 2013. *Translingual Practice: Global Englishes and Cosmopolitan Relations*. London, New York, Routledge.
17. Davis D.R. 2010. The inclusivity of world Englishes. Presidential address at the Cebu Parklane Hotel, Cebu City, Philippines, on October 22, 2009, at the 15th annual meeting of the IAWE. *World Englishes*, vol. 29, no. 1, pp. 21–26.
18. Davydova J. 2011. *The present perfect in non-native Englishes. A corpus-based study of variation*. Berlin, De Gruyter Mouton.
19. Eddy A. 2007. English in the Russian context: A macrosociolinguistic study. PhD diss. Michigan, Wayne State University.
20. Holm J. 2013. *Contact and change: Pidgins and creoles*. In R. Hickey (ed.). *The Handbook of Language Contact*. Chichester, Wiley-Blackwell, pp. 252–261.
21. Honna N., Hoffer B. 1989. *An English dictionary of Japanese ways of thinking*. Tokyo, Yuhikaku Publ.
22. Kachru B.B. 1983. *Models for Non-native Englishes*. In L. Smith (ed.). *Readings in English as an International Language*. Oxford, Pergamon Press, pp. 69–86.
23. Kachru B.B. 1985. *Standards, codification and sociolinguistic realism. The English language in the outer circle*. In R. Quirk, H.G. Widdowson (eds.). *English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 11–30.
24. Hans Goebel, Peter H. Nelde, Zdenek Stary, Wolfgang Wölck (eds.). 2008. *Kontaktlinguistik: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. Berlin, New York, De Gruyter Mouton. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110132649.1>
25. Lazaretnaya O. 2012. *English as a lingua franca in Russia: A sociolinguistic profile of three generations of English users*. PhD diss. Lisbon, University of Lisbon.
26. Matthews P.H. 2003. *The Concise Oxford Dictionary of Linguistics*. Oxford, Oxford University Press.
27. Monk B., Burak A. 2001. *Russian speakers*. In M. Swan, B. Smith (ed.) *Learner English. A teacher's guide to interference and other problems*. 2nd edn. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 145–161.
28. Myers-Scotton C. 2002. *Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes*. Oxford, Oxford University Press.
29. Clyne M. (ed.). 1992. *Pluricentric languages: Differing norms in different nations*. Berlin; New York, Mouton de Gruyter. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110888140>
30. Proshina Z.G., Eddy A.A. (eds.). 2016. *Russian English: History, Functions, and Features*. Cambridge, Cambridge University Press.
31. Proshina Z.G. (guest-ed.). 2005. *Russian Englishes: Special issue*. *World Englishes*, vol. 24, no. 4, pp. 437–532.
32. Sharifian F. 2009. *English as an International Language: An Overview*. In Sharifian F. (ed.). *English as an International Language. Perspectives and Pedagogical Issues*. Bristol a.o., Multilingual Matters, pp. 1–18.
33. Smith L.E. 2016. Familiar issues from a world Englishes perspective. *Bulletin of the Russian University of Peoples Friendship. Series Education Issues: Languages and Specialty*, no. 1, pp. 14–18.
34. Hickey R. (ed.). 2013. *Standards of English*. Cambridge, Cambridge University Press.

35. Winford D. 2003. *An Introduction to Contact Linguistics*. Chichester, Wiley-Blackwell.
36. Xu Z. 2010. *Chinese English: Features and Implications*. Hong Kong, Open University of Hong Kong. Press.

Статья поступила в редакцию 31.03.2022;
одобрена после рецензирования 30.04.2022;
принята к публикации 18.05.2022

The article was submitted 31.03.2022;
approved after reviewing 30.04.2022;
accepted for publication 18.05.2022

ОБ АВТОРЕ

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков, факультет иностранных языков и регионоведения; proshinazoya@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Zoya G. Proshina — Dr. Habil. in Philology, Professor, Full professor, Department of Theory in Teaching Foreign Languages, Faculty of Foreign Languages and Area Studies; proshinazoya@yandex.ru

**ДИСКУРСИВНЫЙ МАРКЕР *YOU KNOW*
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ Д. ТРАМПА 2017–2020 ГГ.):
ФУНКЦИИ, ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА**

Е.Л. Кабахидзе

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; kkabakhidze@gmail.com*

Аннотация: Дискурсивные маркеры, считавшиеся до недавнего времени десемантизированными единицами языка, «дуновением ветра», засоряющими речь и не выполняющими хоть сколько-нибудь значимой функции, сегодня становятся предметом многих исследований с позиций когнитивистики и лингвопрагматики. Несмотря на то что дискурсивные маркеры лишены смыслового значения, тем не менее они получили свое функциональное признание — функции локации, когезии и предикации, а также за ними закрепились лингвопрагматические характеристики. Целью исследования является анализ дискурсивно-прагматических особенностей маркера “you know” в устном политическом дискурсе. На основании тезиса о том, что политический дискурс является территорией множественности миров, продуцирует в сознании адресата возможные миры, а его детерминирующей функцией выступает манипулятивная, в статье приводятся макро- и микрофункции дискурсивного маркера “you know” с учетом данного доминантного признака. В качестве сущностных характеристик дискурсивных маркеров в политической коммуникации выступают амбивалентность и бифункциональность. Для подтверждения данной гипотезы о трансформационном изменении функций дискурсивного маркера в обыденном и политическом языке приводится пример маркера “you know” в дейктической микрофункции. Отмечается также роль ДМ в манипуляции сознанием в режиме интерпретации в свете теории релевантности, анализируются особенности перевода дискурсивного маркера с английского языка на русский на основе функционально-коммуникативной теории перевода на материале телеинтервью Д. Трампа.

Ключевые слова: дискурсивный маркер “you know”; манипуляция сознанием; релевантность; политический дискурс; функционально-коммуникативная теория перевода

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-89-99

Для цитирования: Кабахидзе Е.Л. Дискурсивный маркер *you know* в политической коммуникации (на материале интервью Д. Трампа 2017–2020 гг.):

DISCOURSE MARKER *YOU KNOW* IN POLITICAL COMMUNICATION (ON THE BASIS OF INTERVIEWS WITH D. TRUMP FROM 2017 TO 2020): FUNCTIONS, TRANSLATION STRATEGIES

Ekaterina L. Kabakhidze

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; kkabakhidze@gmail.com

Abstract: Traditionally discourse markers were defined as language entities that serve to connect sentences, having no impact on the meaning of the sentence itself due to the fact that they are completely deprived of any denotative meaning. Today the perception of the role and status of discourse markers has changed, and these “empty little fillers” that tend to pollute the language have become the subject of many studies from the standpoint of cognitive science and pragmatics. Despite the fact that discourse markers are devoid of semantic meaning, nevertheless, they received their functional recognition — the functions of location, cohesion and predication, and pragmatic characteristics were assigned to them. The aim of the article is to analyze the discursive and pragmatic features of the discourse marker “you know” in a political discourse. Based on the presumption that political discourse is a land of possible worlds, aiming to create the plurality of worlds in the consciousness of recipients while performing its core function (manipulative), the article gives an overview of macro and micro functions of the discourse marker “you know” focusing on manipulation. The essential characteristics of discourse markers in a political communication elicited in the article are ambivalence and bifunctionality. Some examples of the marker “you know” in a deictic microfunction will be given to prove the hypothesis that discourse markers transform their functions depending on the mode of its use in a natural or political language. The manipulative role of discourse markers in the interpretation mode is described in the light of the theory of relevance, translation strategies of discourse marker from English into Russian are analyzed using the approach of the functional-communicative theory of translation on the basis of D. Trump’s television interview.

Key words: discourse marker “you know”; manipulation of consciousness; relevance; political discourse; functional-communicative theory of translation

For citation: Kabakhidze E.L. (2022) Discourse marker *you know* in a political communication (on the basis of interviews with D. Trump from 2017 to 2020): function, translation strategies. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 89–99. (In Russ.)

У. Чейф связывает язык и сознание, которые располагаются в общем пространственно-временном континууме, называя мозг да-

ром, который позволяет человеку вступать во взаимоотношения с объектами окружающей среды благодаря эволюционным преобразованиям, превосходящим все остальные: язык (language), память (memory) и воображение (imagination), а последнее является предпосылкой понимания, так как глубинный механизм понимания и воображения един — выход за пределы своего собственного чувственного опыта, раздвигание пространственно-временных границ познания [Chafe, 1994: 6–12].

Таким образом, дискурс представляется точкой сингулярности, в которой язык и сознание коммуникантов сжаты бесконечно сильно, а пространство и время формируют новые возможные миры. Понятие сингулярности было описано в работах французского философа Жюль Делёза, где «сингулярность» определяется как «точка смысла, событие», сближая его с понятием «монада» у Лейбница, которые выступают первоосновой множественности возможных миров. Иными словами, сингулярность (=точка смысла, событие) становится «идеальным первокирпичиком всего бытия», который выступая атомом природного универсума, несет онтологический, гносеологический, антропологический, этический аспекты, является источником самодвижения и саморазвития, содержит единство и множественность [Мотрошилова, 1998: 198].

Приравнивая понятие сингулярности к событию и отождествляя последнее с монадой, Ж. Делёз разрешает проблему замкнутости монады как субстанции не имеющей «окон, через которые что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти» [Лейбниц, 1983: 413–414] и проецирует сущностные характеристики монады на событие: онтологическую (источник универсальности), антропологическую (источник человеческого измерения человека), гносеологическую (источник сознания, его интенциональности), этический (источник нравственности), диалектическую (источник движения). По мысли М. Хайдеггера, со-бытие представляет собой переплетение структур бытия, а вся органическая ткань жизни представляется нескончаемым, непрерывным потоком событий, которое философ определяет, как «некое целое, которое нельзя расщепить на отдельные элементы... Событие есть неприметнейшее из неприметного, простейшего из простого, ближайшее из близкого, самое далекое из дальнего — в чем мы, смертные, держимся всё время нашей жизни» [Хайдеггер, 1993: 271]. Таким образом, образуется тождество: монада=сингулярность=событие.

Дискурс, представляясь в свете данных размышлений точкой сингулярности/событием, совмещая сущностные характеристики монады, способен дать ответы на ряд фундаментальных вопросов философии и лингвистики — отношения сознания и языка в про-

странственно-временном континууме бытия в его единстве (здесь и сейчас) и множественности с учетом когнитивных механизмов формирования и (вос)произведения структур знания.

Дискурсивные маркеры участвуют в формировании возможных миров, потому что являются элементом дискурса, синтезируют прагматическую установку говорящего и модальность высказывания, так как выражают «отношение говорящего к слушающему, его установки, отношение к обсуждаемой ситуации, его внутренние предпосылки, его намерения, его эмоции» [Wierzbicka, 1986: 519–534]. Таким образом, маркеры выполняют в дискурсе функцию локации (вплетение дискурса и сознания коммуникантов в единый пространственно-временной континуум) и предикации (установление связей между предметами/объектами дискурса).

В отечественной традиции под дискурсивными маркерами понимаются единицы, обеспечивающие как связность текста, так и отражающие «процесс взаимодействия, говорящего и слушающего, позицию говорящего... Именно эти единицы управляют процессом общения: они выражают истинностные и этические оценки, presupпозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего [Баранов, Плунгян, Рахилина, 1993: 7]».

Характерными признаками дискурсивных маркеров является ослабленность денотата, тенденция к десемантизованности, явленность в них ментального мира адресанта, глубинная эгоцентричность. Принимая во внимание тот факт, что дискурсивные маркеры репрезентируют когнитивные механизмы, можно говорить об их дискурсивной и когнитивной природе, что они обладают «1) эмотивным свойством выражения эмоций субъекта; 2) дискурсивным свойством отражения отношения субъекта к коммуникативной ситуации; 3) когнитивным свойством отражения процедур интерпретации и осмысления субъектом языковых процессов» [Соколова, 2019: 234].

Д. Блэкмор, анализируя функции дискурсивных маркеров в рамках теории релевантности, значительную роль отводит когнитивным функциям ДМ в процессе интерпретации слушающим, не соглашаясь с доминирующим представлением о ключевой роли ДМ в когезии текста, обеспечении связанности фрагментов дискурса. Связанность — это явление внешнее по отношению к субъекту, а релевантность — это когнитивная характеристика процесса интерпретации информации, о которой сообщает адресант, функциональная принадлежность которой определяется тем эффектом, который интерпретация окажет на миропонимание адресата. Согласно Д. Блэкмор, ДМ необходимы для связывания не фрагментов текста,

а самого высказывания и контекста, управления фокусом внимания адресата: «дискурсивные маркеры могут кодировать концептуальные и процедурные значения» [Blakemore, 2001: 114].

В целях настоящей статьи мы остановили свой выбор на маркере *you know*. Данный выбор был обоснован тем, что в политической коммуникации маркеры, имеющие дейктический компонент (*you know, I mean* и др.), могут получить дополнительные функции, так как в политическом тексте может наблюдаться функционально-системное преобразование языковых единиц: когда язык выступает в политической функции, на первый план выходят иллокутивная и перлокутивная сила высказывания, т.е. не столько содержание высказывания, сколько прагматический компонент, намерения говорящего и достигаемый эффект [Золян, 2018: 158] соответственно наблюдается функциональный сдвиг.

Согласно словарю Collins, маркер *you know* приобрел следующие визуальные дискурсивно-прагматические компоненты: (а) дейктический (предметно-пространственный дейксис, актуализирующий в сознании слушающего нужное адресанту сигнификативное или денотативное значение ситуации или предмета, которые знакомы адресату по личному опыту); (б) когнитивный — паузация для совершения мыслительной операции; (в) фатическая (воздействие на адресата через выделение главного, привлечение внимания к высказыванию).

В связи с тем, что политический дискурс — территория множественности миров, сделаем допущение, что одной из основных функций дискурсивного маркера *you know* является дейктическая (вторичный дейксис), когда создаются виртуальные дейктические центры, в которые помещается адресат.

Можно предположить, что именно дейктическая функция является ключевой в случае данного маркера, так как он выступает, согласно классификации дейксиса М. Бюлера [Бюлер, 1993: 59], в качестве анафорического указания (указание на ранее упоминаемый объект, т.е. указание референтов, уже активированных в рабочей памяти адресата) или мысленного дейксиса (человек воображает предмет, который находится рядом с ним, приближаясь к нему).

Перенос дейктического центра может быть грамматикализован. По мысли Ф. Чауме [Chaume, 2004: 843–855], данный маркер находится в процессе грамматикализации, во время которого можно отметить проявление прагматических компонентов. Прежде всего он используется для подчеркивания общего знания, которое разделяют говорящий и слушающий, а именно общую истину. У данного маркера на первый план также выходит межличностная функция, которая выражается в установлении контакта через мета-знание

и является способом введения слушающего в свой ментальный мир. По этой причине он часто используется в значении «ты знаешь» — аргументации с целью апелляции к общему знанию для переманивания оппонента на свою сторону во время спора [Schiffrin, 1987: 295].

Согласно когнитивному подходу к интерпретации дискурса в работах Д. Блэкмор, ДМ *you know* несет концептуальное значение (в противоположность процедурному), т.е. актуализирует в сознании адресата существующее знание, при этом значительно снижая свободу при интерпретации высказывания, искусственно повышая релевантность высказывания для адресата.

Материалом исследования послужили четыре интервью Д. Трампа: «Интервью в День выборов» телеканалу Fox News от 3 ноября 2020 г., «60 минут немонтированного интервью с Д. Трампом (утечка)» от 22 октября 2020 г., эксклюзивное интервью ведущему телеканала Fox News Биллу О'Райли от 5 февраля 2017 г., интервью репортерам из Wall Street Journal от 12 января 2018 г. Выбор данного материала был обусловлен единым концептуальным содержанием, общей тематикой интервью — предвыборная президентская гонка 2020 г., ожесточенная борьба за политический Олимп Дональда Трампа с Джо Байденом, разразившийся экономический кризис в США как результат пандемии. Официальный перевод указанных материалов, опубликованный на интернет-портале МИА «Россия сегодня», был взят за основу при анализе функций и приемов перевода дискурсивного маркера *you know*.

Подсчитав частотность лексических единиц из общего количества 18 955 слов, используемых Д. Трампом, мы получили следующие данные по дискурсивным маркерам: *and* (536), *but* (185), *you know* (112), *so* (101), *like* (88), *because* (72), *OK* (26), *just* (53), *well* (70), *mean* (34), *then* (35), *now* (51), *yeah* (21), *look* (44).

Самыми частотными маркерами в речи Д. Трампа стали маркеры *and*, *but*, *you know*, *so*, *like*, *because*. В целях настоящего исследования остановимся на анализе функций и приемов перевода дискурсивного маркера *you know*.

Согласно Б. Фрейзеру, *but*, *so*, *and* являются базовыми маркерами и имеют самое широкое контекстуальное значение. Отнеся ДМ *you know* к прагматическим маркерам, Б. Фрейзер тем не менее не причисляет его к классу дискурсивных маркеров на основании того, что он не столько сообщает об отношениях между фрагментами дискурса, сколько выражает солидарность говорящего с адресатом или ситуацией. Однако Д. Шиффрин не соглашается с такой постановкой вопроса, аргументируя этот тем, что ДМ *you know* относится к данному классу единиц на основании функций, который выполняет в

тексте: 1) подведения итогов высказывания; 2) предваряя начало истории; 3) пробуждение нового референта. Все описанные функции связывают текст, устанавливая между фрагментами текста отношения — связь вывода и предшествующего аргумента; связывание темы разговора с историей на эту тему; введение референта, т.е. знакомой информации.

В интервью Д. Трампа маркер *you know* встречается в следующих функциях: метатекстовая (саморефлексия, структурирующая), манипулятивная (апеллятивная, фатическая, дейктическая, экспрессивная, аргументативная).

В метатекстовой макрофункции ДМ встречается чаще всего в функции саморефлексии в начале или средней части предложения, сопровождается хезитацией и вызван стремлением подобрать нужное слово, оформить мысль или решить, о чем стоит говорить далее.

Однако наибольшей частотности данный маркер достигает в манипулятивной макрофункции. Как известно, цель политического дискурса не описать, а убедить, и более того — побудить к действию. Убеждение может разворачиваться в ситуации с пассивным восприятием, с активным участием и с сопротивлением внушению со стороны адресата [Демьянков, 2002: 31–44]. Использование дискурсивных маркеров в дейктической функции запускает процесс активного восприятия или манипуляции, так как адресат погружается в общее ментальное пространство с адресантом через формирование общего сигнификата на основе рационального мета-знания. Дейктическая функция выражает отношение говорящего к ситуации, служит для выражения субъективной модальности с целью сформировать у адресата аналогичное отношение к денотату (референту). Таким образом, дискурсивные маркеры получают пропозициональное выражение, хоть и относятся к классу десемантизированной лексики, которая не может служить формой выражения суждения. По мысли Э. Бенвениста, успех общения зависит от того, обладают ли люди общими референтами: даже если смысл высказывания понятен, а референт неизвестен, коммуникация не имеет места [Бенвенист, 2010: 105].

Апеллятивная функция также устанавливает незримую связь между говорящим и слушающим, но уже на эмоциональном уровне. Апеллятивная функция ориентирована на адресата, «основана на том, что «получатель» доступен отправителю, а потому имеется возможность обратной связи с адресатом, что вызывает необходимость в учете отправителем фоновых знаний своего адресата» [Демьянков, 2000: 45]. С помощью апеллятивной функции адресант оказывает эмоциональное воздействие, призывая к пониманию, используя в своих интересах фоновые знания адресата.

По причине высокого манипулятивного потенциала ДМ *you know* при переводе на русский язык функциональным эквивалентом маркера выступают предикаты (в том числе безличные конструкции с предикатами категории состояния) и предикатные конструкции, часто в форме директивов (*знаешь, пойми, как вы знаете* и др.).

Дейктическая микрофункция имеет особый суггестивный потенциал в политической коммуникации, так как связывает коммуникативный акт, производимый спикером, с личным опытом или эмоциональным переживанием адресата таким образом, что активированный фрагмент действительности в рабочей памяти адресата придает силу убеждения, релевантности и валентность истинности высказыванию спикера.

В обыденном языке дейктической функцией мы бы назвали, согласно словарю Collins, более четкое разъяснение того, что имеет в виду адресант, обращаясь к предмету, с которым знаком адресат, однако в политическом дискурсе проявляется амбивалентность маркера по причине того, что спикер апеллирует либо к абстрактной ситуации, представляя ее как якобы существующую, либо эмоционально маркированной ситуации, создавая необходимый фон для восприятия информации.

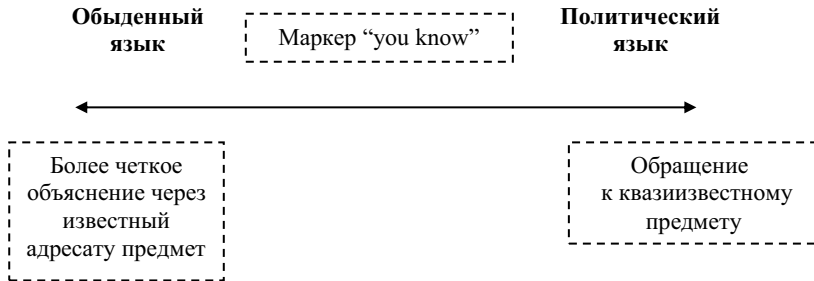

Схема 1. Амбивалентность маркера *you know* в дейктической микрофункции

(1) And so Tucker, he did a piece on it last night on these incredible crowds, these massive crowds. **You know**, it hasn't taken place ever in history, in the history of our country, what we've done in terms of crowd size and every.../Итак, Такер, он написал вчера про это невероятное скопление людей, эти огромные скопления. **Знаете**, ведь такого еще не было в истории нашей страны, сколько народа мы собрали...

(2) For instance, at the very beginning, **you know** Obama felt—President Obama felt it was his biggest problem is North Korea. He said that openly/Например, в самом начале, **знаете ли** Обама чувствовал — Президент Обама чувствовал, что Северная Корея — его самая большая проблема. Он открыто об этом заявил.

Ниже приведем примеры переводческих приемов, связанных с передачей ДМ *you know*: (1) редуцирование в структурирующей функции; (2) *ну, знаете* или редуцирование в когнитивной функции; (3) *понимаете (ли), видите (ли), знаете* в апеллятивной функции; (4) *мне кажется, наверное, видите ли* в фатической функции; (5) *как вы знаете, как (вам) известно, вообще, знаете* в дейктической функции; (6) *как вы знаете, как вам известно* в эмпирико-логической функции; (7) *вот, вы знаете, вообще, так* в экспрессивной функции; (8) *знаете ли, смотрите, вообще, понимаете, вот, скажем, видите (ли)* в аргументативной функции.

Таким образом, помимо вариантных соответствий, выраженных предикатом с глаголом *знать* часто в сопровождении частиц *ли, же*, встречается и лексическая трансформация, когда маркер *you know* переводится на русский язык усилительной частицей *ну*, вводным словом *вообще*, указательной частицей *вот*.

Данные наблюдения позволили нам прийти к выводу, что дискурсивные маркеры в политической речи используются не только для связывания различных частей дискурса, но и манипуляции сознанием, создания возможных миров, например, когда маркеры используются в дейктической, имагинативной, эмпирико-логической или апеллятивной микрофункциях.

Дискурсивный маркер *you know* выступает триггером релевантности, через него адресант входит в поле существенной или релевантной информации для адресата, создавая у него иллюзию того, что получаемая им информация релевантна через актуализацию пережитого опыта или опоры на усвоенные знания. На основании полученных результатов исследования в качестве гипотезы, которая требует дальнейшей верификации, можно предположить, что ДМ *you know* позволяет произвести как можно больше когнитивных процессов за счет меньшего ментального усилия в связи с тем, что открывает доступ к концептуальным базовым знаниям адресата.

Дискурсивные маркеры являются частью прагматического кода языка. Корректное понимание и перевод дискурсивных маркеров с одного языка на другой является важным фактором передачи не столько собственно лингвистической, сколько экстралингвистической информации и внеязыковой действительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под ред. с вступит. статьей и комментарием Ю.С. Степанова. М., 2010.
3. Бюлер К. Теория языка: репрезентативная функция языка. М., 1993.

4. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. М., 2002. С. 31–44.
5. Демьянков В.З. Дискурс, речь, речевая деятельность: Функциональные и структурные аспекты. М., 2000. С. 26–136.
6. Золян С.Т. О языке в политической функции // Образы языка и зигзаги дискурса: Сборник научных статей к 70-летию В.З. Демьянкова. М., 2018.
7. Лейбниц Г.В. Сочинения: В 4 т. Т. 1. М., 1983. С. 413–414.
8. Мотрошилова Н.В. История философии: Запад–Россия–Восток. М., 1998.
9. Соколова О.В. От авангарда к неоавангарду: язык, субъективность, культурные переносы. М., 2019.
10. Хайдеггер М. Путь к языку // Время и бытие. М., 1993.
11. Blakemore D. The handbook of discourse analysis. Oxford, 2001.
12. Chafe W. Discourse, consciousness, and time. University of Chicago press. 1994. P. 6–12.
13. Chaume F. Discourse markers in audiovisual translating // Meta: translators' journal. 2004. Vol. 49. № 4. P. 843–855.
14. Muller S. Discourse Markers in Native and Non-native English Discourse. Pragmatics & Beyond New Series 138. Amsterdam: Benjamins, 2005.
15. Schiffrrin D. Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 57–295.
16. Wierzbicka Anna. 1976. Particles and linguistic relativity // Journal of Pragmatics. 1986. № 10. North-Holland. P. 519–534.

REFERENCES

1. Baranov A.N., Plungjan V.A., Rahilina E.V. 1993. *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo jazyka* [Guide to discourse markers of the Russian language]. Moscow, Pomovskij i partner. (In Russ.)
2. Benvenist E. 2010. *Obshhhaja lingvistika* [Introduction to linguistics]. Moscow, Librokom. (In Russ.)
3. Bjuler K. 1993. *Teorija jazyka: reprezentativnaja funkcija jazyka* [Theory of language: representational function of language]. Moscow, Progress. (In Russ.)
4. Dem'jankov V.Z. 2002. Politicheskij diskurs kak predmet politologicheskoj filologii [Political discourse as subject of research in political philology]. *Politicheskaja nauka*. Moscow, Institut nauchnoj informacii po obshhestvennym naukam RAN, pp. 31–44. (In Russ.)
5. Dem'jankov V.Z. 2000. *Diskurs, rech', rechevaja dejatel'nost': Funkcional'nye i strukturnye aspekty* [Discourse, speech and speech act: functional and structural aspects]. Moscow, INION RAN, pp. 26–136. (In Russ.)
6. Zoljan S.T. 2018. *O jazyke v politicheskoi funkcii* [On language in political function] In *Obrazy jazyka i zigzagi diskursa. Sbornik nauchnyh statej k 70-letiju V.Z. Dem'jankova*. Moscow, Kul'turnaja revoljucija. (In Russ.)
7. Lejbnic G.V. 1983. *Sochinenija* [Essays]. Vol. 4, pp. 413–414. (In Russ.)
8. Motroshilova N.V. 1998. *Istorija filosofii: Zapad-Rossija-Vostok* [History of philosophy: West-Russia-East]. Moscow, Greko-latinskij kabinet. (In Russ.)
9. Sokolova O.V. 2019. *Ot avangarda k neoavangardu: jazyk, subektivnost', kul'turnye perenosy* [From Avan-garde to Neo Avan-garde: language, subjectivism and cultural transfers]. Moscow, Kul'turnaja revoljucija. (In Russ.)
10. Hajdegger M. 1993. Put' k jazyku [Way to language]. *Vremja i bytie*. Moscow. (In Russ.)

11. Blakemore D. 2001. *The handbook of discourse analysis*. Oxford, Blackwell Publishers Ltd.
12. Chafe W. 1994. *Discourse, consciousness, and time*. University of Chicago press, pp. 6–12.
13. Chaume F. 2004. Discourse markers in audiovisual translating. *Meta: translators' journal*, vol. 49, no. 4, pp. 843–855.
14. Muller S. 2005. *Discourse Markers in Native and Non-native English Discourse. Pragmatics & Beyond New Series 138*. Amsterdam, Benjamins.
15. Schiffrin D. 1987. *Discourse Markers*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 57–295.
16. Wierzbicka A. 1976. Particles and linguistic relativity. *Journal of Pragmatics*, vol. 10, pp. 519–534.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022;
одобрена после рецензирования 30.04.2022;
принята к публикации 18.05.2022

The article was submitted 01.04.2022;
approved after reviewing 30.04.2022;
accepted for publication 18.05.2022

ОБ АВТОРЕ

Кабакхидзе Екатерина Львовна — кандидат философских наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; kkabakhidze@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina L. Kabakhidze — PhD, Department of linguistics, translation studies and cross-cultural communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; kkabakhidze@gmail.com

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИКОДОВОЙ МЕТАФОРЫ В PR-ДИСКУРСЕ

П.И. Сергиенко

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; poserg@bk.ru*

Аннотация: Данное исследование представляет собой продолжение изучения различных подходов к использованию метафоры и других образных средств в англоязычных PR-текстах (текстах по связям с общественностью). Целью работы является попытка на материале англоязычного PR-дискурса последовательно раскрыть использование лингвопрагматического потенциала образных языковых единиц, присущих текстам сферы направленной коммуникации, основной задачей которых является информирование общества и выстраивание определенного понимания описываемых явлений. Принимая во внимание то положение, что исследователи относят метафору к сложным мыслительным пространствам, специалисты области связей с общественностью прибегают к использованию данной образной категории для представления новых явлений через чувственный и социальный опыт человека. Новизной исследования является вывод о том, что путем использования определенных поликодовых языковых единиц авторы текстов получают возможность переносить концептуальные представления на сложный в понимании процесс или явление, поскольку посредством сходства и аналогии сложные профессиональные тексты могут быть адаптированы для понимания массовой аудиторией. Представленная работа вносит вклад в дискурсивные исследования, а также в осмысление метафорического мышления, что может быть использовано в практическом плане при преподавании курсов по лексикологии, фразеологии английского языка, а также в области подготовки специалистов в сфере коммуникативистики.

Ключевые слова: поликодовая метафора; связи с общественностью; PR дискурс; английский язык; образный язык; информирование

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-100-110

Для цитирования: Сергиенко П.И. Лингвопрагматический потенциал использования поликодовой метафоры в PR-дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 100–110.

LINGUOPRAGMATIC POTENTIAL OF THE USE OF POLYCODE METAPHOR IN PR DISCOURSE

Polina I. Sergienko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; poserg@bk.ru

Abstract: This study is a continuation of the author's research of various approaches to the use of metaphor and other expressive language means in texts of English PR discourse (public relations discourse). The aim of the work to reveal the use of the linguistic and pragmatic potential of expressive linguistic units inherent in the texts of the sphere of directed communication, based on the material of the English-language PR discourse, taking into account the PR ends of informing the society and building a certain understanding of the described phenomena. Regarding the stance of attributing metaphor to complex mental mechanisms, public relations councilors resort to their usage to represent new phenomena through the sensory and social experience of a person. The novelty of the study is the conclusion that by using certain polycode language units, PR copywriters get the opportunity to transfer conceptual representations to a process or phenomenon that is difficult to understand, since complex professional texts can be adapted for understanding through similarity and analogy presented in language. The conducted research contributes to discursive studies, as well as to understanding of metaphorical thinking in theory and practice, which can be used in teaching courses in lexicology, phraseology of the English language, as well as for training specialists in the field of communication studies.

Key words: polycode metaphor; public relations; PR discourse; English; figurative language; information

For citation: Sergienko P.I. (2022) Linguopragmatic potential of the use of polycode metaphor in PR discourse. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 100–110. (In Russ.)

Повсеместное использование метафоры, поликодовость которой основана на разноплановом содержании и выражении, представляет интерес для многих современных исследований различных областей знания. Данный феномен рассматривается в поэтике и лексикологии как источник новых слов, выполняющих номинативную функцию, в прагматике — как особый вид речепотребления, используемый для достижения определенного результата, в психолингвистике и психологии — как ассоциативный механизм и объект интерпретации и восприятия речи, в логике, философии и когнитивных науках гуманитарного цикла — как способ мышления и познания действительности. Исследователям М. Джонсону и Дж. Лакоффу принадлежит утверждение, что вся человеческая мыслительная деятельность «метафорична по самой своей сути» [Лакофф,

Джонсон, 1990], поскольку метафора обладает потенциалом управлять концептуальными системами, формировать мышление и влиять на поведение людей. Другими словами, опираясь на определенное лингвистическое выражение, метафора как понятийная система реализует широкий потенциал конструирования хода мысли, ее восприятия и действия.

В современной лингвистической науке метафора рассматривается в рамках изучения средств речевого воздействия в массовой коммуникации исследователями политического дискурса [Чудинов, 2013; Дорофеева, 2014; Раевская, Селиванова, 2020]. На материале художественных произведений исследователи учитывают высокую образность речевых произведений и подчеркивают сближение метафор по своей функционально-семантической природе с символом [Вишнякова, 2003: 21]. Исследователи исторического дискурса выдвигают на первый план манипулятивные свойства метафоры, поскольку она не «навязывает готовую мысль, но подводит к формированию заданных ею проблем, иногда акцентируя латеральные» [Миньяр-Белоручева, 2015: 204]. Другими словами, следует вести речь о том, что метафоры требуют особого отношения при их употреблении в текстах суггестивного характера, поскольку они обладают высоким потенциалом воздействия на аудиторию.

Поликодовость концептуальной метафоры также позволяет реализовывать семантико-прагматический потенциал метафоричных текстов дискурса по связям с общественностью (PR дискурса), связанных с установлением доверительных отношений с аудиторией, выстраиванием положительной репутации компании [Wolstenholme, 2013], информированием общества и оказанием помощи населению [Миньяр-Белоручева, Сергиенко, 2022], а также описанием многочисленных функций, которые выполняют связи с общественностью. Ранее было установлено, что метафорические понятия создают определенный образ, структурируют восприятие и влияют на поведение читателя уже при самом определении социальной роли PR в профессиональной литературе [Сергиенко, 2021].

Исследователи относят метафору к сложным мыслительным пространствам, как, например, областям чувственного и социального опыта, которые в процессе мышления соотносятся с более конкретными мыслительными пространствами. Решающей характеристикой является новый смысл, создаваемый данной семантической инновацией, благодаря которой создается основание для «новой уместности» [Арутюнова, 1990: 418]. Примерами тут служат традиционные сравнения человеческих эмоций с огнем, сферы экономики

и политики с морбиальными метафорами, болезни или выздоровления, а спора с войной. «В подобных метафорических представлениях происходит перенос концептуализации наблюдаемого мыслительного пространства на непосредственно ненаблюдаемое, которое в этом процессе концептуализируется и включается в общую концептуальную систему данной языковой общности» [Кубрякова и др., 1997].

Чрезвычайно важным в исследовании поликодовости метафоры в рамках PR текстов является положение о том, что концептуальные представления носителей языка находятся в постоянном взаимодействии с окружающим миром, что создает, по словам Г.Г. Молчановой «радиальное концептуальное расширение» [Молчанова, 2011: 18]. С лингвокультурологической точки зрения язык выступает в качестве транслятора и хранителя культуры [Степанов, 2001; Тер-Минасова, 2017], передаваемых из поколения в поколение в потоке коллективной памяти [Загряжская, 2014: 62; Невежина, 2021].

В данной работе под поликодовой метафорой мы будем понимать внутриязыковое переклечение кода из сферы профессионального языка на нейтральный стиль. Разные коды вербализации технически сложного для понимания явления помогают передать сложные технологии не только профессиональными терминами, но использовать простые метафоры, доступные для массового адресата. Метафоричность языка специалистов по связям с общественностью позволяет наиболее удачным способом описать и дать четкое представление о многих новых или сложных в понимании явлениях. На уровне семантики происходит расширение значений лексических единиц, поиск синонимических рядов, реализуются сравнения непонятого с действительным, что в целом служит целям выполнения основных прагматических целей направленной коммуникации. Использование образного языка в текстах PR-дискурса с учетом поликодового характера означенных единиц позволяет реализовывать потенциал языковых знаков, что на материале профессиональных PR-текстов представляет репрезентации внутренних смыслов и предлагает их определенную интерпретацию.

Одним из наиболее успешных примеров активной коммуникации с аудиторией с использованием поликодовости метафоры и эффективной работы специалистов по связям с общественностью является комплекс информационных материалов, предлагаемый британской нефтяной компанией BP. Как известно, в свете повышенного интереса к вопросам защиты окружающей среды, особое внимание приковано к компаниям, деятельность которых наносит вред при-

роде. Под давлением общественности и сторонников экологического подхода в развитии специалисты нефтяной компании BP ведут работу по внедрению инновационных решений, способствующих снижению вредного воздействия нефтепродуктов на окружающую среду. В рамках направленных PR-коммуникаций происходит информирование, обучение и объяснение многих технологий, которые сегодня активно развиваются и внедряются в повсеместной использовании при производстве и транспортировке нового вида топлива. Отдельные статьи на корпоративном сайте www.bp.co.uk посвящены собственным исследованиям или партнерским разработкам, а также направлению инвестиций нефтяного гиганта.

Поскольку практическая деятельность специалистов по связям с общественностью направлена на информирование общества и продвижение определенной точки зрения, с позиции использования особых средств лингвистического выражения, интересно рассмотреть тексты, посвященные новым технологиям, которые в ближайшем будущем будут определять нашу жизнь. С точки зрения категории концептуальных метафор, отметим, что первый концепт будущих технологий, это онтологическая метафора сравнения ветряной турбины с детским змеем: *Wind turbine is a kite: "Airborne wind turbines are also in rapid development. Picture a very large kite connected to the ground by a tether that allows movement up and down the air column; pulling the tether generates electricity on the ground. Capturing higher-velocity wind at greater altitudes without the need for an expensive tower could radically reduce costs and provides access to wind energy anywhere on the planet"* [BP Corporate journal, URL]. В приводимой метафоре описывается принцип работы ветряной турбины путем сравнения ее с воздушным змеем, позволяющим поймать более высокие и сильные потоки воздуха на высокой скорости, а вся система подвижного крепления подобного змея способствует генерированию электричества и передачи ее на землю. Специалисты, однако, отмечают, что материал, способный использовать столь сильную энергию ветра, не может в настоящее время подняться в воздух из-за своей массы, а его разработка займет некоторое время, что отодвигает практическое использование данной технологии на десятилетие. PR менеджеры компании BP используют яркую метафору для представления технически сложных специальных понятий и донесения информации до широкой аудитории. Восприятие концептуальных систем основано на движении и физическом опыте человека. Приводя сравнение новой технологии с детской игрушкой, специалисты дают возможность непосвященно-

му человеку понять в наиболее общих чертах, о чем идет речь и сформировать свое представление, основываясь на фоновых знаниях и опыте.

Вторая сфера применения новейших технологий (most disruptive technologies), изложенная в корпоративном журнале нефтяной компании, — это практика использования энергии солнца. При описании возможностей установки и эксплуатации солнечных панелей авторы текста также прибегают к метафоризации понятий, использованных ими для передачи значения системы и трудностей, связанных с их применением. Используется как профессиональный термин — солнечная панель (PV panel) на кремниевой подложке — the silicon-based photovoltaic panel, так и метафора, сравнивающая пласти кремниевых панелей с батоном хлеба, а потери, кремниевые микроны, остающиеся при нарезании панелей — с хлебными крошками: “Solar panels are made by slicing a silicon block — much like cutting a loaf of bread. Each slice is cut 200 microns thick, but the knife wastes a further 150 microns of silicon — just like when you cut bread you get breadcrumbs” [BP Corporate journal, URL]. Авторы поясняют, что для совершенствования технологий в данной области необходимы технологические изменения «ножа» для нарезки панелей, который бы позволил вдвое сократить толщину кремниевой основы, и, следовательно, в два раза уменьшить количество кремния, необходимого для создания одной пластины. Яркая метафора, использованная автором для передачи сложного физического концепта, также создает визуальную картину, улучшая уровень понимания и усвоения информации широким кругом читателей.

Специалисты по энергетике также говорят о перспективе снижения цен на расщепление так называемого «экологического водорода» на воду и безвредные газы. Авторы используют уже известный прием применения лексической единицы «green» — green hydrogen (зеленый, в значении безвредный, водород) для всей области технологий, направленных на сохранение окружающей среды: “Over the next 10 years, electrolysis could help with decarbonization in parts of the world with low-cost renewables, or where carbon storage is not possible. Other green hydrogen technologies are at different stages of maturity and each option faces technological and economical challenges. Plus, its density means hydrogen is not easy to transport. Nevertheless, diversity of sources and long-term storage capability could make green hydrogen an important energy for the future” [BP Corporate journal, URL]. Общий метафоричный термин «зеленый» создает определенный имидж описываемого явления, позволяя категорировать данную технологии

в область полезных и перспективных достижений человека. Лингвопрагматический потенциал поликодовой языковой единицы в данном случае намеренно направляет понимание и формирует мнение об описываемой технологии.

Следующий случай метафоризации языка с целью донести непонятное сообщение до широкого круга аудитории — это описание технологии электрического транспорта (electric mobility, EV — electric vehicle) и хранения энергии. Концепт нового вида автомобилей, заправок и путешествий уже входит в повседневную жизнь людей. Метафора, которая используется в данном случае — это нечто незаметное, но находящееся вокруг нас и развивающееся бурными темпами. “It’s a booming sector that a lot of people are not aware of”. Авторы предположения ссылаются на азиатский регион, где только в Китае двух и трехколесные транспортные средства насчитывают более 300 млн штук, и около 5 млн в остальном мире. Дальнейшие перспективы развития связаны с усовершенствованием литий-ионных батарей, а именно, сокращением их массы, что позволит использовать электрические системы в грузовом транспорте, а также в воздушных такси.

Еще одна сфера, подвергающаяся метафоризации для упрощенного представления, — это развитие обучающихся компьютеров (cognitive computing), и технологии искусственного интеллекта (AI — artificial intelligence) как самой проработанной из сфер. Возможности искусственного интеллекта могут представляться в виде пирамиды, в основании которой лежит аналитика информации, а на вершине находится обучающийся компьютер: “If you think of AI as a stack of capability, at the base layer of the pyramid is data analytics and at the pinnacle is cognitive computing”. Использование такой концептуальной метафоры позволяет дать очертание абстрактному понятию, заключая явление в определенную геометрическую форму, или ограниченное пространство [Lakoff, Johnson, 1980]. Форма пирамиды широко представлена во многих гуманитарных науках (пирамида потребностей Маслоу — в психологии, финансовая пирамида — в экономике, экологическая пирамида в науках об окружающем мире и т.д.) для формализации и систематизации взаимосвязанных процессов, которым свойственна иерархичность. Еще один прием, к которому прибегают теоретики подхода к изучению обучающихся компьютеров — это использование олицетворения. Создаваемые агенты (индивиды), осуществляющие когнитивные процессы (cognitive agents), наделяются человеческим обликом. Более того, в их поведение закладываются определенные черты характера

и варианты поведения в разных ситуациях: “Cognitive ‘agents’ are able to operate in complex situations where uncertainty exists and data may be in short supply. In such situations, they approach problems much as a human would” [BP Corporate journal, URL]. На данный момент при существовании отдельных разработок происходит совершенствование систем, разрабатывается способность искусственного интеллекта выносить более сложные решения в области обработки сырья и создания полимерных материалов (важных сферах для нефтяной компании), с целью улучшения технологии бурения и добычи ископаемых.

В целом использование метода метафорического переосмысления сложных технологических понятий позволяет адаптировать профессиональный текст к возможности восприятия его неспециалистами. Метафоричные представления о различных концептуальных понятиях помогают сформировать концепт и его основные свойства в сознании носителей языка, что в подавляющих случаях является необходимым элементом при введении нового, ранее неизвестного понятия.

Таким образом, процессы когнитивной метафоризации, используя установленную мыслительную базу, помогают человеку устанавливать и создавать сходства между привычными для них объектами и непонятными или новыми понятиями и явлениями в разных сферах. Применение поликодовых выразительных средств языка специалистами по PR-коммуникации способствует более точной передаче сообщения, улучшает уровень восприятия и формирует определенное представление об описываемом понятии у аудитории, что в целом формирует языковую картину мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступит. сл. и сост. Н.Д. Арутюнова; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М., 1990.
2. *Вишнякова О.Д.* Функциональные особенности языкового знака в языке и речи: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2003.
3. *Дорофеева А.А.* Что скрывается в тайне метафоры? (О подходах к изучению метафоры западными учеными в XX в.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. С. 155–160.
4. *Загрязкина Т.Ю.* Референтные точки языка и культуры: статика и динамика (на примере Квебека) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 61–71.
5. *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1997.
6. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.

7. *Миньяр-Белоручева А.П.* Особенности функционирования концептуальных метафор в политическом дискурсе // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: Междунар. конференц.: V Бодуэновские чтения / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. Т. 2. Казань, 2015. С. 203–207.
8. *Миньяр-Белоручева А.П., Сергиенко П.И.* Мультиmodalный подход к рассмотрению лингвистических средств выражения PR-кампаний, направленных на борьбу с пандемией // *Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика*. 2022. Т. 57. № 2. С. 107–114. DOI: 10.12737/2587-9103-2022-11-2-107-114
9. *Молчанова Г.Г.* Методы исследования в межкультурной коммуникации: символ как когнитивная память культуры // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2011. № 1. С. 7–24.
10. *Невежина Е.А.* Феномен рёштиграбен во франкоязычной прессе Швейцарии // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2021. № 3. С. 41–50.
11. *Раевская М.М., Селиванова И.В.* Прагматический потенциал метафоры в публичном выступлении (на материале Рождественских речей испанского монарха Хуана Карлоса I) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2020. № 4. С. 52–59.
12. *Сергиенко П.И.* Социальная роль PR сквозь призму когнитивной метафоры в профессиональном англоязычном дискурсе // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2021. № 3. С. 93–102.
13. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. С. 40–76.
14. *Тер-Минасова С.Г.* Challenges of Intercultural Communication: A View from Russia // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2017. № 4. С. 9–19.
15. *Чудинов А.П.* Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург, 2013.
16. BP Corporate Journal. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights/bp-magazine/five-emerging-technologies.html> (дата обращения: 19.06.2022).
17. *Lakoff G. Johnson M.* Metaphors we live by. Chi., 1980.
18. *Wolstenholme S.* (ed.) Introduction of Public Relations. Pearson, 2013.

REFERENCES

1. Arutjunova N.D. 1990. *Metafora i diskurs* In N.D. Arutjunova, M.A. Zhurinskaja (eds.) *Teorija metaforoy: Sbornik: per. s angl., franz., nem., isp., pol'sk. yaz.* [Metaphor and discourse / Theory of metaphor: a collection of articles, transl. from Eng, Fr., Ger., Sp., Pol.]. Intro by N.D. Arutjunova. Moscow, Progress. (In Russ.)
2. Vishnyakova O.D. 2003. *Funkcional'nye osobennosti yazykovogo znaka v yazyke i rechi* [Functional particularities of the language sign in language and in speech]. Moscow, Ref. of Doct. of Philology thesis. (In Russ.)
3. Dorofeyeva A.A. 2014. What is the mystery of metaphor? (On the approaches to the metaphor study among European scientists of the 20th century). *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 155–160. (In Russ.)
4. Zagryazkina T.Yu. 2014. Reference Points of Language and Culture: Statics and Dynamics (as Exemplified by Quebec). *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 61–71. (In Russ.)

5. Kubrjakova E.S., Dem'janov V.Z., Pankrats Yu. G., Luzina L.G. 1997. *Kratkij slovar' kognitivnykh terminov* [A Concise dictionary of cognitive terminology]. Moscow, Philol. faculty Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)
6. Lakoff G., Johnson M. 1990. *Metaphors we live by* In *Theory of Metaphor* [Teoriya metafory]. Moscow. (In Russ.)
7. Minyar-Beloruicheva A.P. 2015. *Osobennosti funkcionirovaniya konceptual'nykh metafor v politicheskom diskurse* [Particularities of the functioning of conceptual metaphors in political discourse] In K.R. Galiullina, E.A. Gorobec, G.A. Nikolaeva (eds.) *I.A. Bodujen de Kurtenje i mirovaja lingvistika: mezhdunar. konf.: V Bodujenovskie chtenija*. V. 2. Kazan'. University. Kazan', pp. 203–207.
8. Minyar-Beloruicheva A.P., Sergienko P.I. 2022. Studying Linguistic Means of Expression of PR Campaigns Aimed at Combating the Pandemic in the Digital Age: a Multimodal Approach. *Nauchny'e issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika* [Scientific research and development. Modern communication science], vol. 57, no. 2, pp. 107–114. (In Russ.) DOI: 10.12737/2587-9103-2022-11-2-107-114
9. Molchanova G.G. 2011. *Metody issledovaniya v mezhkulturnoj kommunikazii: simbol kak kognitivnaja pamjat' kul'tury* [Research methods of intercultural communication: symbol as a cognitive culture memory]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*. no. 1, pp.7–24. (In Russ.)
10. Nevezhina E.A. 2021. The Roestigraben phenomenon in the French-speaking press in Switzerland. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no.3, pp. 41–50. (In Russ.)
11. Raevskaia M.M., Selivanova I.V. 2020. The pragmatic potential of metaphor in public speech (a case study of Juan Carlos I's Christmas messages. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 52–59. (In Russ.)
12. Sergienko P.I. 2021. Social role of PR through the cognitive metaphor prism in the English professional discourse. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 93–102. (In Russ.)
13. Stepanov Yu.S. 1997. *Konstanty: Slovar' russkoi kul'turi. Opyt issledovaniya* [Constants: A dictionary on Russian culture. Research experience]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoj kul'tury", pp. 40–76. (In Russ.)
14. Ter-Minasova S.G. 2017. Challenges of Intercultural Communication: A View from Russia. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–19. (In Russ.)
15. Chudinov A.P. 2013. *Ocherki po sovremennoj politicheskoj metaforologii* [Notes on the modern political metaphor]. Ekaterinburg. (In Russ.)
16. BP Corporate Journal. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights/bp-magazine/five-emerging-technologies.html> (accessed: 19.06.2022).
17. Lakoff G. Johnson M. 1980. *Metaphors we live by*. Chi.
18. Wolstenholme S. (ed.) 2013. *Introduction of Public Relations*. Pearson. UK.

Статья поступила в редакцию 21.03.2022;
одобрена после рецензирования 21.04.2022;
принята к публикации 18.05.2022

The article was submitted 21.03.2022;
approved after reviewing 21.04.2022;
accepted for publication 18.05.2022

ОБ АВТОРЕ

Сергиенко Полина Игоревна — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка для гуманитарных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; poserg@bk.ru

ABOUT THE AUTHOR

Polina I. Sergienko — PhD, lecturer, Department of the English Language for Humanities Faculties, Faculty for Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; poserg@bk.ru

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ ТОПОНИМОВ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНФОРМАЦИОННОГО АГЕНТСТВА REUTERS
ЗА 2017–2018 гг.)**

Е.Д. Кириллова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; kircatya@mail.ru*

Аннотация: В данной статье затрагиваются вопросы функционирования топонимов в англоязычном массмедийном дискурсе и особенности их семантической деривации. Акцент делается на основные когнитивные механизмы формирования нового значения, такие как когнитивная метафора и метонимия, схемы дефокусирования и профилирования. В статье рассматриваются подходы к изучению способов образования новых смыслов, предложенные Кубряковой Е.С., Иришхановой О.К., Болдыревым Н.Н., Бабиной Л.В., Масловой Ж.Н., Поповой Е.А., Ч. Филлмором, Р. Лэнекером, Дж. Лакоффом. Для данного исследования методом сплошной выборки из англоязычного информационного агентства Reuters за период с 2017 по 2018 г. были отобраны 57 примеров употребления прецедентных топонимов *Moscow, Russia, Ukraine, Kiev, Washington, Hungary, Beijing, Britain, Georgia, Kremlin, Turkey, Venezuela*, обладающих богатой семантикой и большим потенциалом для формирования новых значений. В рамках исследования данные топонимы являются наиболее часто употребляемыми в контексте актуальной политической повестки дня. Анализ наименований местности, функционирующих в англоязычных новостных сюжетах информационного агентства Reuters, показывает, что наиболее продуктивным механизмом семантической деривации в медиадискурсе является механизм концептуальной метонимии.

Ключевые слова: семантическая деривация; когнитивная метонимия; массмедийный дискурс; топоним

doi:10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-111-119

Для цитирования: Кириллова Е.Д. Семантическая деривация топонимов в англоязычном медиадискурсе (на материале информационного агентства Reuters за 2017–2018 год) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 111–119.

**SEMANTIC DERIVATION OF TOPONYMS
IN THE ENGLISH MEDIA DISCOURSE
(BASED ON THE ARTICLES OF THE REUTERS NEWS AGENCY
IN 2017–2018)**

Ekaterina D. Kirillova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, kircatya@mail.ru

Abstract. Within the framework of cognitive linguistics, questions of nomination are of particular importance. The article dwells upon functioning of toponyms in the English mass media discourse. The central question is the semantic derivation of the toponyms in English-language news of the Reuters news agency. This paper focuses on the main cognitive mechanisms of the formation of a new meaning, such as cognitive metaphor and metonymy, defocusing and profiling schemes. The article investigates the nature of the formation of new meanings and examines approaches proposed by Kubryakova E.S., Iriskhanova O.K., Boldyrev N.N., Babina L.V., Maslova Zh.N., Popova E.A., Ch. Fillmore, R. Lanecker, J. Lakoff. The data of the study consists of 57 examples of precedent toponyms *Moscow, Russia, Ukraine, Kiev, Washington, roaches Hungary, Beijing, Britain, Georgia, Kremlin, Turkey, Venezuela* that have rich semantics and great potential for the formation of new meanings. These toponyms are also used most frequently in the context of the current political agenda. The toponyms functioning in the English-language news of the Reuters news agency were analyzed for the cognitive mechanism that underlies the formation of the meaning. The findings show that the most productive mechanism of semantic derivation in media discourse is the mechanism of conceptual metonymy.

Key words: semantic derivation; cognitive metonymy; mass media discourse; toponym

For citation: Kirillova E.D. (2022) Semantic derivation of toponyms in the English media discourse (based on the articles of the Reuters news agency in 2017–2018). *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 111–119. (In Russ.)

В русле современных лингвистических исследований особый интерес для ученых представляют вопросы взаимоотношения языка и сознания и новые подходы к их осмыслению.

Болдырев Н.Н. называет три основных направления исследований, направленных на соотношения когнитивных и языковых структур, разграничивая их в соответствии с объектом: 1) исследование различных типов и форматов знания, 2) разработка методов когнитивного анализа и 3) изучение принципов и механизмов репрезентации знаний средствами разных языковых уровней [Болдырев, 2006].

В рамках когнитивной лингвистики особое значение имеют вопросы номинации. В процессе номинативной деятельности человек присваивает окружающим его предметам имена и названия. По мнению Е.С. Кубряковой, данный процесс номинативной деятельности является «проекцией концептуальной системы нашего сознания, куда входят как врожденные концепты, так и концепты, сложившиеся в ходе предметно-познавательной деятельности, и концепты, вычлененные из повторяющихся в семантических структурах слов объединений значений» [Кубрякова, 2004: 65].

Актуальным является вопрос семантической деривации онимов как способа образования новых смыслов. Под семантической деривацией понимается образование новых значений без изменения формы знака. Процесс основан на человеческой способности ассоциировать разные категории, а к значению слова принято относить весь комплекс знаний об обозначаемом объекте (прагматика и семантика слова, ассоциации со словом, потенциальные модификации значения слова и т.д.). Семантическая деривация представляет собой инструмент познавательной деятельности человека, процесс, при котором передаются знания [Пархоменко, 2012].

По мнению Болдырева Н.Н., данный процесс может иметь как положительные качества, к которым можно отнести воспроизводство, производность и креативность, так и отрицательные черты, такие как вторичность и копирование, оказывающие влияние на эволюцию языка и культуры [Болдырев, 2021].

Формирование нового значения происходит в результате семантического сдвига, перехода от одного прототипического значения к другому в зависимости от контекста в соответствии с определенным «мотивом». Данный процесс связан непосредственно с профилированием определенных семантических признаков в зависимости от ситуации [Пономарева, 2013], а также с механизмом дефокусирования, «то есть выведения из фокуса внимания определенных свойств объектов или ситуаций» [Кубрякова, Ирисханова, 2007: 8].

Изучением процесса выделения тех или иных свойств объекта в зависимости от необходимого контекста занимались такие ученые как Ч. Филлмор, Р. Лэнекер, Дж. Лакофф. Они предлагали использование определенных когнитивных схем и моделей, таких как концептуальная метафора и профилирование. Дж. Лакофф определяет модели метафорического и метонимического переноса как самые продуктивные виды семантической деривации [Пархоменко, 2012].

В отечественной лингвистике схемы профилирования и дефокусирования определенных качеств объектов разрабатывались Кубряковой Е.С., Ирисхановой О.К., Болдыревым Н.Н., Никитиным М.В., Бабиной Л.В. и другими.

В работе Бабиной Л.В. «Проблема концептуальной деривации» подробно описан вопрос вторичных наименований. Исследователь определяет концептуальную деривацию как «когнитивный процесс, обеспечивающий появление новой структуры знания в концептуальной системе человека на основе уже существующих концептов и концептуальных структур» [Бабина, 2007: 87]. Для описания особенностей процесса введено понятие скетч-фрейма, который показывает, какая часть знания об объекте ложится в основу значения производного слова, «попадает в фокус внимания при создании концепта, репрезентируемого производным словом, и определяет в той или иной степени структуру последнего» [там же: 88].

Вслед за Бабиной Л.В., Маслова Ж.Н. и Попова Е.А. разрабатывают вопрос разграничения когнитивных процессов, механизмов и операций при анализе текста и языка. Исследователи подробно описывают когнитивные механизмы профилирования, концептуальной метафоры, концептуальной метонимии, развития, соединения и перспективизации и относят к когнитивным операциям «размышление, переосмысление, логический вывод, умозаключение и т.д.» [Маслова, Попова, 2015: 5]. В зависимости от дискурсивной ситуации в сознании носителей языка происходит когнитивный процесс по вычленению необходимого значения и фокусирование на нужном свойстве языкового знака.

Культурно-обусловленные особенности реализации естественной категоризации на примере прецедентных феноменов рассматриваются в работе Ирисхановой О.К. «Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования». Ирисханова О.К. рассматривает вопросы функционирования имен собственных в качестве непрямой номинации и реализацию когнитивного механизма дефокусирования в прецедентном имени в зависимости от культурного контекста. По мнению исследователя, в семантике слов при процессе фокусирования происходит концентрация на определенных культурно-значимых свойствах объекта. Данный процесс также подвергается воздействию дискурсивной ситуации, которая разворачивается по культурно-обусловленному коммуникативному сценарию. В процессе категоризации в качестве экономии усилий происходит фокусирование на определенных свойствах объекта, при этом мало значимые свойства объекта или явления дефокусируются, то есть уходят на второй план [Ирисханова, 2014].

В нашей работе мы рассматриваем семантическую деривацию прецедентных топонимов в англоязычном медиадискурсе. Данные топонимы обладают богатой семантикой и большим потенциалом для формирования новых значений, сохраняя при этом весь спектр значений, накопленный в течение времени.

Для нашего исследования методом сплошной выборки были отобраны 57 примеров употребления топонимов, фигурирующих в различных новостных сообщениях информационного агентства Reuters за период 2017–2018. Нами были выделены наиболее часто употребляемые наименования местности в контексте актуальной политической повестки дня, среди которых встречаются топонимы *Moscow, Russia, Ukraine, Kiev, Washington, Hungary, Beijing, Britain, Georgia, Kremlin, Turkey, Venezuela*.

В качестве примера семантической деривации топонимов приведем фрагменты из новостных статей информационного агентства, в которых фигурируют наименования столиц и государств *Moscow, Washington, Kiev, Russia, Turkey, China* и проследим процессы профилирования и дефокусирования.

1) *U.S. Energy Secretary Rick Perry called on Hungary and its neighbours to reject Russian gas pipelines which Washington says are being used to cement Moscow's grip on central and eastern Europe.*

В данном примере рассмотрим топоним *Washington*, который в *Collins English Dictionary* определяется как «the capital of the US, coextensive with the District of Columbia and situated near the E coast on the Potomac River: site chosen by President Washington in 1790; contains the White House and the Capitol; a major educational and administrative centre» [*Collins English Dictionary*]. В данном примере благодаря политическому контексту выдвигаются на первый план значения «a major administrative centre» и «contains the White House and the Capitol», и дефокусируются остальные существенные характеристики топонима, такие как географическое местоположение и главный образовательный центр. В соответствии с когнитивным механизмом метонимического переноса («место-учреждение») происходит профилирование значения «state authority».

2) *Moscow accuses them of illegally crossing the Russian border and failing to comply with orders to stop.*

В примере 2 топоним *Moscow*, определяемый в *Collins English Dictionary* как «the capital of Russia and of the Moscow Autonomous Region, on the Moskva River: dates from the 11th century; capital of the grand duchy of Russia from 1547 to 1712; capital of the Soviet Union 1918–91; centres on the medieval Kremlin; chief political, cultural, and industrial centre of Russia, with two universities» [*Collins English Dictionary*] функционирует в качестве непрямого номинации, в основе которой лежит концептуальная метонимия и профилируется значение «political centre of Russia» и «state body».

3) *Russia's capture of three Ukrainian vessels that Kiev fears may be a precursor to a full-scale invasion.*

В примере 3 топоним Kiev, который обозначает столицу государства и является административным, культурным, образовательным и политическим центром страны, используется в качестве непрямой номинации и в рамках политического контекста профилируется значение государственного органа Украины.

4) *EU governments and NATO allies say Russia is targeting elections to undermine Western democracy.*

Топоним Russia определяется в Collins English Dictionary как «the largest country in the world, covering N Eurasia and bordering on the Pacific and Arctic Oceans and the Baltic, Black, and Caspian Seas» [Collins English Dictionary]. В примере 4 Russia функционирует в качестве непрямой номинации, в основе которой лежит прием концептуальной метонимии и профилируется значение государственного органа РФ, а первоначальное значение географического положения дефокусируется.

5) *Venezuela would like Moscow to help it restructure its external debt to other countries*

В данном новостном сообщении топонимы использованы в непрямой номинации. Благодаря приему концептуальной метонимии профилируются значения политических органов государств, а территориальные характеристики топонима дефокусируются.

6) *Turkey says it has already paid Moscow some of the bill*

В примере 5 мы рассматриваем семантическую деривацию топонима Turkey, который обозначает государство, расположенное в Западной Азии и Южной Европе. Топоним используется в качестве непрямой номинации, основанной на приеме концептуальной метонимии и в рамках политического контекста профилируется значение государственного органа Турции.

7) *The Kremlin did not say what exactly the ministers would discuss, but Moscow has previously signaled it would like to see more countries joining efforts to balance global oil markets.*

Согласно Cambridge Dictionary топоним Kremlin определяется как 'a group of buildings in Moscow that is now the centre of government of Russia, or the Russian government itself. In the past, the Kremlin also meant the government of the Soviet Union'. В семантике топонима можно выделить следующие характеристики: а) группа зданий в центре Москвы, б) правительство РФ, в) правительство СССР в прошлом.

В новостном сообщении характеристика топонима «правительство РФ» в результате когнитивного механизма перспективизации выдвигается на первый план и репрезентирует Kremlin как политический орган России, ответственный за принятие решений.

8) *China, which together with Moscow backs Maduro, issued a stern warning on Friday to Western nations about the risks in imposing sanctions and interfering in Venezuela.*

В примере благодаря политическому контексту выдвигаются на первый план такие значения топонима China, как главный государственный орган. В соответствии с когнитивным механизмом метонимического переноса профилируется значение «state authority», а остальные характеристики топонима дефокусируются.

9) *Ukraine's push to create an independent church has incensed Moscow at a time of escalating crisis between the two neighbours.*

В данном примере топоним Ukraine, обозначающий территорию государства, используется в качестве не прямой номинации и профилирует значение политического органа. Контекст новостного сообщения и фигурирующие в нем топонимы отсылают к ситуации 2018 года, когда на территории украинского государства была учреждена Православная церковь Украины.

10) *The case is likely to worsen already poor U.S.-Russia relations which both Washington and Moscow have spoken of wanting to improve despite sharp differences over everything from Venezuela to Ukraine*

В политическом контексте новостного сообщения топонимы U.S., Russia, Washington, Moscow, Venezuela, Ukraine используются в не прямой номинации и на основании метонимического переноса профилируют значение политические органы (Washington — Moscow) и политический курс (Venezuela — Ukraine). Данный пример иллюстрирует смену профилируемого значения в рамках семантики топонимов Venezuela и Ukraine по сравнению с примерами 5 и 9.

Таким образом, проведя анализ топонимов, функционирующих в англоязычных новостных сюжетах информационном агентстве Reuters за период 2017–2018 гг., нами было определено, что наиболее продуктивным механизмом семантической деривации топонимов в медиадискурсе является механизм концептуальной метонимии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабина Л.В.* Проблема концептуальной деривации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-kontseptualnoy-derivatsii> (дата обращения: 28.06.2021).
2. *Болдырев Н.Н.* Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.
3. *Болдырев Н.Н.* Феномен производности в культуре и языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 57–69.
4. *Демьянков В.З.* Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 116–133.

5. *Ирисханова О.К.* Игры фокуса в языке: Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славян. культуры, 2014.
6. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ имени М.В. Ломоносова, 1996.
7. *Красных В.В.* Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация. 1997. № 2. С. 5.
8. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
9. *Маслова Ж.Н., Попова Е.А.* Проблема разграничения когнитивных процессов, механизмов, операций // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: материалы докладов VII Междунар. конф. Саратов: ИЦ «Наука», 2015. С. 80–84.
10. *Пархоменко Т.Н.* К вопросу о семантической деривации // Вестник КемГУ. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-semanticheskoy-derivatsii> (дата обращения: 28.06.2021).
11. *Пономарева О.Б.* Семантическая vs. концептуальная деривация в субстандартной подсистеме языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. №3 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskaya-vs-kontseptualnaya-derivatsiya-v-substandartnoy-podsisteme-yazyka> (дата обращения: 28.06.2021).
12. *Collins English Dictionary.* Glasgow: HarperCollins Publishers, 1994.

REFERENCES

1. Babina L.V. 2007. Problema kontseptual'noy derivatsii [The Problem of Conceptual Derivation]. *Issues of Cognitive Linguistics*, no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-kontseptualnoy-derivatsii> (accessed: 28.06.2021).
2. Boldyrev N.N. 2006. Yazykovye kategorii kak format znaniya [Linguistic Categories as a Format of Knowledge]. *Issues of Cognitive Linguistics*, no. 2, pp 5–22. (In Russ.)
3. Boldyrev N.N. 2021. Fenomen proizvodnosti v kul'ture i yazyke [The phenomenon of secondary creations in culture and language]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 57–69. (In Russ.)
4. Dem'yankov V. Z. 2003. *Interpretatsiya politicheskogo diskursa v SMI* [Interpretation of the political discourse]. Moscow, Moscow University Press. (In Russ.)
5. Iriskhanova O.K. 2014. *Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya* [Focus games in language. Semantics, Syntax and Pragmatics of Defocusing]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ. (In Russ.)
6. Kubryakova E.S., Dem'yankov V.Z., Pankrats Yu.G., Luzina L.G. (eds.) 1996. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Concise dictionary of the cognitive terms]. Moscow, Moscow University Press. (In Russ.)
7. Krasnykh V.V. 1997. Sistema pretsedentnykh fenomenov v kontekste sovremennykh issledovaniy [The system of precedent phenomena in the context of modern research]. *Language, consciousness, communication*, no. 2, p. 5. (In Russ.)
8. Kubryakova E.S. 2004. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ. (In Russ.)
9. Maslova Zh.N., Popova E.A. 2015. *Problema razgranicheniya kognitivnykh protsessov, mekhanizmov, operatsiy* [The problem of differentiation of cognitive processes, mechanisms, operations]. Saratov. Nauka, pp. 80–84. (In Russ.)

10. Parkhomenko T.N. 2012. K voprosu o semanticheskoy derivatsii [On semantic derivation]. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-semanticheskoy-derivatsii> (accessed: 28.06.2021).
11. Ponomareva O.B. 2013. Semanticheskaya vs. kontseptual'naya derivatsiya v substandartnoy podsisteme yazyka [Semantic vs conceptual derivation in substandard language subsystem]. *Issues of Cognitive Linguistics*, no. 3 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskaya-vs-kontseptualnaya-derivatsiya-v-substandartnoy-podsisteme-yazyka> (accessed: 28.06.2021).

Статья поступила в редакцию 29.03.2022;
одобрена после рецензирования 29.04.2022;
принята к публикации 18.05.2022

The article was submitted 29.03.2022;
approved after reviewing 29.04.2022;
accepted for publication 18.05.2022

ОБ АВТОРЕ

Кириллова Екатерина Дмитриевна — аспирант кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; kircatya@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina D. Kirillova — PhD Student, Dept. of Foreign Language Teaching, Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University; kircatya@mail.ru

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ КОДИФИКАЦИЯ И СЕМАНТИЗАЦИЯ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

А.И. Едличко

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; ang299@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые вопросы кодификации и семантизации терминов лингводидактики в терминофиксирующих текстах, т.е. в статьях специализированных словарей и справочников. Также дается краткая информация о других типах текстов, в которых функционируют такие термины — терминосоздающих и терминоиспользующих. Описывается ряд ключевых признаков лингводидактического термина — междисциплинарность, социальная детерминированность и др. Выявляются требования, выдвигаемые к терминографической семантизации, параметры представления терминов в статьях одно- и двуязычных справочных изданий, а также виды дефиниций в терминофиксирующих текстах. Подробно анализируется макро- и микроструктура нового переводного двуязычного словаря справочного типа к инновационной программе Гете-Института для учителей «Учимся обучать немецкому» (нем. Deutsch Lehren Lernen), выпущенного в издательстве Московского университета в 2022 г. Приводится общая информация о корпусе справочника, тематике кодифицированных терминов и их формальных особенностях, а также специфике структуры и содержания словарных статей. Выявляются принципы, принимаемые во внимание при описании понятия. В качестве важных терминографических дефиниционных признаков определяются не только вербальные, но и невербальные составляющие, с помощью которых осуществляется репрезентация содержания терминов в текстах вторичной сферы использования лингводидактических терминов с целью лучшего понимания термина пользователем словаря.

Ключевые слова: лингводидактический термин; терминофиксирующий текст; словарь; кодификация; семантизация термина

doi:10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-120-130

Для цитирования: Едличко А.И. Лексикографическая кодификация и семантизация лингводидактических терминов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 120–130.

LEXICOGRAPHIC CODIFICATION AND SEMANTIZATION OF LANGUAGE TEACHING TERMS

Anzhela I. Edlichko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ang299@yandex.ru

Abstract: The article discusses some issues of codification and semantization of language teaching terms in term-fixing texts (specialized dictionaries and reference books). It also describes other texts which involve the type of terms under consideration – term-creating and term-using texts. The paper outlines some key features of the language teaching terms, such as interdisciplinarity, social determinism, etc. The investigation reveals the requirements put forward for terminographic semantics, examines the parameters of the presentation of terms in articles of single and bilingual reference publications, and marks off the types of definitions in term-fixing texts. The research has included detailed analysis of the macro- and microstructure of a new German-Russian reference book of the Goethe-Institute’s innovative program for teachers “Learning to teach German” (German: Deutsch Lehren Lernen), published by the Moscow University Press in 2022. The contribution provides general information about the corpus of the reference book, the subject of codified terms and their formal features, characteristics of the structure and the content of dictionary entries, as well as the principles which were taken into account when describing the concept. Both verbal and nonverbal components are outlined as important terminographic definitional features. These parts of dictionary articles help users better understand the dictionary content of terms represented in the texts of the secondary sphere of use.

Key words: language teaching term; term-fixing text; dictionary; codification; semantization of the term

For citation: Edlichko A.I. (2022) Lexicographic codification and semantization of language teaching terms. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 120–130. (In Russ.)

В настоящее время комплексное системное изучение терминов лингводидактики представляет интерес не только с позиций анализа проблематики теоретического терминоведения как самостоятельной научной лингвистической дисциплины, но и с практической точки зрения, поскольку исследование лингводидактической терминологии и терминосистемы названной категории предполагает поиск ответов на многочисленные вопросы, «связанные с упорядочением терминосистем, стандартизацией терминов, с необходимостью переиздания существующих терминологических словарей, справочников, перечней и т.д.» [Потапова, 2001: 289]. Иначе говоря, необходимость и актуальность обращения к различным терминоведческим аспектам — образованию терминов; вариативности их

формы, семантики и функций; методам изучения терминов и терминосистем и т.д. — связывается с общетеоретической и прикладной значимостью проводимых исследований.

В контексте терминоведческой теории текста, выявляющей функциональные особенности терминов, принято различать три вида текстов: терминосоздающие, терминоиспользующие, терминофиксирующие [Лейчик, 2006: 147], которые соотносятся со сферами функционирования и фиксации терминов [Даниленко, 1971: 43]. В теории лингводидактики развиваются собственная терминология и терминосистема, чему способствуют различные факторы. Прежде всего это эволюция теоретической мысли в трудах ученых-лингводидактов, т.е. появление терминов в **терминосоздающих текстах**, к которым относятся письменные научные труды по проблемам методики обучения языкам (монографии, научные статьи, диссертационные исследования) и устные тексты (например, доклады, научные дискуссии, научные лекции). В данных (кон)текстах «устанавливается состав интерпретируемой категории» [Едличко, Мишнова, 2019: 16], создается форма и объем значения терминологической единицы.

Расширение терминологического континуума осуществляется благодаря появлению большого количества эмпирического материала в **терминоиспользующих текстах**, или «вторичных информационных документах» [Лейчик, 2006: 147], в которых реализуется инструментальная функция появившегося термина для описания теории. При этом в зависимости от целевых установок автора не всегда необходима дефиниция термина(-ов), она может полной, частичной или вовсе отсутствовать, поскольку многие термины являются уже известными реципиенту. К таким текстам обычно причисляют учебники и учебные пособия по родному, неродному, иностранному, миноритарному и другим языкам; медиаконтент по лингводидактической проблематике (например, сайты языковых образовательных учреждений разных ступеней обучения) [Едличко, Мишнова, 2019: 17].

Эволюция теории методики обучения и соответствующей терминосистемы приводит к созданию **терминофиксирующего текста**, представляющего сформированное научное понятие с помощью кодифицированного термина. Многие термины лингводидактики зафиксированы в толковых и переводных специализированных словарях, в некоторых учебниках по методике обучения, институциональной документации в области изучения/преподавания языков: законах, федеральных стандартах, приказах, руководствах, учебных программах и других нормативных правовых актах. Д.С. Золотухин справедливо подчеркивает, что терминофиксирующий текст «ре-

презентирует сформированное научное понятие и включает термин, находящийся в состоянии устойчивого равновесия», однако, несмотря на кодификацию, дальнейшее использование таких терминов может сопровождаться развитием их значения и варьированием семантики [Золотухин, 2018: 23].

Принимая во внимание анализ функциональных характеристик лингводидактических терминов [Едличко, Мишнова, 2019], можно утверждать, что для терминологии и терминосистемы лингводидактики характерны прежде всего такие признаки, как междисциплинарность (поскольку терминосистема методики обучения языку(-ам) включает лексемы из разных областей гуманитарного знания — педагогики, дидактики, психологии, философии, лингвистики, теории текста, социолингвистики, социологии, культурологии и т.д.) и социальная детерминированность (определяемая в контексте возникающих потребностей в изучении языка(-ов) как всего общества, так и его отдельных граждан). Лингводидактический термин является не только сугубо лингвистической, но и педагогической и методической категорией, так как его семантика в разных типах текстов в определенном языке отражает специфику развития образовательной системы и особенности реализации принятой в конкретном социуме концепции языкового образования.

Семантизация терминов в терминофиксирующих текстах определяется как «процесс и/или результат экспликации семантики терминологических единиц с помощью вербальных и невербальных средств» [Комарова, 1995: 54]. В ходе терминографической семантизации должны учитываться определенные факторы: строгая нормативность, отсутствие импликатур, жесткая логичность синтаксиса словарной дефиниции, соразмерность определению понятия, высокая степень информативности, отсутствие двусмысленности и негативной формы, краткость, логическая непротиворечивость и др. [Комарова, 1995: 57; Ловцевич, Трифионов, 2016: 6]. Принципы описания семантики лингводидактической терминологии в одно- и двуязычных словарях справочного типа предполагают, как правило, многообразие дефиниций (денотативных, логических, эквивалентных, отсылочных)¹.

¹ См., например, следующие словари и справочники: Ловцевич Г.Н. Англо-русский словарь аббревиатур терминов лингводидактики / Под ред. М.В. Вербицкой. Владивосток, 2009; *Barkowski H., Krumm H.J.* (Hgg.) *Fachlexikon Deutsch als Fremd-und Zweitsprache*. Tübingen: Francke, 2010; *Ende K., Mohr I.* (Hgg.). *Glossar Fachbegriffe für DaF-Lehrkräfte*. München: Klett-Langenscheidt, 2015; *Surkamp C.* (Hg.) *Metzler Lexikon Fremdsprachendidaktik: Ansätze — Methoden — Grundbegriffe*. Stuttgart u.a.: Springer, 2010.

Различные формы семантизации терминов представлены в новом терминологическом справочнике к программе Гете-Института «Учимся обучать немецкому» (нем. Deutsch Lehren Lernen), разработанном при поддержке Гете-Института и вышедшем в 2022 г. в издательстве МГУ². Необходимость создания такого справочника была обусловлена рядом факторов: изменением научной парадигмы языкового образования; появлением новаторских педагогических концепций; интеграцией новых общеметодических и лингводидактических методов, подходов и принципов в процесс языкового образования (ориентацией на деятельностный подход, компетенции как результаты обучения, многоязычие, содержание обучения, межкультурный подход и т.д.); расширением категорийно-методического аппарата лингводидактики; появлением инновационной программы повышения квалификации Гете-Института «Учимся обучать немецкому» (Deutsch Lehren Lernen, DLL) для учителей немецкого языка; отсутствием подобных относительно полных переводных справочников прежде всего в паре языков немецкий–русский в российской лингводидактической терминологии (имеющиеся единичные работы, насколько нам известно, представлены в виде кратких переводных глоссариев в учебных пособиях³ или в текстах статей методических журналов для учителей немецкого языка⁴).

Макроструктура справочника включает в себя предисловие, словник, состоящий из двух частей (в части 1 представлены базовые термины DLL, в части 2 — сокращения DLL), общий список терминов и библиографию (около 150 наименований лексикографических и текстовых источников⁵, в том числе учебных пособий программы “Deutsch Lehren Lernen”⁶). В корпус справочника входит более 300

² Едличко А.И., Захарова О.Л., Мишинова А.В. Терминологический справочник к программе «Учимся обучать немецкому» = Fachlexikon zu DLL — Deutsch Lehren Lernen / Под ред. А.И. Едличко и О.Л. Захаровой. М., 2022. 192 с.

³ См., например: Behr U., Kolesnikov A., Sawadogo P. (Hgg.) Zur Entwicklung von Selbstständigkeit im Unterricht von Deutsch und Russisch als Fremdsprache — Konzeptionelle und praktische Anregungen. Развитие самостоятельности учащихся на занятиях по немецкому и русскому языкам как иностранным: От теории к практическим решениям. 1. Aufl. Bad Berka: Thillm, 2021.

⁴ Захарова О.Л. Немецко-русский методический справочник для практикующего учителя. Терминология по теме «Контроль» // Deutsch kreativ. Креативный немецкий. 2009. № 1. С. 2–7.

⁵ См.: Едличко А.И., Захарова О.Л., Мишинова А.В. Указ. соч. С. 181–191.

⁶ Ballweg S., Drumm S., Huftisen B., etc. DLL 2: Wie lernt man die Fremdsprache Deutsch? Stuttgart: Klett, 2013; Barkowski H., Grommes P., Lex B., etc. DLL 3: Deutsch als fremde Sprache. München: Klett-Langenscheidt, 2014; Beese M., Benholz C., Chlosta C., etc. DLL 16: Sprachbildung in allen Fächern. Stuttgart: Klett, 2014; Brash B., Pfeil A. DLL 9: Unterrichten mit digitalen Medien. Stuttgart: Klett, 2017; Ende K., Grotjahn R., Kleppin K., etc. DLL 6: Curriculare Vorgaben und Unterrichts-

терминов, расположенных в каждой части в алфавитном порядке. Термины относятся к различным областям гуманитарных наук и научных направлений:

– психологии (*Automatisierung/автоматизация, Behaviorismus/бихевиоризм, Kognitivismus/когнитивизм, Einstellung/установка, Reflexion/рефлексия, ZPD/ЗБР* и др.);

– философии (*explizites Wissen/эксплицитное знание, implizites Wissen/имплицитное знание* и др.);

– педагогике (*Faktorenmodell/факторная модель, Curriculum/учебная программа, учебный план, Gruppenarbeit/групповая работа, Lernklima/атмосфера урока, микроклимат урока, Lernstil/индивидуальный стиль учебной деятельности, Rituale/учебные ритуалы* и др.);

– лингводидактике (*Prinzipien des Fremdsprachenunterrichts/принципы обучения иностранному языку, GER/Общоевропейские компетенции владения иностранным языком* и др.);

– дидактике многоязычия (*M-Faktor/фактор многоязычия, rezeptive Mehrsprachigkeit/рецептивное многоязычие, Mehrsprachigkeitsmodelle/модели многоязычия, Mehrsprachigkeitsorientierung/принцип ориентации на многоязычие*);

– тестологии (*Gütekriterien/критерии определения качества, Objektivität/объективность, Testkonstrukt/местовый конструктор, C-Test/cu-тест DTZ/dtz, onDaF, DSD* и др.);

– лингвистике и социолингвистике (*bilingual/билингвальный, Erstsprache/первый язык, Brückensprache/язык-посредник, Fremdsprache/иностраннный язык, Tertiärsprache/третий язык* и др.).

В словник включены как «классические» термины из области методики обучения иностранным языкам (например, *Unterrichtsplanung/планирование урока, HV/аудирование, L1/первый язык, Test-DaF/экзамен “Немецкий язык как иностранный”*), так и новые терминологические единицы, появившиеся в немецком языке сравнительно недавно (например, *Outcome/“выход”, комплекс сформированных компетенций (результатов обучения), Kompetenzorientierung/компетентностный подход, Chunks/шаблонные обороты, чанки, Blended Learning/смешанное (комбинированное) обучение, Handlungs-*

planung. Stuttgart: Klett, 2013; *Feick D., Pietzuch A., Schramm K.* DLL 15: Alphabetisierung für Erwachsene. Stuttgart: Klett, 2013; *Funk H., Kuhn C., Skiba D., etc.* DLL 4: Aufgaben, Übungen, Interaktion. München: Klett-Langenscheidt, 2014; *Grotjahn R., Kleppin K.* DLL 7: Prüfen, Testen, Evaluieren. München: Klett-Langenscheidt, 2015; *Legutke M., Schart M.* DLL 1: Lehrkompetenz und Unterrichtsgestaltung. München: Klett-Langenscheidt, 2012; *Lundquist-Mog A., Widlok B.* DLL 8: DaF für Kinder. Stuttgart: Klett, 2015; *Rösler D., Würffel N.* DLL 5: Lernmaterialien und Medien. Stuttgart: Klett, 2017; *Salomo D., Mohr I.* DLL 10: DaF für Jugendliche. Stuttgart: Klett, 2016.

orientierung/деятельностно-ориентированное обучение, деятельностный подход, KTN/участник (курса), SuS/школьники (досл. школьницы и школьники) и др.).

Формальная структура кодифицированных единиц представлена не только простыми словами (*Medien, Elaboration, Kontext*), но и композитами (*Einzelarbeit/индивидуальная работа, Erwerbssequenzen/стадии овладения языком*); двух-, трех- и многокомпонентными словосочетаниями (*didaktische Grammatik/педагогическая грамматика, sensible Phase (des Spracherwerbs)/сензитивный период (развития речи), Europäisches Sprachenportfolio/ЕЯП, Gemeinsamer Europäischer Referenzrahmen für Sprachen/Общеввропейские компетенции владения иностранным языком*); различными видами сокращений (*PASCH/Инициатива «Школы: партнеры будущего», LK/преподаватель, учитель, LA/языковая осведомленность, Modell DA/модель дидактического анализа, L1/первый язык и др.*). При репрезентации графического облика термина в справочнике учитывалась его вариативность, например *PEP/PeP, GER/GeR, VHS/vhs* и др.

Что касается частеречной принадлежности словарных единиц, в основном это термины-существительные (например, *Fossilierung/фоссилизация, Lernstrategien/учебные стратегии, Zielsprache/изучаемый язык, «целевой язык»*) или некоторые прилагательные (например, *bilingual/билингвальный, mehrsprachig/многоязычный*). Этимологически термины представляют собой как немецкую лексику, так и заимствования — в большинстве случаев из английского языка (*App, E-Learning, Blended Learning, silent period* и др.), а также единичные случаи из других языков, например испанского (*eTapa*).

При описании понятия принимался во внимание не только принцип ориентации на методику DLL, но и рецепция представленных терминов в российской методике обучения языкам. При разной интерпретации понятий в зарубежной и отечественной методической науке учитывалось соотношение немецких терминов с российскими лингводидактическими реалиями и функционирование русских аналогов в российских нормативных документах (ФГОС), инструктивных материалах по итоговым испытаниям по иностранному языку (ЕГЭ, ОГЭ по иностранному языку) и других контекстах.

Микроструктура справочника — словарная статья — содержит следующую информацию о заголовочной единице: грамматическую зону (род. мн. ч. существительного); немецкий эквивалент английского термина; зону перевода на русский язык; дефиницию. Во второй части, посвященный лингводидактическим сокращениям, также приводятся частотные дериваты и иллюстративные контекст-

ные примеры из учебников DLL для лучшего понимания структурно-содержательной специфики данных единиц. К каждому сокращению дается полное наименование терминологической единицы, в котором выделены ключевые буквы/слова, входящие в структуру краткого слова (например, *ACTFL* — англ. *American Council on the Teaching of Foreign Languages*, *Modell DA* — **Modell** *Didaktische Analyse*). Словник второй части содержит наименования из области обучения иностранным языкам, названия организаций, языковых программ, научных журналов, международных тестов и другие номинации: *DWDS* — *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache/Электронный словарь немецкого языка*, *LOLIPOP* — англ. *Language On-line Portfolio Project/Проект языкового онлайн-портфеля*, *SFK* — *Sprachforscherkurs/Курс исследователей языка*, *WIS* — *Wissenschaftliches Privatinstitut für Integration und Sprache/Частный научный институт интеграции и языка*, *Info DaF* — *Informationen Deutsch als Fremdsprache/журнал “Info DaF”*. Важность включения в справочник отдельной части с сокращениями обусловлена, по словам авторов, «не только частотностью, экономичностью и удобством их употребления, но и недостаточной кодификацией, что ведет к трудностям понимания и использования таких терминов [Едличко, Захарова, 2022: 8].

Включение синонимов леммы в словарную статью (например, *Interferenz* — тж. *negativer Transfer*, *Karussell* — тж. *Kugellager*; *mehrsprachig* — тж. *multilingual* и др.) обусловлено вариативностью формы терминологической единицы в текстах первичной сферы использования терминов — терминосоздающих и термиinoisпользующих.

Словарная статья может содержать отсылочную зону (после зоны перевода) к другим статьям, например:

Lernkultur, die
культура учения
см. **Lehr- und Lernkultur**⁷

Семантизация большинства представленных в справочнике терминов, как правило, смешанная, включающая разные дефиниции — денотативные, логические, эквивалентные, отсылочные. Как видно из приведенного ниже примера, дефиниция термина усложняется за счет введения в текст словарной статьи отсылок, позволяющих читателю получить дополнительную информацию о значении заглавного слова, представленную в других словарных статьях, например:

---

⁷ Едличко А.И., Захарова О.Л., Мишинова А.В. Указ. соч. С. 72.

Scaffolding, das; *т.ж.* Baugerüst
скаффолдинг

Метод систематической поддержки речевой деятельности обучающихся при помощи вербальных и невербальных действий преподавателя (см. **Lehraktivitäten**). К вербальным опорам относятся, например, структурно-речевые шаблоны диалога в учебнике, список речевых средств для устного выступления, к невербальным — жесты и мимика преподавателя при исправлении ошибок и др. Скаффолдинг на уроке иностранного (см. **Fremdsprache**) или второго языка (см. **Zweitsprache**) основывается на теории о зоне ближайшего развития (см. **ZPD**, часть 2) и предполагает, что по мере повышения уровня владения языком обучающиеся постепенно переходят от выполнения речевых действий при поддержке преподавателя к самостоятельной речевой деятельности. Доля опор со стороны преподавателя также сокращается и сводится к минимальной при обучении языку на продвинутом уровне этапе⁸.

Дополнительные пояснения могут вводиться в дефиницию в виде различных примеров, ср. иллюстративный контекст для термина *Interferenz/интерференция, негативный перенос*: «Типовыми интерференционными ошибками русскоязычных обучающихся при изучении немецкого языка являются, например, неправильный перенос рода существительных из родного языка (*рус.* девочка — *нем.* das Mädchen) или управления глаголов (*рус.* Я поздравляю тебя — *нем.* Ich gratuliere dir)»⁹.

В ряде случаев при репрезентации значения лингводидактического термина имеет место дополнительная невербальная семантизация, или экземплификация, т.е. представление содержательной стороны термина с помощью схемы, рисунка, таблицы (например, в статьях *Aquarium/аквариум, Karussell/карусель, Lernfeldermodell/модель учебных полей обучающихся, Lernstrategien/учебные стратегии* и др.¹⁰). Также важно указать на используемые в тексте статей графические средства выделения полужирным шрифтом, курсивом, применение только прописных букв и т.д. Сочетание вербального и невербального компонентов способствует лучшему пониманию специфики конкретного понятия.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что интенсивное развитие лингводидактики в последние десятилетия способствует постоянному расширению и обновлению ее терминологического аппарата. В связи с этим вопросы терминографической кодификации и научного описания лингводидактического термина являются актуальными и не нашедшими окончательного ответа. Словарная

⁸ Там же. С. 101.

⁹ Там же. С. 48.

¹⁰ Там же. С. 12, 51, 70, 76 и др.

дефиниция термина, которая может быть денотативной (предметной), логической (родо-видовой), эквивалентной (лингвистической), а также содержать отсылочные и другие элементы, должна быть компактной, но информативной, точной и конкретной, соответствовать объему и содержанию определяемого понятия. Важными дефиниционными признаками также представляются невербальные, или метаграфические, средства языка, помогающие понять содержание конкретной терминологической единицы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даниленко В.П. Лексико-семантические и грамматические особенности терминов // Исследования по русской терминологии / Отв. ред. В.П. Даниленко. М., 1971. С. 7–67.
2. Едличко А.И., Захарова О.Л. Предисловие // Терминологический справочник к программе «Учимся обучать немецкому» = *Fachlexikon zu DLL — Deutsch Lehren Lernen* / Под ред. А.И. Едличко и О.Л. Захаровой. М., 2022. С. 7–9.
3. Едличко А.И., Мишинова А.В. Термины лингводидактики: функциональный аспект и способы фиксации // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Серия «Лингвистика». 2019. № 6. С. 15–26.
4. Золотухин Д.С. Эволюция лингвистической терминосистемы Фердинанда де Соссюра: лексико-семантический аспект. М., 2018.
5. Комарова З.И. Метаязыковой текст словарной дефиниции в коммуникативном аспекте // Художественный текст: структура, семантика, прагматика / Под ред. Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарина. Екатеринбург, 1997. С. 51–65.
6. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 2-е изд. М., 2006.
7. Ловцевич Г.Н., Трифионов А.С. Дефиниция термина в рамках традиционного и социокогнитивного подходов в терминоведении // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2016. № 2(1). С. 50–62.
8. Потапова Р.К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика. 2-е изд., доп. М., 2001.

REFERENCES

1. Danilenko V.P. 1971. *Leksiko-semanticheskie i grammaticheskie osobennosti terminov* [Semantic and grammatical features of terms]. In Danilenko V.P. (ed.) *Issledovaniya po russkoj terminologii* [Research on Russian terminology]. Moscow, pp. 7–67. (In Russ.)
2. Edlichko A.I., Zaharova O.L. 2022. *Preface*. In Edlichko A.I., Zaharova O.L. (eds.) *Fachlexikon zu DLL — Deutsch Lehren Lernen*. Moscow, pp. 7–9. (In Russ.)
3. Edlichko A.I., Mishnova A.V. 2019. *Terminy lingvodidaktiki: funkcional'nyj aspekt i sposoby fiksacii* [Language Teaching Terms: Functional Aspects and Lexicographic Fixation]. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, no. 6, pp. 15–26. (In Russ.)
4. Zolotuhin D.S. 2018. *Evolyuciya lingvisticheskoy terminosistemy Ferdinanda de Sossyura: leksiko-semanticheskij aspekt* [Evolution of the linguistic terminological system of Ferdinand de Saussure: lexico-semantic aspect]. Moscow. (In Russ.)
5. Komarova Z.I. 1997. *Metayazykovej tekst slovarnoj definicii v kommunikativnom aspekte* [Dictionary's Metalanguage Definitions in a Communicative Aspect]. In

- Babenko L.G., Kazarina Yu.V. (eds.) *Literary text: structure, semantics, pragmatics*. Ekaterinburg, Ural University, pp. 51–65. (In Russ.)
6. Leichik V.M. 2006. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology: Subject, methods, structure]. Moscow. (In Russ.)
  7. Lovcevic G.N., Trifonov A.S. 2016. Definiция термина v рамках tradicionnogo i sociokognitivnogo podhoda v terminovedenii [Terminological Definition within the Framework of Traditional and Sociocognitive Terminology]. *Theoretical and Applied Linguistics*, no. 2 (1), pp. 50–62. (In Russ.)
  8. Potapova R.K. 2001. *Rech': kommunikaciya, informaciya, kibernetika* [Speech: communication, information, cybernetics]. Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.04.2022;
одобрена после рецензирования 12.05.2022;
принята к публикации 18.05.2022

The article was submitted 08.04.2022;
approved after reviewing 12.05.2022;
accepted for publication 18.05.2022

ОБ АВТОРЕ

Едличко Анжела Игоревна — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; ang299@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anzhela I. Edlichko — PhD in of Philology, Associate Professor at the Department of the German Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University; ang299@yandex.ru

ЛЕКСИКОГРАФИЯ ПОНЯТИЙ: ЭМОЦИИ

Р. Илсон

*Университетский Колледж Лондона, Великобритания, Лондон;
robert.ilson@outlook.com*

Аннотация: Это одна из серии статей, сравнивающих трактовку связанных элементов в одноязычных словарях разных языков, в данном случае английского, французского и русского. Предыдущие публикации представили и проиллюстрировали принципы, лежащие в основе настоящей серии, и применили эти принципы к так называемым авраамическим религиям и крестовым походам.

Ключевые слова: литература; одноязычные словари; интерпретация; эмоции

doi:10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-131-135

Для цитирования: Илсон Р. Лексикография понятий: эмоции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 131–135.

THE LEXICOGRAPHY OF CONCEPTS: EMOTIONS

Robert F. Ilson

University College London, London, United Kingdom; robert.ilson@outlook.com

Abstract: This is one of a series of essays comparing the treatment of related items in monolingual dictionaries of English, French, and Russian. Previous essays introduced and exemplified the principles of such analysis applied in the articles dealing with the Abrahamic religions and the Crusades.

Key words: literature; monolingual dictionaries; interpretation; emotions

For citation: Ilson R. (2022) The lexicography of concepts: emotions. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 131–135. (In Russ.)

I now propose to investigate in the same way the lexicographic treatment of the names of several common emotions in the hope of acknowledging their similarities and their differences in both the form of their treatment and its content. Similarities in form will show how the basically similar format of dictionaries is adaptable enough to serve the needs

of dissimilar languages; formal differences will indicate that a one-size-fits-all approach to lexicography has its limits. Similarities in content will suggest the kinship of us *homines sapientes*. But differences in content may arise for more than one reason: lexicographers analysing the same emotions may come to different conclusions about them; or the emotions themselves may differ in different cultures. The very possibility of such differences underlines the fact that there is no such thing as The Perfect Definition. Even the best definition remains a work of art rather than a scientific law. If I quote $E=mc^2$ squared I need not pay a royalty to the estate of the late Professor Einstein; but if I populate my dictionary with definitions copied from its competitors I may be found guilty of plagiarism.

My monolingual corpus is the same three dictionaries as in “The Lexicography of Concepts in English, French, and Russian”: the English dictionary is the *Concise Oxford English Dictionary*¹, the French dictionary is *Le Petit Robert*², and the Russian dictionary is *Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка*³. When confronted with polysemous items I use the sense closest to the most relevant sense in my starting point: English. Bilingual dictionaries I have consulted include *Collins Robert French-English English French Dictionary*⁴ and *Katzner English-Russian and Russian English Dictionary*⁵.

Anger vs colère vs гнев:

anger : a strong feeling of annoyance, displeasure, or hostility.

colère : Violent mécontentement, accompagné d’agressivité.

гнев: Чувство сильного возмущения, негодования.

The most striking disparity among these dictionary entries is the French *agressivité*, an action rather than a state of mind. It may, however, be simply the outward manifestation of inner *hostility*. For the Russian entry, *anger* is a *strong* feeling; for the French the feeling is *violent*, for the English the feeling is *strong*. Curiously, though, the French feeling that is *violent* is *mécontentement* ‘discontent’, which hardly seems *violent* to me. Likewise, English *annoyance*, *displeasure* are arguably too weak for proper *anger*, which seems better served by Russian *возмущения, негодования* ‘outrage, indignation’.

¹ Concise Oxford Dictionary. 12th edition. Oxford: Oxford University Press, 2011.

² Le Petit Robert. Paris, 1988.

³ *Ожегов С.И.* (сост.) Толковый словарь русского языка / Под общ. ред. Л.И. Скворцова. М., 2015.

⁴ Collins-Robert concise French-English, English-French dictionary. London: Collins, 1981.

⁵ English-Russian, Russian-English Dictionary / K. Katzner (ed.). New York: Wiley, 1994.

Hate vs haine vs ненависть:

hate : intense dislike ; strong aversion.

haine : 1: Sentiment violent qui pousse à vouloir du mal à qqn et à se réjouir du mal qui lui arrive. ... 2: Aversion profonde pour qqch.

ненависть: Чувство сильной вражды и отвращения.

Hate is powerful : *intense* and *strong* in English ; *violent* and *profond(e)* in French ; *strong* (*сильно*) in Russian. Notably, the English and Russian versions seem to resemble each other : the big surprise is the French, which differentiates sharply (and surprisingly) between hate/hatred for *someone* and hate/hatred for *something*. But at *hate* Merriam-Webster's Collegiate Dictionary 11th Edition⁶ distinguishes between 1a : intense hostility and aversion usu. deriving from fear, anger, or sense of injury 1b : extreme dislike or antipathy : LOATHING <had a great [hate] of hard work>, which distinction may have a similar semantic basis. Moreover, *haine*, like *colère*, involves a boiling over of the negative emotions into *agressivité* or malicious *réjouissance* 'rejoicing'. All the more noteworthy, therefore, is the absence from these definitions of the items *anger*, *colère*, or *знев*, though *colère* turns up amongst the French examples.

Happy vs bonheur vs счастье:

happy: feeling or showing pleasure or contentment.

bonheur: Etat de la conscience pleinement satisfaite.

счастье: Чувство и состояние полного, высшего удовлетворения.

Here one must decide whether to investigate the adjective (eg *happy*) or the related noun (eg *happiness*): I've used COD's adjective but PR's and O's nouns. Unlike *anger* and *hate*, *happiness* in all three languages is neither *violent* nor *strong* nor *profound* nor *intense* — but in French it is *full* and in Russian *full* to the *highest* degree. Surprisingly, whereas all three dictionaries adduce *contentment* or *satisfaction* as criteria for happiness, only COD invokes *pleasure*. And only COD refers to both an inner state (*feeling*) and its outward manifestation (*showing*): compare the *agressivité* of PR's *colère*. On the other hand, only O offers both a feeling (*чувство*) and a state (*состояние*).

The definitions above are more similar than different — which I suppose suggests the underlying humanity common to the people who wrote them and those who will read them. But a basic problem is whether any or all of these emotions should be called a *feeling*, a *state*, or a *show* (manifestation).

Technically, by beginning each of its definitions with *Чувство*, O displays a marked tendency towards what is called "set defining"; ie,

---

⁶ Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. Springfield, Massachusetts, U.S.A., 2003.

defining similar items in similar ways, so that any differences stand out more clearly. It would have been possible, and perhaps desirable, for COD, PR, and O to begin each of its noun definitions in the same way. For instance (based on COD):

anger: a feeling of strong annoyance, displeasure, or hostility.

hate: a feeling of intense dislike or strong aversion.

happiness: a feeling or show of pleasure or contentment.

The use of set-defining facilitates the comparison of related items in a monolingual dictionary. But if used across dictionaries it can also facilitate *their* comparison. Needless to say, though, set-defining should not become a strait-jacket: it is meant not only to highlight similarities but also to expose differences, not to conceal them in a rigid armature.

However, as I've said before, no definition is ever definitive: none can swathe itself in the mantle of a scientific law; any may be subject to emendation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Илсон Р. The Lexicography of Concepts: the Crusades // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 22–25.
2. Ожегов С.И. (сост.) Толковый словарь русского языка / Под общ. ред. Л.И. Скворцова. М., 2015.
3. Collins English Dictionary. 12 th edition, Oxford University Press, Oxford, 2011.
4. Collins-Robert concise French-English, English-French dictionary. London: Collins, 1981.
5. Concise Oxford Dictionary. 12th edition. Oxford: Oxford University Press, 2011.
6. Dictionnaire Le Robert. Paris, 1988.
7. English-Russian, Russian-English Dictionary / К. Katzner (ed.). New York: Wiley, 1994.
8. Le Petit Robert. Paris, 1988.
9. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. Springfield, Massachusetts, U.S.A., 2003.
10. Oxford English Dictionary, 2nd Edition. 1989.

REFERENCES

1. Ipson R. 2020. The Lexicography of Concepts: the Crusades. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 22–25.
2. Ozhegov S.I. 2015. *Explanatory dictionary of the Russian Language*. L.I. Skvortsov (ed.). Moscow. (In Russ.)
3. Collins English Dictionary. 2011. 12th edition, Oxford University Press, Oxford.
4. Collins-Robert concise French-English, English-French dictionary. 1981. London, Collins.
5. Concise Oxford Dictionary. 2011. 12th edition. Oxford, Oxford University Press.
6. Dictionnaire Le Robert. 1988. Paris.
7. Katzner K. (ed.). 1994. *English-Russian, Russian-English Dictionary*. New York, Wiley.
8. Le Petit Robert. 1988. Paris.

9. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. 2003. Springfield, Massachusetts, U.S.A.
10. Oxford English Dictionary. 1989. 2nd Edition.

Статья поступила в редакцию 09.04.2022;
одобрена после рецензирования 11.05.2022;
принята к публикации 18.05.2022

The article was submitted 09.04.2022;
approved after reviewing 11.05.2022;
accepted for publication 18.05.2022

ОБ АВТОРЕ

Роберт Илсон — профессор, почетный научный сотрудник Университетского колледжа Лондона, Лондон, Великобритания, почетный член Европейской ассоциации лексикографии; robert.ilson@outlook.com

ABOUT THE AUTHOR

Robert Ison — Honorary Research Fellow of University College London, UK, Honorary Member of the European Association for Lexicography; robert.ilson@outlook.com

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВОДИДАКТИКИ РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

В.В. Сафонова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; euroschool@mail.ru*

Аннотация: В статье критически осмысливаются перспективы развития ценностно-ориентированного коммуникативного образования студентов средствами со-изучаемых языков, смоделированного с учетом социокультурного контекста бытия человека в пост-глобальном мире, отягощенном геополитическим противостоянием, политико-экономическими и культурно-языковыми конфликтами, прокси-войнами, атаками фейковой информации на мировидение индивида. В ней раскрываются трансдисциплинарные основы реализации аксиологического подхода к со-изучению языков и культур в университете, исходя из анализа результатов гуманитарных исследований и дидактического прочтения проектов документов о политике России по сохранению и укреплению ее традиционных духовно-нравственных ценностей. В статье обсуждается суть и дидактическое назначение проблемно-ориентированной образовательной среды (как при освоении студентами университетских курсов, так и во время внеаудиторного научного и научно-просветительского их сотрудничества с преподавателями при обращении к социально-заостренным проблемам современной жизни и при погружении в научное творчество в инновационных областях научного знания). Внимание читателя также привлекается к способам создания ценностно-маркированной научно-исследовательской культурной среды, способствующей, по мнению автора, компетентностному развитию студентов как проводников диалога культур и цивилизаций в их профессиональной и общественной деятельности, способных сохранять национальное и мировое культурное наследие и противостоять современному культурному вандализму, культурному империализму и культуре запрета, где бы они с этим не столкнулись.

Ключевые слова: высшая школа; лингводидактика; ценностно-ориентированное языковое образование; ценностно-ориентационное единство; трансдисциплинарная гуманитарная кооперация

doi:10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-136-148

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Сафонова В.В. Ценностно-ориентированное языковое образование в современном мире: актуальные проблемы и спорные вопросы лингводидактики российской высшей школы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 136–148.

VALUE-ORIENTED LANGUAGE EDUCATION IN THE MODERN WORLD: MODERN CHALLENGES AND CRITICAL ISSUES OF HIGHER SCHOOL LINGUODIDACTICS

Victoria V. Safonova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; euroschool@mail.ru

Abstract: This paper critically reflects on the perspectives of developing value-oriented communicative education through co-learned languages and cultures which is designed with the view to the sociocultural context of human existence in a post-global world burdened with geopolitical confrontation, political and economic conflicts, proxy wars, endless fake information attacks on the individual's world vision. It gives an insight into the transdisciplinary basis for implementing an axiological approach to value-oriented language-and culture education as an outcome of the author's transdisciplinary analysis of the Humanities researches and didactic reading of some draft documents related to Russia's policy on preserving its traditional spiritual and moral values in modern society. It also discusses the purposes of introducing problem-oriented educational environment that may give Russian students an opportunity to master university disciplines in an innovative way in the classroom, and outside the university classroom, to be much involved into public speaking activities on critical issues of modern life and its values, as well as into research cooperation and science promotion in innovative areas of scientific knowledge. The reader's attention is also drawn to some ways of creating a value-oriented and culture-bound research environment that helps to develop students' competences needed to be able to act as a promoter of the dialogue of cultures and civilizations in their professional life, able to preserve cultural heritage and counteract modern cultural vandalism, cultural imperialism and cancel culture whenever she or he comes across it.

Key words: tertiary education; linguodidactics; value-oriented language education; value-oriented unity; transdisciplinary humanities cooperation

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage".

For citation: Safonova V.V. (2022) Value-oriented language education in the modern world: modern challenges and critical issues of higher school linguodidac-

Любая система образования является по своей природе всегда ценностно-ориентированной, и языковое образование средствами со-изучаемых языков, естественно, не исключение в этом плане. Но весь вопрос состоит в том, а какие именно ценности и по каким социокультурным причинам доминируют или начинают доминировать в обществе, а затем становятся объектами образования, в том числе и университетского языкового образования в конкретной стране в тот или иной период развития человеческой цивилизации. Начиная с 80-х годов предыдущего столетия и по настоящее время в философии, культурологии, психологии, социологии, аксиологии, педагогике и других гуманитарных науках постоянно возрастает научный интерес к исследованию процесса ценностного освоения индивидом локализованного мира в его культурно-языковой среде и за ее пределами. Вследствие этого среди теоретических и прикладных трансдисциплинарных результатов можно выделить такие важные для ценностного измерения сути и динамики социализации личности в условиях современного университетского образования, как:

- определение понятийного содержания терминов «ценность», «ценностно-ориентированное воспитание» [Булатова, 2015], «ценностно-ориентационное единство», «предметно-ценностное единство»¹;
- наличие вариантов типологизации ценностей [Ягубова, 2016], функционирующих в культурно-языковых сообществах и социальных субкультурах;
- создание банка данных социологических исследований ценностных ориентаций представителей разных возрастных групп [Щанина, 2016] и студенческой молодежи [Гостенина, Лупенкова, 2010; Корж, 2010; Синельников, 2011; Ядова, 2012 и др.];
- признание необходимости опоры на аксиологический подход в современном образовании [Маслов, Маслов, 2013; Медведева, 2011, 2017; и др.], в том числе и в области коммуникативного образования средствами со-изучаемых языков [Аксиология иноязычного образования, 2015].

В последние годы в России стала еще острее ощущаться необходимость в глубоком осмыслении ценностного стержня российского общества в целом, и образования, в частности, и на государственном

---

¹ Карпенко Л.А., Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Краткий Психологический словарь. Ростов-н/Д., 1998.

уровне. Об этом свидетельствует появление в декабре 2021 г. «Проекта Указа Президента РФ об основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»², создание Института нравственной культуры³ в октябре 2021 г. Хотя рассматриваемый проект Указа Президента РФ получил поддержку большинства при его рассмотрении в Общественной палате РФ (с участием семи комиссий Палаты и приглашенных экспертов, депутатов, ученых, общественных деятелей), тем не менее были высказаны существенные концептуальные замечания по его содержанию и предложено привлечь его к онлайн-обсуждению на платформе Института нравственной культуры «Дискурсивно-оценочной Сетью». Все это отчасти свидетельствует о том, что пока не сформирована целостная гуманитарная трансдисциплинарная основа для выделения ключевых традиционных духовно-нравственных ценностей в РФ с целью их сохранения и укрепления в российском обществе.

И это положение дел отчасти объясняется тем, что, во-первых, пока не достигнуто научное соглашение касательно типологизации ценностей (в результате одна и та же ценность может быть включена в разные терминологические кластеры⁴); во-вторых, в педагогических исследованиях не уделяется внимание критериям в отбора тех или иных ценностей как объектов образования; в-третьих, отсутствуют: а) педагогический инструментарий для наблюдения за динамикой ценностного развития студентов университета на разных уровнях высшего образования; б) методика осуществления комплексного анализа диапазона социализирующего воздействия конкретной образовательной модели на личность студента; в) результаты сопоставительно-сравнительного исследования социализирующего

² Проект Указа Президента РФ «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=123967> (дата обращения: 19.06.22)] был разработан Российским НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва во взаимодействии с экспертами. В ходе общественного обсуждения, проходившего на официальном портале правовой информации с 21 января по 4 февраля 2022 г., к тексту документа поступило 1479 отзывов. В целом «за» документ проголосовало 100 760 пользователей портала, а «против» — 78928.

³ Институт нравственной культуры предложены следующие дополнения к приложениям Проекта Указа Президента РФ: «Развитие нравственности как основы личностного развития и государства», «Модельный закон об нравственности», «Национальная кадровая мобилизация».

⁴ См. классификацию ценностей в энциклопедическом словаре «Слово о человеке» [URL: <http://www.slovochel.ru/cenn-visshie.htm> (дата обращения: 19.06.22)], в котором одна и та же ценность, например, «справедливость» одновременно входит в восемь групп ценностей (высшие ценности, духовные ценности, абсолютные ценности, духовные ценности, общечеловеческие ценности, социальные ценности, политические ценности и в правовые ценности).

потенциала разных образовательных моделей. А тогда каким образом можно педагогически достигать ценностного единства в студенческой среде, не говоря о ценностном единстве разных поколений?

Отталкиваясь от энциклопедического определения термина «ценностное единство общества»⁵ и уточняя эту дефиницию с позиции лингвокультурной педагогики, под ценностным единством общества в этой статье понимается моральное и социально-психологическое состояние общественного сознания культурно-языкового сообщества или ряда культурно-языковых сообществ, существующих и взаимодействующих в конкретной стране. При наличии ценностно-ориентационного единства в ней *наблюдается* общность взглядов граждан на основополагающие морально-нравственные, этические и эстетические ценности бытия человека, *признаются* общие фундаментальные ценности их существования и развития, а также необходимость согласованности мнений об общем и особенном в ценностном восприятии современного поликультурного и многоязычного мира; *демонстрируется* целостность и непротиворечивость представлений граждан о перспективах развития страны в настоящем и будущем, ее культурно-исторической памяти; наличествует ориентация на неконфликтное разрешение противоречий между представителями разных страт, *осознается* необходимость поиска выхода из коммуникативно-когнитивного диссонанса в условиях национальной, межнациональной и международной коммуникации, *демонстрируется* социокультурная готовность и способность следовать культурно приемлемым нормам вербального и невербального поведения при взаимодействии с представителями разных культурно-языковых сообществ, социальных страт и социальных субкультур для расширения зоны диалога культур и цивилизаций, противодействия проявлениям культурного вандализма в XXI в. С позиции лингвокультурной педагогики формирование предметно-ценностного единства на языковых факультетах в России целесообразно должно быть ориентировано на:

- развитие эмоционального интеллекта студенчества в содружестве с развитием их интеллектуальной культуры;
- овладение технологиями защиты и сохранения традиционных общечеловеческих и национальных культурных ценностей, ценностей традиционной гуманистической морали и этики;
- овладение способами активного и продуманного противодействия всем видам культурного вандализма современного мира;

---

⁵ Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. 2013. URL: https://psychology_pedagogy.academic.ru/ (дата обращения: 19.06.22).

- признание диалога культур и цивилизаций как стиля жизни индивида, общества и страны, который является безальтернативным инструментом взаимообогащающего сосуществования стран и народов в постглобальном мире;

- раскрытие сути современного тоталитаризма Коллективного Запада и используемых им информационных технологий расчеловечивания современного общества, в основе которых *отказ от традиционных цивилизационных ценностей человеческого бытия, создание ценностных перевертышей (антиценностей* [Шаров, 2009]), *цифровая блокада инакомыслящих (включая их экономическую блокаду), продвижение русофобии в идеологических и политико-экономических целях, движение от «культуры запрета» к запрету культуры, милитаристское навязывание миру неокOLONиализма и неонационализма.*

Как известно, к средствам социализации современной личности, влияющим на степень морально-нравственного ценностное единство современного российского общества относятся: семья, религиозная или атеистическая среда обитания человека, интернет-среда, образовательное пространство, профессиональное сообщество, армия и полиция, общественные организации, общественные и профессиональные лидеры, лидеры культуры, науки и бизнеса (входящие в элиту общества⁶ политическую, экономическую, военную, научную, культурную, академическую, спортивную и др.). Поддерживая идею о необходимости усиления вклада университетского образования в формировании элит России в контексте государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, тем не менее следует признать, что будет нелегко ее воплотить педагогически в университетское образование в целом, и в языковое образование, в частности, в условиях современного социокультурного контекста бытия человека, в котором наблюдается нарастание жесткого ценностного противостояния геополитических сообществ (как на международном уровне, так и внутри государств и их культурно-языковых сообществ) в процессе геополитического сдвига и мучительного рождения нового миро-порядка.

Неоднозначная ситуация существует и в языковом образовании, особенно в сфере со-изучения языков и культур. С одной стороны, благодаря теоретическим и прикладным результатам исследований в этой области был осуществлен переход на межкультурную компетентностную парадигму языкового образования (которая впо-

---

⁶ В зависимости от морально-этических ценностных ориентаций элит их воздействие на молодежь может иметь позитивное или негативное социализирующее воздействие.

следствии стала парадигмой всего университетского образования при подготовке специалистов разных профилей), получили развитие культуроведчески-ориентированные подходы⁷ к коммуникативному образованию средствами со-изучаемых языков и культур. А, с другой стороны, при выборе конкретных ценностей как объектов языкового образования длительное время превалировали общеевропейские ценности, затем постепенно подошли к пониманию необходимости сбалансированности общеевропейских ценностей и национальных ценностей в образовательном пространстве. И только сравнительно недавно со всей остротой встал вопрос о безотлагательной необходимости переосмысления ценностного стержня социокультурной подготовки студентов в бакалавриате, магистратуре, специалитете и аспирантуре на языковых и неязыковых факультетах. Почему? Порой в вузе доминировали такие явления, как чрезмерная идеализация культурно-языковых стран со-изучаемого языка и культур/ры (в частности, англоязычного мира и европейских стран Старого Света), их ценностных ориентиров, неправомерная абсолютизация их вклада в мировой фонд культуры, науки и технологии, гиперболизация безупречности их историко-культурного пути развития в сравнении с Россией и т.п., отсутствие установки на ценностно-ориентированное обучение языкам, что еще порой усугублялось репродуктивным стилем вузовского обучения.

Для того чтобы определить хотя бы контуры современного ценностно-ориентированного обучения языкам обратимся первоначально к перечню традиционных⁸ российских духовно-нравственных ценностей, включенных в вышеупомянутый проект Указа Президента РФ, в котором обозначены следующие группы ценностей: *общечеловеческие ценности* (права и свободы человека, жизнь, достоинство, гуманизм), *социальные ценности* (справедливость, милосердие, коллективизм, единство народов России), *духовные ценности* (высокие нравственные идеалы, гражданственность, приоритет духовного над материальным, историческая память и преемственность поколений) и *морально-этические* (служение Отече-

---

⁷ Любопытно отметить, что целый ряд положений социокультурного подхода, представленный первоначально в теории и методике обучения иностранным языкам и воспитания средствами иностранного языка, получили широкую верификацию не только в педагогике, но и в других гуманитарных науках.

⁸ В проекте Указа Президента традиционные ценности рассматриваются как формирующие мировоззрение граждан России нравственные ориентиры, передающиеся от поколения к поколению, обеспечивающие гражданское единство, лежащие в основе российской цивилизационной идентичности и единого культурного пространства страны, нашедшие свое уникальное самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

ству и ответственность за его судьбу, крепкая семья, созидательный труд, взаимопомощь и взаимоуважение). В принципе, все они могут выступать как объекты образования. Однако следует ли ограничиваться только ими?

Учитывая тот факт, что на языковых факультетах осуществляется филологическая, педагогическая и межкультурная коммуникативно-когнитивная подготовка обучающихся как партнеров международного сотрудничества и плюрикультурных медиаторов, то очевидно, что ценностное наполнение языкового образования будет необходимо расширить за счет освоения студентами также художественно-эстетических ценностей, педагогических ценностей (социально-педагогические, групповые педагогические и личностно-педагогические ценности и ценности-средства) [Старикова, 2019], ценностных доминант межкультурного общения [Медведева, 2017] с учетом поликодowości (мульти-modalности, полимодусности, мультимедиальности) межкультурной коммуникации [Молчанова, 2021]. А в процессе становления студентов как исследователей предполагается также освоение ими *социокультурных (мировоззренческих) ценностей и внутринаучных (когнитивно-методологических) ценностей*, детерминирующих процесс научного познания [Кузьменко, 2017]. Освоение студентами рассмотренных выше совокупностей ценностей предполагает обязательно не репродуктивную, а проблемно-ориентированную образовательную среду в вузе, насыщенную познавательно-поисковыми и познавательно-исследовательскими видами деятельности на русском и иностранных языках, учебными проектами, учебными дискуссиями и круглыми столами (включая моделирование круглого стола экспертов), общественно-значимыми и профессионально-ориентированными научными дебатами по социально-заостренной общественно-значимой и актуальной научной тематике⁹ и проблематике совместно с представителями профессорско-преподавательского коллектива и вузовскими управленцами.

Функциональным назначением проблемно-ориентированной образовательной среды является формирование у студентов языковых факультетов таких качеств личности, как: 1) осознание себя как носителя культурно-исторической памяти своего народа, готовность и способность быть субъектом диалога культур (выпускник аспирантуры), кросс-культурным и плюрикультурным медиатором (начиная с бакалавриата и продолжая в магистратуре); 2) способность к критическому осмыслению цивилизационного развития культур-

⁹ К числу подобного рода архиважной научной тематики лингвистических дебатов можно отнести следующую: Когнитивная лингвоэкология и лингвотоксичность: как защитить язык от человека [Молчанова, 2016].

но-языковых сообществ (включая и свою собственную страну), континентальных/региональных/национальных/этнических культур, геополитических сообществ; 3) социальная, политическая, правовая зрелость; 4) осознание принадлежности к научной отечественной школе и способность ее представлять в международных научных сообществах; 5) научно-исследовательская устремленность и результативность; 6) аналитичность, глубина, целостность и диалектичность научного мышления, вербальная и невербальная академическая культура (включая билингвальную и поликультурную составляющие); 7) социальная, политическая, информационная, научная, эстетическая, управленческая, педагогическая, правовая, коммуникативная культура.

При этом важно осознавать, что формирование проблемно-ориентированной образовательной среды на языковых и других университетских факультетах целесообразно осуществлять как при освоении учебных дисциплин и оценивании их качества, так и в процессе внеаудиторной поддержки *билингвального* научно-образовательного и научного взаимодействия преподавателей и студентов. Эта внеаудиторная поддержка билингвального ценностно-ориентированного образования. Среди последних на языковых факультетах университетов целесообразно выделить:

а) ИКТ-поддерживаемое словесное и театрализованное творчество в монолингвальных, билингвальных и плюрилингвальных языковых клубах;

б) проведение междисциплинарных дискуссий на русском и иностранном языках онлайн и офлайн по актуальным проблемам России и ее видения будущего мира;

в) участие в дебатах по профессионально-профильной и социально-заостренной тематике и проблематике (построенных и с ориентацией на международные форматы их проведения);

г) создание редакционных коллективов для публикации электронных молодежных профессионально-профильных научных / научно-популярных журналов;

д) создание междисциплинарных блогов для укрепления содружества студентов разных факультетов в ценностном освоении мира и ознакомления с ценностным мировидением россиян, продвижения российских достижений в культуре, науке и образовании;

е) билингвальное и плюрикультурное общение на научно-образовательных, научных чаепитиях представителей той или иной научной школы.

Именно в условиях проблемно-ориентированной образовательной среды имеется возможность сформировать из современных студентов языковых факультетов будущую академическую элиту, подго-

товленную и способную действовать в условиях нарастания геополитического противостояния как субъект и проводник диалога культур, благодаря а): ценностному освоению мира своей страны и и других культурных миров; б) овладению совокупностью социально-востребованных общегуманитарных компетенций (*эмпатической, поликодовой, антиманипулятивной, билингвальной медиативной, конфликтологической, риторической и полемической компетенции*) [Сафонова, 2021], необходимых для отстаивания интересов России на международной арене, защиты национального и мирового культурного наследия, и противостояния социальным анти-ценностям¹⁰ истеблишмента Коллективного Запада; в) владению стратегией конструктивного партнерства в глокализованном мире, отягощенном политико-экономическими, геополитическими, цивилизационными и культурными/культурно-языковыми конфликтами, информационными и ментальными войнами; г) развитию стратегий и умений эффективно действовать в разных сферах коммуникации в условиях информационной войны; д) высокому уровню социальной, политической, информационной, научной, художественной, эстетической, управленческой, педагогической, правовой, коммуникативной культурой (в разных сферах межкультурной коммуникации); е) владению лингвокультурными форматами и средствами общественного самовыражения, которые можно признать как этически приемлемые, социально значимые, юридически оправданные, словесно и эстетически привлекательные для взаимодействия с людьми в конкретных сферах межкультурной коммуникации на русском и иностранном языках.

Итак, для педагогического моделирования востребованного ценностно-ориентированного языкового образования в современной России необходимо определить междисциплинарные основы сотрудничества для:

- достижения научного и научно-методического консенсуса относительно терминологического аппарата описания его сути;
- выделения ценностного ядра языкового образования в условиях геополитических противостояний и возникновения нового цивилизационного лица мира с ориентацией на национальные интересы России и с учетом особенностей ее взаимодействия в

---

¹⁰ К антиценностям современного мира относятся: культ эгоизма, культ вседозволенности, культ безнравственности и насилия, отрицание идеалов патриотизма и служения Отечеству, идеалов созидательного труда, конструктивного диалога культур, отрицание роли России как защитницы прав суверенных государств от нацизма и неонацизма, русофобию вплоть до «отмены культурного наследия России».

поликультурном, многоязычном и идеологически разнонаправленном мировом сообществе;

- выдвигая в лингводидактике высшей школы качественно новые цели, концепции, технологий обучения иностранным языкам и воспитания средствами иностранного языка, педагогического инструментария для отслеживания динамики ценностного компетентностного развития выпускников бакалавриата, магистратуры, специалитета и аспирантуры, способствующих созданию проблемно-ориентированного культурного пространства для плодотворного взаимодействия всех субъектов ценностно-ориентированного образования на со-изучаемых языках в процессе воспитания аналитически мыслящей творческой академической элиты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксиология иноязычного образования. Вып. 2. Кн. 2: Аксиологические аспекты иноязычной подготовки в вузе / Отв. за вып. А.К. Крупченко, А.Н. Кузнецов. М., 2015.
2. Булатова Н.Д. Традиции ценностно-ориентированного воспитания личности в педагогической системе Ю.А. Стрельцова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2008. Сентябрь–октябрь. С. 144–149.
3. Гостенина В.И., Лупенкова Е.Ю. Ценностные ориентиры и социальные факторы реформирования российской высшей школы // Среднерусский вестник общественных наук. Социология и жизнь. 2010. № 4. С. 43–48.
4. Корж Н.В., Щанина Е.В. Сравнительная характеристика ценностных ориентаций разных поколений россиян // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 1 (37). С. 143–152.
5. Кузьменко Г.Н. Философия и методология науки. М., 2017.
6. Маслов С.И., Маслов Т.А. Аксиологический подход в педагогике // Известия Тульского государственного университета. 2013. № 3–2. С. 202–212.
7. Медведева С.А. Реализация аксиологического подхода в системе высшего образования // Высшая школа сегодня. 2013. № 11. С. 61–63.
8. Медведева С.А. Модель формирования ценностных доминант межкультурного общения // Брянской государственной сельскохозяйственной академии. 2017. № 4(62). С. 67–72.
9. Молчанова Г.Г. Когнитивная лингвоэкология и лингвотоксичность: как защитить язык от человека // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 2. С. 7–14.
10. Молчанова Г.Г. Генеральная поликодовость коммуникативных модусов. Какой он, человек нового поколения? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 9–16.
11. Сафонова В.В. Социокультурный контекст перестройки гуманитарного образования в условиях глобальных геополитических противостояний в XXI веке // Коммуникативные модусы (коды) как средство формирования общегуманитарных компетенций человека нового поколения Материалы междисциплинарной научной конференции 27–28 мая 2021 г. М., 2021. С. 38–48.

12. Синельников А.Б. Ценностные ориентации российской и европейской молодежи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2011. № 1. С. 145–158.
13. Старикова Л.Д. История педагогики и философия образования: учебник и практикум для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М., 2019. Электронный ресурс: текст // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/434154> (дата обращения: 22.06.2022).
14. Шаров К.С. Перевернутые ценности современной реальности и государство // Ценности и смыслы. 2009. № 2. С. 16–26.
15. Язубова С.Я. Типологизация ценностей: социально-философский анализ // Социальная психология. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologizatsiya-tsennoy-tsennostey-sotsialno-filosofskiy-analiz> (дата обращения: 19.06.22).
16. Ядова М.А. Современное и традиционное в ценностях постсоветской молодежи // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 114–125.

REFERENCES

1. Aksiologiya 2015. *Aksiologiya inoyazychnogo obrazovaniya* [Axiology of foreign language education]. In A.K. Krupchenko, A.N. Kuznecov (eds.). Vyp. 2. Kn. 2. *Aksiologicheskie aspekty inoyazychnoj podgotovki v vuze*. Moscow, APKiPPRO. (In Russ.)
2. Bulatova N.D. 2015. Tradicii s cennostno-orientirovannogo vospitaniya lichnosti v pedagogicheskoy sisteme Yu. A. Strel'cova [Traditions of Value-oriented Personality Development in the Pedagogical System]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 5 (67), Sentyabr–oktyabr', pp.144–149. (In Russ.)
3. Gostenina V.I., Lupenkova E.Yu. 2010. Cennostnye orientiry i social'nye faktory reformirovaniya rossijskoj vysshej shkoly [Value Orientations and Social Factors of Reforming Russian Higher Education]. *Srednerusskij vestnik obshhestvennykh nauk. Sociologiya i zhizn'*, no. 4, pp. 43–48. (In Russ.)
4. Korzh N.V., Shhanina E.V. 2016. Sravnitel'naya karakteristika cennostnykh orientacij raznykh pokolenij rossiyan [Comparative Characteristics of Value Orientations of Different Russian Generations]. *Izvestiya vysshix uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki*, no.1 (37), pp. 143–152. (In Russ.)
5. Kuz'menko G.N. 2017. *Filosofiya i metodologiya nauki*. Science Philosophy and Methodology. Moscow, Izdatel'stvo Yurajt. (In Russ.)
6. Maslov S.I., Maslov T.A. 2013. Aksiologicheskij podxod v pedagogike [Axiological Approach in Pedagogy]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3–2, pp. 202–212.
7. Medvedeva S.A. 2013. Realizaciya aksiologicheskogo podxoda v sisteme vysshego obrazovaniya [Implementing Axiological Approach in the Higher Education System]. *Vysshaya shkola segodnya*, no. 11, pp. 61–63.
8. Medvedeva S.A. 2017. Model' formirovaniya cennostnykh dominant mezhkul'turnogo obshheniya [A Model of Developing International Communication Value Dominants]. *Bryanskoj gosudarstvennoj sel'skoxozyajstvennoj akademii*, no. 4 (62), pp. 67–72.
9. Molchanova G.G. 2016. Kognitivnaya lingvokologiya i lingvotoksichnost': kak zashhitit' yazyk ot cheloveka [Cognitive Linguoecology and Linguotoxicity: How to Protect Language from Humans?]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 7–14.
10. Molchanova G.G. 2021. General'naya polikodovost' kommunikativnykh modusov. Kakoj on, chelovek novogo pokoleniya? [General Polycode Character of Communi-

- cative modes. What is he, a Man of the new generation?]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 9–16.
11. Safonova V.V. 2021. Sociokul'turnyj kontekst perestrojki gumanitarnogo obrazovaniya v usloviyax global'nyxgeopoliticheskix protivostoyanij v XXI veke [Sociocultural Context of Tuning Humanities Education in the Era of Global Geopolitical Conflicts in the 21st Century]. *Kommunikativnye modusy (kody) kak sredstvo formirovaniya obshhegumanitarnyx kompetencij cheloveka novogo pokoleniya. Materialy mezhdisciplinarnoj nauchnoj konferencii 27–28 maya 2021 g.* Moscow, KDU, pp. 38–48.
  12. Sinel'nikov A.B. 2011. Cennostnye orientacii rossijskoj i evropejskoj molodezhi [Value Orientations of Russian and European Youth]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*, no.1, pp. 145–158.
  13. Starikova L.D. *Istorija pedagogiki i filosofija obrazovaniya: uchebnik i praktikum dlja vuzov. 3-e izd., ispr. i dop. M.*, 2019. Jelektronnyj resurs: tekst. Obrazovatel'naja platforma Jurajt [sajt]. URL: <https://urait.ru/bcode/434154> (data obrashhenija: 22.06.2022).
  14. Sharov K.S. 2009. Perevernutye cennosti sovremennoj real'nosti i gosudarstvo [Reversed Values of Modern Reality and the State]. *Cennosti i smysly*, no. 2, pp. 16–26.
  15. Yagubova S.Ya. 2016. Tipologizaciya cennostej: social'no-filosofskij analiz [Values Typology: A Socio-philosophical Analysis]. *Social'naya psixologiya*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologizatsiya-tsennostey-sotsialno-filosofskiy-analiz>. Lfnfj (accessed: 19.06.22).
  16. Jadova M.A. Sovremennoe i tradicionnoe v cennostjah postsovetskoj molodezhi. *Sociologicheskie issledovanija*. 2012. № 1. S. 114–125.

Статья поступила в редакцию 06.04.2022;
одобрена после рецензирования 06.05.2022;
принята к публикации 18.05.2022

The article was submitted 06.04.2022;
approved after reviewing 06.05.2022;
accepted for publication 18.05.2022

ОБ АВТОРЕ

Сафонова Виктория Викторовна — доктор педагогических наук, профессор факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; euroschool@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Victoria V. Safonova — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; euroschool@mail.ru

ПОЛИКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В ИЗУЧЕНИИ ПАРАЛЛЕЛЕЙ РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУР МАГИСТРАНТАМИ ИЗ КИТАЯ

Е.А. Невежина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; liza031190@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена опыту поликультурного обучения на примере курса «Культурные параллели русской и французской литератур» в рамках магистерской программы «Русский и французский языки и культуры», реализуемой на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, кафедра французского языка и культуры и кафедра сопоставительного изучения языков. Межкультурное взаимодействие как источник знаний в контексте обучения иностранному языку стало предметом исследований В.И. Фатющенко, С.Г. Тер-Минасовой, А.В. Павловской, Т.Ю. Загрязкиной, Ж. Дюверже, В. Телье и др. Помимо поликультурного компонента в статье освещается тема восприятия России и Франции китайскими учащимися, материалом для которой послужило проведенное онлайн анкетирование. Опрос показал следующие результаты: 1) китайской литературе близки сюжеты о «лишнем человеке», любви, добродетели, образах героев и героинь, отношениях поколений; 2) дискуссию среди магистрантов вызвали вопросы неверности, предательства, хитрости и морали.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие; образ России в литературе; образ Франции в литературе; поликультурность

doi:10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-149-160

Для цитирования: Невежина Е.А. Поликультурный компонент в изучении параллелей русской и французской литератур магистрантами из Китая // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 149–160.

POLY CULTURAL COMPONENT IN THE STUDY OF RUSSIAN AND FRENCH LITERATURE PARALLELS BY MASTER STUDENTS FROM CHINA

Elizaveta A. Nevezhina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; liza031190@rambler.ru

Abstract: The article is devoted to the experience of polycultural education on the example of the subject “Cultural Parallels of Russian and French Literature” within the master’s program “Russian and French Languages and Cultures”, implemented at the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies of Lomonosov

Moscow State University, Department of French Language and Culture and Department of Comparative Analysis of Languages. Intercultural interaction as a source of knowledge in the context of teaching a foreign language has become the subject of research by V.I. Fatyushchenko, S.G. Ter-Minasova, A.V. Pavlovskaya, T.Yu. Zagryazkina, J. Duverger, V. Tellier and others. In addition to the polycultural component, the article highlights the perception of Russia and France by Chinese students, studied by an online survey. The questionnaire showed the following results: 1) Chinese literature is close to subjects about the “superfluous person”, love, virtue, images of masculine and feminine characters, relationships between generations; 2) the discussion among master students was caused by questions of infidelity, betrayal, cunning and morality.

Key words: intercultural interaction; the image of Russia in literature; the image of France in literature; multiculturalism

For citation: Nevezhina E.A. (2022) Polycultural component in the study of Russian and French literature parallels by master students from China. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 149–160.

Введение

Феномен поликультурности подразумевает разнообразие культур, их взаимодополняемость; диалог и полилог культур являются неотъемлемыми условиями сосуществования. Как педагогический принцип поликультурность предусматривает создание условий для взаимодействия обучающихся и преподавателей в роли носителей разных равноценных культур с учетом их специфики¹. В зависимости от «особенностей, связанных со способами восприятия, мышления и в целом с когнитивной сферой, во многом определяется успешность межкультурного взаимодействия, в том числе процесса обучения иностранным языкам» [Крюкова, 2022: XX].

Обучение иностранному языку через культуру стало аксиомой: по мнению Л.В. Полубиченко, «изучение художественной литературы должно носить и носит сугубо прикладной характер. И по форме, и по содержанию оно должно быть подчинено решению основных задач — профессиональному освоению иностранных языков и культур, овладению навыками перевода, межкультурной коммуникации, преподавания» [Полубиченко, 2012: 149]. В данной статье речь пойдет о необходимости исследовать и показывать культурные параллели через художественный текст, а именно через литературу России и Франции XVIII–XIX вв., в среде магистрантов-носителей китайского языка, которые осваивают три иностранных языка одновременно — русский (основной), французский (второй)

¹ Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языком) / Сост. Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. М., 2009. С. 203.

и английский (факультативный) — в рамках магистерской программы. Особенности этой аудитории можно определить словами Т.Ю. Загрязкиной: это «трансграничное, гибридное пространство, точка пересечения границ — культурных, социальных, языковых, др.» [Загрязкина, 2022: 72]. О.А. Крюкова отметила, что для данной аудитории «важно учитывать не только существенные различия в системах французского и китайского языков на всех уровнях, но принимать во внимание разницу приемов изучения иностранных языков, обусловленных национально специфическими особенностями речевого поведения, когнитивных стратегий и культуры», компоненты которых также описаны О.А. Крюковой: внимание к этической проблематике, обучение как устоявшийся ритуал, применение заучивания как базового подхода, соблюдение иерархии, эмоциональная сдержанность и автономность учащегося, приоритет чтения как вида речевой деятельности и пр. [Крюкова, 2022: 81].

По утверждению французской исследовательницы В. Телье, проработавшей несколько лет в России, французская образовательная модель «не отделяет язык и литературу» [Tellier, 2018: 40], при этом «само понятие сравнительного изучения литератур предоставляет благоприятную возможность для изучения Другого² и развития диалога между Я и Другим» [Tellier, 2018: 5]. В. Телье показывает взаимодействие языка и литературы на примере «мезо- и микро-чередования кодов, характерных для двуязычного образования» [Tellier, 2018: 43]. Под мезопереклещением, или мезочередованием, кода подразумевается последовательный переход с одного языка на другой между большими частями дидактического взаимодействия [Duverger, 2007]. Микропереклещение — это случайное переформулирование, объяснение на другом языке в рамках одного высказывания [L'alternance des langues]. Таким образом, нами была предпринята попытка создать «интегрированный курс, содержащий не спорадические сопоставления, а полноценные чередования и переключения кодов русской и французской культур на фоне родной культуры учащихся» [Загрязкина, 2022: 70]. При использовании поликультурного подхода в освоении курса параллелей русской и французской литератур особая роль отводится изучению вариативности культур страны/региона, взаимодействию культур нескольких стран, что способствует развитию у студентов представлений «о культурном разнообразии как норме сосуществования и взаимного развития культур» [Сысоев, 2004: 99; Сафонова, 1991].

² Под словом «Другой» подразумеваются и русский, и французский миры (цивилизации).

Сходства и различия установок и ценностей по-особенному воспринимаются учащимися, о чем свидетельствуют их оценки прочитанных произведений и обнаруженных в них параллелей. Сопоставление художественных текстов вызвало неоднозначную реакцию магистрантов, для которых и русская, и французская литература представляет иной культурный ареал, иные традиции и «культурные коды». Однако неоднозначная реакция не мешает все возрастающему любопытству студентов, а напротив, стимулирует желание познать «иное»/«Другого».

Интерес к русскому и французскому языкам и их мирам менялся с течением времени [Загрязкина, 2017: 27–41; Загрязкина, 2009: 29–42; 32–45; Zagryazkina, 2018: 48–61], однако большой приток иностранных, в частности, китайских студентов, на факультет иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова доказывает, что сейчас имидж двух языков в глазах китайских студентов положителен. Исходя из российских статистических данных от 2020 г., «за последние пять лет количество китайских студентов в российских вузах увеличилось на 100%»³; в 2022 г. в вузах РФ обучается 32,6 тыс. граждан КНР⁴, доля иностранных студентов в университетах списка RAEX-100 достигла уровня 12%⁵.

Особенности курса

Лекционный курс «Культурные параллели французской и русской литератур» был прочитан в осеннем семестре в 2020 и 2021 гг.; продолжительность — один семестр, 36 акад.ч. Объектом курса является ряд произведений русской и французской литератур, предметом — культурные параллели между ними, что подразумевает рассмотрение общего и различного в культурах двух стран на примере общечеловеческих ценностей, как-то: семья, любовь, дружба, свобода, честь, счастье, творчество, религия, отношение поколений и пр. на фоне исторических событий. Целью курса является ознакомление иностранных студентов с особенностями ряда произведений так называемой классики литературы⁶ в контексте разнообразия

³ Деловой портал о бизнесе с Китаем ChinaLogist. URL: <https://chinalogist.ru/news/za-pyat-let-kolichestvo-kitayskih-studentov-v-rossiyskih-vuzah-uvlechilos-na-100-19017> (дата обращения: 04.05.2022).

⁴ Пресс-центр Минобрнауки. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=51810 (дата обращения: 04.05.2022).

⁵ Рейтинг университетов RAEX. URL: https://raex-rr.com/education/universities/rating_of_universities_of_russia?utm_source=telegram (дата обращения: 04.06.2022).

⁶ См. определение: Классика — творения, признанные образцовыми в мировой литературе (Словарь литературоведческих терминов / Под ред. С.П. Белокуровой, 2005. URL: <http://grammar.ru/LIT/?id=3.0&page=1&wrд=%CA%CB%C0%D1%D1%C8%CA%C0&bukv=%CA> (дата обращения: 02.05.2022).

культур. Актуальность данного курса может быть подтверждена словами профессора А.В. Ващенко: «... история литературы породила значительный ряд писателей, сделавших предметом своих идейно-художественных исканий именно кросскультурную проблематику — отношения человека и природы; место человека в мире; отношения традиционной культуры и цивилизации, футурология, компаративистика культур, наука и религия и т.п.» [Ващенко, 2012: 453].

Одной из задач курса было вдохновить студентов к прочтению литературных произведений, говоря словами Л.В. Полубиченко, «акцент необходимо переносить ... на пробуждение и стимулирование интереса к чтению классической литературы, особенно в оригинале, превращение его в потребность на всю жизнь и на структурирование и систематизацию как уже имеющихся, так и будущих знаний студентов об изучаемой литературной традиции» [Полубиченко, 2012: 152]. Для курса выбраны следующие произведения: сказки Ш. Перро («Золушка, или хрустальная туфелька», «Кот в сапогах», «Красная шапочка», «Ослиная шкура»); Мольер «Мещанин во дворянстве», «Скупой»; Ж. де ля Фонтен, Басни; О. де Бальзак «Отец Горио»; В. Гюго «Отверженные»; Э. Золя «Жерминаль»; Стендаль «Красное и черное»; Г. де Мопассан, Новеллы; Г. Флобер «Госпожа Бовари»; сказки, собранные А.Н. Афанасьевым («Кошей Бессмертный», «Царевна-лягушка», «Лиса и журавль», «Морозко»); сказки А.С. Пушкина («Сказка о попе и о работнике его Балде», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о золотом петушке»); Д.И. Фонвизин «Недоросль»; А.С. Грибоедов «Горе от ума»; И.А. Крылов, Басни; М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»; А.С. Пушкин «Евгений Онегин»; И.С. Тургенев «Отцы и дети»; Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»; Л.Н. Толстой «Анна Каренина»; и рассказы А.П. Чехова. Формат курса подразумевает чтение отрывков текстов на языке оригинала с учетом уровня группы.

Подача материала осуществляется в большей степени по хронологическому принципу, однако за основу берутся следующие параллели: например, сравниваются романы «Госпожа Бовари» (1856) и «Анна Каренина» (1877) с целью выявления особенностей образа женщины, семьи; «Красное и черное» (1830) и «Преступление и наказание» (1866) — для изучения образов главного героя и вопросов чести и совести; романы «Отец Горио» (1835) и «Отцы и дети» (1862) — с точки зрения отношения поколений; сказки России и Франции — в аспекте моральных установок, любви и дружбе. Речь не шла о литературоведческом анализе или масштабных сопоставлениях: сравнивались отдельные произведения в рамках обозначенных проблем.

Материалы для курса отбирались с учетом русских и французских лингвистических, культурологических и литературоведческих исследований, а также курсов преподавателей факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (профессоры и преподаватели: И.Л. Анастасьева, Н.В. Бунтман, Т. Буэно, И.В. Васильева, А.В. Ващенко, М.К. Голованивская, А.А. Давыдов, Т.Ю. Загрязкина, М.М. Лоевская, Ю.С. Овчинникова; исследователи: Т.П. Буслакова, Л.И. Вольперт, А.Н. Горбунов, А.И. Журавлева, А. Купри, А.Я. Кучеров, Н.И. Либан, Ю.М. Лотман, Вл.А. Луков, С. Макашин, Д.С. Мирский, Н. Оддо, Д Пажо, Л. Ролин, В. Телье, Ж. Фербер, А.Л. Штейн, М.Н. Черневич, Н.И. Якушин, М.А. Яхонтова)⁷. Помимо этого, был использован УМК издательства *CLE International* « *Littérature progressive du français* »⁸, который является дополнительным ресурсом к курсу по миру франкофонии для изучающих французский язык на уровне A1/A2 по шкале CECR и содержит оригинальные отрывки из литературных текстов и вопросы к ним. Авторы пособия справедливо утверждают, что «литература — перекресток межкультурности (*interculturalité*): она сталкивает читателя с ценностями, которые ему не всегда близки. Противоречивые голоса, звучащие в ней, позволяют избежать сосредоточения на однозначном видении мира»⁹. С учетом концепции данного пособия из произведений русской литературы были выбраны фрагменты, сформулированы вопросы, которые высылаются учащимся заранее. Таким образом, занятия приобретают интерактивный характер.

Восприятие культурных явлений учащимися

По окончании лекционного курса учащиеся пишут эссе. Из полученных работ следует, что наибольшее внимание учащихся привлекли произведения «Евгений Онегин», «Анна Каренина», «Отец Горио» и «Госпожа Бовари». Помимо этого, магистрантам было предложено заполнить краткую анонимную анкету. Были получены ответы от всех прослушавших курс, всего — 19 человек. Анкета преследовала цель узнать предпочтения китайских магистрантов и провести параллели с их родной культурой. Анкетирование было

⁷ Более подробно анализ исследований и курсов, а также библиография представлены в статье: Невежина, 2021: 151–166.

⁸ *Littérature progressive du français*. 2e édition. Niveau débutant / N. Blondeau, F. Alloquache, M.-F. Né (eds.). P., 2013.

⁹ Там же. P. 7.

проведено онлайн с помощью системы *Wufoo*, доступной в Китае¹⁰. Результаты представлены в таблице.

Таблица

Результаты анкетирования китайских магистрантов

Вопрос	Ответы и комментарии
Предпочтения среди французских писателей	В. Гюго — 80%; О. де Бальзак — 42%; Г. Флобер — 35%; Э. Золя — 5 % (1 голос)
Предпочтения среди произведений французской литературы	«Красное и черное», «Госпожа Бовари» — по 42%; «Отверженные» — 35%; «Отец Горио» — 26%; «Жерминаль» — 5% (1 голос)
Предпочтения среди русских писателей	А.С. Пушкин — 85%; Л.Н. Толстой — 73%; И.С. Тургенев — 69%; И.А. Крылов — 11%
Предпочтения среди произведений русской литературы	Сказки А.С. Пушкина, «Анна Каренина» — по 63%; «Евгений Онегин» — 47%; Русские народные сказки, «Отцы и дети», рассказы А.П. Чехова — по 37%; «Недоросль» — 11 %
Наиболее интересная тема	Любовная линия — 58%; «Загадочная русская душа», «лишний человек» ¹¹ , образ мужчины — по 42%; Образ женщины — 32%; Басенное творчество России и Франции — 16%
Комментарии о русской литературе ¹²	«В русской литературе много французского языка»; «Я приятно удивлен иронической критикой невежества и феодальной иерархии в обществе»; «Долгосрочные войны. Дуэль между мужчинами за женщину. Печальная жизнь крестьян. Красивая природа»; «Меня огорчила любовь во многих русских литературных произведениях. Она часто не имеет хэппи-энда. Например, истории любви Евгения Онегина, Анны Карениной и других очень грустны»; «Описание любви в русской литературе меня удивило: многие женщины предали своих мужей и даже бросили своих сыновей в поисках любви и свободы»; «В русской литературе образ «лишнего человека» поразило меня, они показали нам эпоху перемен в новых и старых обществах, смутений и тревог аристократичной молодежи, и еще больше нас информировали о проблемах, которые существовали в российском обществе в то время».

¹⁰ Русская и французская литературы (анкета). URL: <https://nevezhina.wufoo.com/forms/z1387ssw0rmzk88/> (дата обращения: 05.05.2022).

¹¹ Термин «лишний человек» стал активно использоваться в литературной критике после публикации повести И.С. Тургенева «Дневник лишнего человека» (1850).

¹² Комментарии приводятся без коррекции.

Вопрос	Ответы и комментарии
Комментарии о французской литературе	«Меня впечатлила беззаветная любовь Квазимодо к Эсмеральде. Самое главное для человека — иметь доброе сердце, даже если он некрасиво выглядит, он сияет славой человеческой натурой» («Нотр-Дам де Пари» изучался факультативно); «Роскошная жизнь высшего класса. У французов более положительные отношения к деньгам»; «Французы считают себя потомками галлов, наследуют так называемый галльский дух», стремятся к беззаботной радости и любят насмехаться над другими»; «Мне кажется печальным, что старик Горио в “Отец Горио” отдаёт всего себя своему ребенку, но ребенок не ценит его и бросает. Я думаю, что баловство может сделать ребенка неуправляемым»; «Французская литература и русская литература имеют много общего в литературе о любви. Во французской литературе очень тонкое описание характеров и характерных черт»; «Мне нравятся работы Бальзака. Он нарисовал великолепный образ французского общества»
Произведения, которые бы учащиеся рекомендовали к прочтению	«Анна Каренина» — 74%; «Евгений Онегин» — 58%; Сказки А.С. Пушкина — 53%; Французские сказки, «Красное и черное», «Отец Горио», русские народные сказки — по 37%; «Жерминаль», басни И.А. Крылова — по 5%

Сюжеты о «лишнем человеке» оказались близки китайской литературе, как отметили респонденты. Помимо этого в китайской культуре популярны темы любви (такое мнение высказало 79% ответивших), пороков и добродетелей в обществе (мнение 68%), а также сходны с литературой России и Франции образы мужчин, женщин и тема отношения поколений.

Такие темы, как неверность и предательство в семье и в дружбе, хитрость, (само)убийство вызывали бурную полемику у учащихся. Например, вопрос, заданный одним из магистрантов: «Почему Каренин не позволил Анне общаться с сыном?» — навел на рассуждения о морали, воспринимаемой по-разному в разных странах и регионах. Неприятие вызывали поведение Евгения Онегина по отношению к Татьяне, «милого друга» Жоржа Дюруа — к женщинам. Мотивы к самоубийствам героинь Анны Карениной и Эммы Бовари не были поняты магистрантами: «Мы это не принимаем/не понимаем».

В оставленных комментариях учащиеся обратили внимание на социальные вопросы, поднятые в литературе, на любовные сюжеты, которые всегда трагичны, на национальные менталитеты и на общечеловеческие ценности; параллели двух культур стали для них

более очевидными: «Я считаю, что французская литература и русская литература очень интересны. Они имеют глубокие темы и конкретную историческую подоплеку. Когда я читаю эти произведения, я чувствую особенности жизни людей той эпохи. Я буду рекомендовать эти произведения своей семье и друзьям». Некоторые магистранты изъявили желание прочитать другие произведения российских и французских писателей.

Заключение

В заключение стоит отметить, что работа с иноязычной аудиторией требует постоянного анализа, поскольку не только перед студентами, но и перед преподавателем встает вопрос взаимоотношения «Я и Другой» как аспект поликультурного взаимодействия. Анализ восприятия китайскими учащимися двух «других» для них культур — русской и французской — подтверждает мысль В. Телье: «Сравнительный подход позволяет затронуть ...самые сложные вопросы, связанные с родной культурой учащихся» [Tellier, 2018: 45]. Действительно, иноязычные студенты могут многое рассказать о своей культуре в сравнении с русской и французской, о том, как Россия и Франция воспринимаются в Китае. Их рассуждения дают богатый материал для осмысления. Помимо этого «двухязычное образование способствует процессу концептуализации, развивает исследовательские навыки у ученика, позволяя ему приобретать знания на двух языках одновременно, а также осознавать, что язык — это явление культуры, часть которой — знания (*les savoirs*)» [Tellier, 2018: 43].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бунтман Н.В. Художественный текст: культурные и языковые параллели (на примере России и Франции) // Современный французский язык: теоретический и прикладной аспекты (*Langue française, état actuel, problèmes théoriques et pratiques*). Сборник статей кафедры французского языка ФИЯР МГУ / Под ред. Н.В. Бунтман. М., 2014. С. 82–96.
2. Ващенко А.В. Магическое зеркало: литература в диалоге культур // Диалог культур в условиях глобализации: XII Международные Лихачевские научные чтения, 17–18 мая 2012 г. Т. 1: Доклады. СПб., 2012. С. 452–455.
3. Загряжкина Т.Ю. Лингвистическая идеология и ценности общества в контексте обучения французскому языку и культуре Франции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2. С. 27–41.
4. Загряжкина Т.Ю. Следы Франции в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 3. С. 29–42.
5. Загряжкина Т.Ю. Следы Франции в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 4. С. 32–45.
6. Загряжкина Т.Ю. Факторы «гибридность» и «граница» в контексте языкового образования и функционального полилингвизма // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 61–76.

7. *Крюкова О.А.* Обучение французскому языку в поликультурной образовательной среде: лингвистический и культурологический аспекты // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 77–88.
8. *Невежина Е.А.* Культурологические параллели русской и французской литературы: первый опыт и первые итоги курса // Франкофония в поликультурном пространстве: Посвящается 270-летию Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова / Под ред. Т.Ю. Загрязкиной. М., 2021. С. 151–166.
9. *Павловская А.В.* О специальности «Регионоведение» на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова // Учебные программы. Специальность «Регионоведение». Ч. I. Общегуманитарные и общепрофессиональные дисциплины. М., 2007. С. 4–20.
10. *Полубиченко Л.В.* Роль и место художественной литературы в подготовке современного лингвиста // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 4. С. 145–157.
11. *Сафонова В.В.* Социокультурный подход к обучению иностранным языкам. М., 1991.
12. *Сысоев П.В.* Культурное самоопределение в условиях языкового поликультурного образования // Иностранные языки в школе. 2004. № 4. С. 96–110.
13. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
14. *Фатющенко В.И.* Русский мир в контексте мировых цивилизаций. 2006. URL: <http://regionalstudies.ru/publication/monograph/fatushenko.html> (дата обращения: 01.05.2022).
15. *Duverger J.* Didactiser l’alternance des langues en cours de DNL // Tréma. 2007. № 28. URL : <http://journals.openedition.org/trema/302> ; DOI : 10.4000/trema.302 (дата обращения: 01.05.2022).
16. L’alternance des langues. URL: http://formacion.intef.es/pluginfile.php/212848/mod_imscp/content/1/121_lalternance_des_langues.html (дата обращения: 01.05.2022).
17. *Tellier V.* L’enseignement de la littérature en classe bilingue francophone en Russie // Recherches et applications. Le français dans le monde. Entrées historiques et diversité de l’enseignement du français dans l’espace russophone / Coord. par Tatiana Zagryazkina. 2018. № 63. P. 36–47.
18. *Zagryazkina T.* Le français en Russie: images de la France et idéologies linguistiques aux XXe-XXIe siècles // Recherches et applications. Le français dans le monde. Entrées historiques et diversité de l’enseignement du français dans l’espace russophone / Coord. par Tatiana Zagryazkina. 2018. № 63. P. 48–61.

REFERENCES

1. Buntman N.V. 2014. *Hudozhestvennyj tekst: kul’turnye i jazykovye paralleli (na primere Rossii i Francii)* [Literary text: cultural and linguistic parallels (on the example of Russia and France)] In N.V. Buntman (ed.) *Sovremennyj francuzskij jazyk: teoreticheskij i prikladnoj aspekty (Langue française, état actuel, problèmes théoriques et pratiques). Sbornik statej kafedry francuzskogo jazyka FIJaR MGU* [Modern French language: theoretical and applied aspects (Langue française, état actuel, problèmes théoriques et pratiques). Collection of articles of the Department of French language FFL MSU]. Moscow, pp. 82–96. (In Russ.)
2. Vashhenko A.V. 2012. *Magicheskoe zerkalo: literatura v dialoge kul’tur* [Magic Mirror: Literature in the Dialogue of Cultures]. *Dialog kul’tur v uslovijah global-*

- izacii: *XII Mezhdunarodnye Lihachevskie nauchnye chtenija*, 17–18.05.2012. Vol. 1: reports. Saint Petersburg, pp. 452–455. (In Russ.)
3. Zagryazkina T.Yu. 2017. Lingvisticheskaja ideologija i cennosti obshhestva v kontekste obuchenija francuzskomu jazyku i kul'ture Francii [Linguistic ideology and values of society in the context of teaching the French language and culture of France]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 27–41. (In Russ.)
  4. Zagryazkina T.Yu. 2009. Sledy Francii v Rossii [Traces of France in Russia]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 29–42. (In Russ.)
  5. Zagryazkina T.Yu. 2009. Sledy Francii v Rossii [Traces of France in Russia]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 32–45. (In Russ.)
  6. Zagryazkina T.Yu. 2022. Faktory “gibridnost” i “granica” v kontekste jazykovogo obrazovanija i funkcional'nogo polilingvizma [Factors “hybridity” and “border” in the context of language education and functional multilingualism]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 61–76. (In Russ.)
  7. Kryukova O.A. 2022. Obuchenie francuzskomu jazyku v polikul'turnoj obrazovatel'noj srede: lingvisticheskij i kul'turologicheskij aspekty [Teaching French in a multicultural environment: linguistic and cultural aspects]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 77–88. (In Russ.)
  8. Nevezhina E.A. 2021. *Kul'turologicheskie paralleli ruskoj i francuzskoj literatur: pervyj opyt i pervye itogi kursa* [Culturological parallels of Russian and French literature: the first experience and the first results of the course] In Zagryazkina T.Yu. (ed.) *Frankofonija v polikul'turnom prostranstve: Posvjashaetsja 270-letiju Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosova*. Moscow, Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost'ju IZDATEL'STVO “NAUKA”, pp. 151–166. (In Russ.)
  9. Pavlovskaya A.V. 2007. O special'nosti “Regionovedenie” na fakul'tete inostrannyh jazykov i regionovedenija MGU imeni M.V. Lomonosova [About the specialty “Regional Studies” at the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies of Lomonosov Moscow State University]. *Uchebnye programmy. Special'nost' «Regionovedenie»*. Ch. I. *Obshhegumanitarnye i obshheprofessional'nye discipliny*. Moscow, pp. 4–20. (In Russ.)
  10. Polubichenko L.V. 2012. Rol' i mesto hudozhestvennoj literatury v podgotovke sovremennogo lingvisty [The role and place of fiction in the training of modern linguists]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 145–157. (In Russ.)
  11. Safonova V.V. 1991. *Sociokul'turnyj podhod k obucheniju inostrannym jazykam* [Sociocultural approach to teaching foreign languages]. Moscow. (In Russ.)
  12. Sysoev P.V. 2004. Kul'turnoe samoopredelenie v uslovijah jazykovogo polikul'turnogo obrazovanija [Cultural self-determination in the conditions of multicultural language education]. *Inostrannije jazyki v shkole*, no. 4, pp. 96–110. (In Russ.)
  13. Ter-Minasova S.G. 2000. *Jazyk i mezhkul'turnaja komunikacija* [Language and intercultural communication]. Moscow. (In Russ.)
  14. Fatjushhenko V.I. 2006. *Russkij mir v kontekste mirovyh civilizacij* [Russian world in the context of world civilizations]. URL: <http://regionalstudies.ru/publication/monograph/fatushenko.html> (accessed: 01.05.2022). (In Russ.)

15. Duverger J. 2007. Didactiser l'alternance des langues en cours de DNL. *Trema*, no. 28. URL: <http://journals.openedition.org/trema/302>; DOI: 10.4000/trema.302 (accessed: 01.05.2022).
16. L'alternance des langues. URL: http://formacion.intef.es/pluginfile.php/212848/mod_imscp/content/1/121_lalternance_des_langues.html (accessed: 01.05.2022).
17. Tellier V. 2018. *L'enseignement de la littérature en classe bilingue francophone en Russie* In Zagryazkina T.Yu. (ed.) *Recherches et applications. Le français dans le monde. Entrées historiques et diversité de l'enseignement du français dans l'espace russophone*, no. 63, pp. 36–47.
18. Zagryazkina T. 2018. *Le français en Russie: images de la France et idéologies linguistiques aux XXe–XXIe siècles* In Zagryazkina T.Yu. (ed.) *Recherches et applications. Le français dans le monde. Entrées historiques et diversité de l'enseignement du français dans l'espace russophone*, no. 63, pp. 48–61.

Статья поступила в редакцию 15.04.2022;
одобрена после рецензирования 15.05.2022;
принята к публикации 18.05.2022

The article was submitted 15.04.2022;
approved after reviewing 15.05.2022;
accepted for publication 18.05.2022

ОБ АВТОРЕ

Невежина Елизавета Андреевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; liza031190@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elizaveta A. Nevezhina — PhD in Philology, Senior Lecturer at the department of French language and culture, Faculty of foreign languages and area studies, Lomonosov Moscow State University; liza031190@rambler.ru

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРЫ

ПЕЙЗАЖНЫЙ ЖАНР КАК ОБЪЕКТ КРИТИКИ В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ РУБЕЖА 1920–1930-х годов

И.И. Руцинская

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; irinaru2110@gmail.com*

Аннотация: Рубеж 1920–1930-х годов — один из самых противоречивых периодов в истории советской культуры. В его изучении до сих пор имеется множество лагун. В частности, остается недостаточно исследованной проблема трансформации творческих и идеологических программ многих художественных объединений, существовавших в стране на протяжении послереволюционного времени. В представленной статье исследуется решительное ужесточение позиции Ассоциации художников революционной России (АХРР) — наиболее массовой и влиятельной художественной организации послереволюционного времени — по отношению к пейзажному жанру. Первоначально нейтральная, эта позиция стала резко критической, даже нетерпимой на рубеже 1920–1930-х годов. Анализ десятков статей, написанных идеологами АХРР, раскрывает, как вырабатывались новые, «революционные» критерии описания и оценки пейзажных полотен, как формировалась разветвленная система обвинений и набор обязательных требований к жанру. Он все чаще рассматривался как жанр реакционный, позволявший укрываться от современных реалий, либо, напротив, «протаскивать» в советскую живопись чуждые ей буржуазные ценности. Менявшееся отношение к пейзажу позволяет также проследить трансформации эмоциональной матрицы эпохи, отказ от передачи сложных, нюансированных чувств, долгое время воспринимаемых как базисная характеристика русской пейзажной живописи. Тщательно разработанная критиками Ассоциации система отрицания пейзажа была отвергнута советской культурой уже к середине 1930-х годов. Однако события рубежа 1920–1930-х годов демонстрируют, как живописный жанр становился заложником движения культуры в сторону все более радикальных, «левых» идеологических установок.

Ключевые слова: пейзаж; жанр; советская живопись; художники; критики; АХРР; журналы; идеология

doi:10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-161-171

Для цитирования: Руцинская И.И. Пейзажный жанр как объект критики в советской культуре рубежа 1920–1930-х годов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 161–171.

LANDSCAPE GENRE AS AN OBJECT OF CRITICISM IN SOVIET CULTURE AT THE TURN OF THE 1920S–1930s

Irina I. Rutsinskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; irinaru2110@gmail.com

Abstract: The turn of the 1920s–1930s is one of the most controversial periods in the history of Soviet culture. There are still many gaps in its study. In particular, the problem of transforming creative and ideological programs of many post-revolutionary art associations remains insufficiently analyzed. The article examines the most influential art organization of the post-revolutionary period — the Association of Artists of Revolution (AKhRR) — taking a more radical stance towards the landscape genre. Initially neutral, this position became extremely critical, even intolerable at the turn of the 1920s and 1930s. An analysis of dozens of articles written by the ideologues of AKhRR reveals the ways how new, “revolutionary” criteria for describing and evaluating landscape paintings were developed and how an extensive system of accusations and a set of mandatory requirements for the genre were formed. Landscape was mostly seen as a “reactionary” genre, that made it possible to hide from modern reality, or, on the contrary, to “smuggle” in the Soviet art alien bourgeois values. The changing attitude towards the landscape also makes it possible to trace the transformation of emotional matrix of the era — the refusal to convey complex feelings, that for a long time were perceived as a basic characteristic of Russian landscape painting. The system of denying the landscape, so carefully developed by the members of the Association, was rejected by Soviet culture already in the mid-1930s. However, the events of the turn of the 1920s and 1930s demonstrate how the pictorial genre became a hostage to the movement of culture towards more radical, “leftist” ideological attitudes.

Key words: landscape; genre; Soviet painting; artists; critics; AKhRR; magazines; ideology

For citation: Rutsinskaya I.I. (2022) Landscape genre as an object of criticism in Soviet culture at the turn of the 1920s–1930s. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 161–171. (In Russ.)

На протяжении трех последних десятилетий искусствоведы и культурологи не единожды писали о том, что отношения авангарда и советского реалистического искусства невозможно сводить к традиционной схеме противостояния. Видеть в них только два противоположных полюса, не имеющих точек соприкосновения, значит упрощать картину художественной жизни страны 1920–1930-х годов. Конечно, исследования Б. Гройса [Гройс, 2013], И. Голомштока [Голомшток, 1994], А.И. Морозова [Морозов, 1995], В.З. Паперного [Паперный, 1996], Е.З. Деготь [Деготь, 2000], В.С. Манина [Манин, 1999, 2008], в которых был представлен анализ неоднозначной и противоречивой истории советского искусства, принимаются с

пиететом и, как правило, не оспариваются. Однако это вовсе не означает, что упомянутое стремление к упрощению полностью исчезло из современных работ. По-прежнему появляются публикации, в которых соцреализм, вышедший на арену в 1930-х годах, рассматривается не иначе как «могильщик» авангарда. Что же касается изучения того, как перекликались, притягивались и отталкивались художественные течения и объединения, исповедовавшие авангардные и реалистичные начала на протяжении 1920 — начала 1930-х годов, то здесь застывшие схемы особенно часто «празднуют» свой успех. Одна из главных — представление о неизменности идеологии и риторики различных объединений на протяжении указанного периода¹. Левые — в первую очередь «ЛЕФ» — предстают как бескомпромиссные противники станковой живописи, борцы за производственное искусство, исповедовавшие теорию «социального заказа». Их противником, традиционно располагаемым исследователями на другом конце идеологического спектра, выступает Ассоциация художников революционной России (АХРР), отвергавшая любые, даже не самые авангардные «измы», защищавшая станковое искусство, опиравшаяся на реализм передвижнического толка.

Такая формула, вполне адекватная для первых послереволюционных лет (насколько адекватной может быть любая характеристика, свернутая до нескольких коротких словосочетаний), неоправданно распространяется на все искусство «досталинского» периода, тем самым игнорируются серьезные трансформации, имевшие место на рубеже 1920–1930-х годов, — трансформации, приводившие к идеологическому сближению двух полюсов.

В данной статье мы не собираемся повторять тексты известных авторов. Мы обратимся к конкретному аспекту в истории отечественного искусства, для которого учет указанной динамики чрезвычайно важен и который практически не становился предметом специального изучения: отношение к пейзажному жанру в контексте русской культуры рубежа 1920–1930-х годов. Речь идет не столько об истории искусства, сколько об истории идеологий и художественных концепций.

Сразу отметим, что нас будут интересовать трансформации, связанные с Ассоциацией художников революционной России — самым массовым и влиятельным художественным объединением указанного времени, а также наиболее показательным в своей эволюции.

---

¹ Вплоть до 1932 г., когда все они были упразднены постановлением «О перестройке литературно-художественных объединений».

Источниками для анализа выступают публикации в прессе. Ассоциация издавала свои собственные журналы, полноценно отражавшие ее позиции по ряду вопросов. Ежемесячный журнал «Искусство в массы» выходил на протяжении 1929–1930 годов. Затем его название было изменено, и в 1931–1932 гг. журнал назывался «За пролетарское искусство». Таким образом, весь последний этап существования Ассоциации представлен на страницах издания.

Временной отрезок с 1928 по 1932 г. представляет собой наименее изученный период в истории советского искусства. Как отмечает Е.З. Деготь, он оказывается «затерявшимся» между двумя обрамлявшими его эпохами: «Во-первых, живопись частичной буржуазной реставрации эпохи нэп... И, во-вторых, искусство «большого террора» и одновременно “большого стиля”» [Деготь, 2010: 136]. Этот оставшийся малозаметным период в истории культуры определяется такими событиями, как сворачивание нэпа, разработка первого пятилетнего плана, коллективизация, борьба с кулачеством, развертывание репрессий против «старой интеллигенции». Сталинский «левый поворот» не мог не отразиться на ситуации в искусстве.

Начало происшедшего «культурного разрыва» осознали и отразились многие деятели культуры, называя 1928 г. рубежным. Снова и снова об этом говорили на конференциях, писали на страницах книг и журналов: «Процессы, характерные для развития советской живописи в истекшем году, показывают, что... на наших глазах совершается коренной перелом, не заметить который могут только надевшие себе на глаза шторы ограниченности буржуазного подхода к искусству живописи»².

Для Ассоциации художников революционной России указанный «коренной перелом» был еще более очевиден. В 1928 г. состоялся I съезд АХРР, принявший новую декларацию и изменивший название объединения. Вместо прежнего, имевшего региональную ориентацию (Ассоциация революционных художников России), оно стало демонстрировать стремление к обретению интернационального масштаба: Ассоциация Художников Революции (АХР). Произошла своеобразная «левая перестройка» АХР. Станковизм отныне предполагалось органично соединить с производственным искусством, прежние передвижнические традиции осудить, отказавшись «от эпигонства, изжившего протоколизма, пассивного отражения... революции»³. Но главным требованием становилась «радикальная политизированность и понимание искусства как классово-борьбы» [Мамедов, Шаталова, 2014]. Так, в 1929 г. центральный совет Ассо-

² Коллективная статья. Основные моменты в развитии советской живописи // Ежегодник литературы и искусства на 1929 год. М., 1929. С. 491.

³ Очередные задачи АХР // Искусство в массы. 1929. № 1–2. С. 5.

циации обратился к своим организациям с призывом: очищаться от «людей... понимающих искусство как нечто отвлеченное, аполитичное и служащее только отдыхом человеку, удовлетворению его эстетических чувств» [Манин, 2008: 78]. В результате подобных изменений Ассоциация максимально сблизилась с «левыми» объединениями и стала представлять собой «авангард того периода» [Мамедов, Шаталова, 2014].

В рамках новой программы требовалось вести более последовательную борьбу с тем, что считалось буржуазными пережитками, с аполитичностью, с нежеланием или неумением участвовать своим искусством «в деле построения рабочим классом нового общества». Данные требования привели к ужесточению риторики, превращению художественной критики в жанр идеологических обвинений. Под огнем оказались и отдельные произведения, и художники, и художественные объединения, и некоторые из живописных жанров. В число «гонимых» и «преследуемых» был включен пейзаж. Борьба нового АХР с ним была бескомпромиссной. Фраза «пейзажи теперь никому не нужны»⁴ стала рефреном.

Обвинения и призывы, звучавшие на рубеже 1920–1930-х годов со страниц ахровских журналов, практически невозможно отличить от тех, которые провозглашались в «Новом Лефе». Да, конечно, левовцы отрицали станковое искусство как таковое, а ахровцы — его отдельные жанры. Но система доводов, набор претензий, лексика поражают своим сходством. Так, в 1927 г. О. Брик обличал: «Среди именующихся пролетарскими поэтов и писателей замечается определенная тяга перейти на так называемые общечеловеческие темы. Выражается это в том, что они начинают писать о явлениях природы, о любви, о радостях и горестях жизни и тому подобных исконных поэтических темах, ни к чему не обязывающих и никакого, конечно, отношения к сегодняшнему политическому дню не имеющих»⁵. А в журнале «Искусство в массы» в адрес художника-пейзажиста звучало: «он бежит от стройки социализма к голубым озеркам, стареющим дачам, воспекает прелести Бахчисарая, оставаясь глухим к нашим дням, пафосу и трудностям социалистического строительства... Здесь не только любование ушедшей стариной, здесь чувствуется попытка воскрешения этого отжившего»⁶.

Пейзаж окончательно был объявлен жанром, внедрявшим в советское искусство отжившие нормы, буржуазные ценности, причем

⁴ *Вирковский И.* Мне кажется, что пейзажи теперь никому не нужны // Искусство в массы. 1930. № 9. С. 17.

⁵ *Брик О.* За политику // Новый ЛЕФ. 1927. № 1. С. 19.

⁶ *Ляховец Д.* «Опавшие листья», или Конец обывателям. О выставке общества Куинджи в Ленинграде // Искусство в массы. 1930. № 5. С. 9.

данное обвинение звучало не только в адрес «чистого пейзажа». Индустриальные образы, изображения колхозной действительности столь же часто трактовались как контрреволюционные. Например, указывалось, что художник П. Кузнецов «под видом социалистического строительства в Крыму или крымского колхоза контрабандно проволакивает идиллически-пастушеские пасторали»⁷, а выставки художественного объединения «4 искусства» демонстрируют «консервацию уже отживших образов, эстетическое “засахаривание” боевой и бурной действительности, акцент на внешней, сугубо формальной красности»⁸; Общество Куинджи, в художественной практике которого пейзаж по определению занимал главное место, ахровские идеологи требовали немедленно закрыть, поскольку любые попытки членов этого Общества создать произведения с современной тематикой «революционны только в каталоге. На деле — жалкое приспособленчество, подхалимство, трюкачество»⁹. Таким образом, обращение к современной тематике не гарантировало художнику снисходительной оценки его работ, оно было необходимым, но не достаточным условием. Указывалось, что существуют иные критерии, позволявшие «пропустить» тот или иной пейзаж в революционное настоящее. Однако эти критерии скорее подразумевались. Требования имели весьма обобщающий характер: «Нам нужен пейзаж, выражающий всей силой живописного образа творческую целеустремленность рабочего класса»; «Только в повседневной практике рабочего класса, только помогая ему в строительстве социализма, только непосредственной борьбой за пятилетку, за выполнение промфинплана, за коллективизацию деревни... можно создать пролетарское искусство, его стиль и форму»¹⁰.

Поиск критериев происходил «от противного», через детальные описания того, каким не должен быть пейзаж. По публикациям этих лет можно составить каталог вредных, антиреволюционных, буржуазных пейзажей, и этот каталог будет весьма внушительным. Обвинительный лексикон выкристаллизовывался и оттачивался от номера к номеру.

В частности, не меньшим злом, чем «тоска по прошлому», «уход от политически-злостороннего» была объявлена повышенная способность произведений транслировать индивидуализм вместо кол-

⁷ *Артов Д.* «Они воздерживаются» (о выставке «Социалистическое строительство в советском искусстве») // За пролетарское искусство. 1931. № 2. С. 16.

⁸ *Омега И.* Художественная контрабанда или кого и как обслуживают «4 искусства» // Искусство в массы. 1930. № 4. С. 10.

⁹ *Ляховец Д.* Указ. соч. С. 9.

¹⁰ *Северденко А.* По поводу выставки Богородского // За пролетарское искусство. 1931. № 3–4. С. 36.

лективизма: «У нас не может быть места пейзажу, воспевающему минутные переживания и настроения индивидуума»¹¹. Обязательным спутником обвинений в индивидуализме становились обвинения в созерцательности, мечтательности. Эти качества были внесены в список недопустимых, подлежащих преследованию: «Природа для класса революционного не предмет для благодушного созерцания или любования, а поле для деятельности. Вместо изображения какого-либо бурного потока в густой чаще можно взять предметом для изображения бурлящие потоки воды, бьющие из турбины электростанции»¹².

Анализ статей позволяет сформировать весомый список недопустимых для советского пейзажа качеств. Помимо «любования» и «созерцания», убийственную иронию вызывали определения «настроение», «грусть», «тоска», «меланхолия»; классово-неприемлемыми оказывались эпитеты «нежный», «ночной», «безлюдный», «неподвижный», «туманный», «лиричный», «пассивный», «мрачный», «унылый» и т.д.

Отталкиваясь от этих заклинаний, критики постепенно приходили к формулировке чего-то прямо противоположного, именно оно и определялось в качестве позитивного и современного. В итоге сложились допустимые и необходимые свойства революционного пейзажа. Жанр мог получить право на существование, если:

- был посвящен исключительно изображению современных реалий, отвергая любые объекты, идущие из прошлой жизни;
- был солнечным и жизнерадостным, внушал зрителю бодрый и оптимистичный взгляд на жизнь;
- всем своим строем демонстрировал динамичность и активное созидательное начало;
- его стилистика не содержала никаких формальных ухищрений, полотно было написано в реалистической манере.

Пейзаж рассматривался исключительно в качестве приложения к созидательной деятельности пролетариата. Он не мыслился без человека. Что бы не изображал художник на полотне — от гор и лесов до заводов и электростанций — все запечатленное должно было рассматриваться как некий отраженный свет: «Пейзаж (для революционного художника) приемлем 1) как изображение поля приложения энергии к перелицовке сельской местности, 2) как изображение мощных богатств, как бы зовущих к приложению энергии, 3)... как изображение подчинения сил природы воле общественного

¹¹ Гапоненко Т. Ответ на статью Кузьмина // Искусство в массы. 1930. № 10–11. С. 20.

¹² С.Д. О революционном натюрморте. Отклики читателя // Искусство в массы. 1929. № 7–8. С. 30.

человека»¹³. Природа выступала исключительно как некая материя для «приложения энергии», «подчинения», «преобразования». Любая иная форма взаимодействия человека и природы, кроме деятельно-преобразовательной, клеймились как буржуазные практики.

Отношение к пейзажу со всей наглядностью демонстрирует, насколько изменилась эмоциональная матрица эпохи. На протяжении нескольких веков в европейской и русской культуре происходило конструирование, усложнение, нюансирование той гаммы чувств и переживаний, которые испытывает человек, создающий или воспринимающий живописный пейзаж. На рубеже 1920–1930-х эта гамма была полностью отброшена, осмеяна. Осмеяна сама идея испытывать эмоции при восприятии природного мотива или его изображения в литературе или живописи. «Бедный Гоголь! Раньше плакал бы ты от восторга, теперь, верно, плачешь с досады. Полно, утешься! На твоей Руси еще много слунтяев, которые трут себе форменным рукавом слезами набухшие “очи”»¹⁴, — писал художник Т. Гапоненко, побывавший на строительстве Днепрогэса и увидевший днепровские ландшафты новым взглядом советского человека.

Последовательно отстаивая требования эмоционального аскетизма для пейзажной живописи, критики АХР, как это ни парадоксально звучит, оказывались в роли людей, абсолютно признающих за самим жанром огромный потенциал эмоционального воздействия. По их версии, стоит художнику написать «неправильный» пейзаж, исполненный «контрреволюционных» чувств и настроений — и вот уже зритель заражен тоской, меланхолией, пассивностью: «Ее объективная роль — вселять страх, ужас перед всепобеждающей стихией»¹⁵ (о картине А.М. Герасимова «Чернозем»); «Художнику нравится эта грусть, он дезорганизовывает ею зрителя»¹⁶ (о намерениях А.В. Куприна).

Поражает «сила замаха», неустанное внимание к теме. Редкий номер журнала обходился без жесткой критики того или иного пейзажного полотна. Казалось бы: неужели же это столь важная задача — отслеживать особенности изображения лесов, озер, полей. Несформированная эстетика тематической картины этого времени должна была бы вызывать куда больше вопросов, чем произведения,

¹³ С.Д. О революционном натюрморте. Отклики читателя. С. 30.

¹⁴ Гапоненко Т. Зовы жизни. Из дневника // Искусство в массы. 1929. № 5–6.

С. 11.

¹⁵ Ф.К «Чернозем» А. Герасимова // За пролетарское искусство. 1931. № 6.

С. 18.

¹⁶ Артов Д. «Они воздерживаются» (о выставке «Социалистическое строительство в советском искусстве» // За пролетарское искусство. 1931. № 2. С. 17.

стоящие, согласно заявлениям АХР, «на обочине» художественного процесса.

Очевидно, пейзаж, при всей его кажущейся общедоступности и простоте, оказывался жанром «ускользающим» от однозначных трактовок, к которым так стремились идеологи АХР. Его многозначность тревожила: художник может включить в изображение колонну тракторов или современный металлургический комбинат, уйти от требуемой ясности интерпретации за счет своей формальной и эмоциональной составляющей. Достаточно было поменять освещение, как сразу же возникали сомнения и вопросы: что хотел сказать художник? Яркий пример — картины А.В. Куприна, посвященные заводу имени Г.П. Петровского в Днепропетровске: художник написал индустриальный мотив в «вечернем сумеречном свете»¹⁷ и обратил «очертания заводских строений в мягкий призрачный силуэт»¹⁸, в итоге, по мнению критика Д. Артова, вся революционность тематики полностью перечеркивалась: «современный и нужный» пейзаж неумолимо обретал качества контрреволюционности.

Многозначность вместо определенности, нюансированная гамма чувств вместо простоты эмоций, зависимость вкладываемых смыслов от языка изображения вместо тотальной подчиненности его содержанию, — все это превращало живописный пейзаж в поле не художественных, а идеологических баталий. Он олицетворял то, против чего на рубеже 1920–1930-х годов Ассоциация подняла знамя бескомпромиссной борьбы — «искусство для отдыха человека, для удовлетворения его эстетических чувств».

Требование запретить, убрать из художественного пространства все, что противоречит представлениям о нужном и современном искусстве, бесспорно, «левая» идея по своей природе. Кого только не призывали самые революционные деятели искусства «сбросить с парохода современности». Как известно, практически все призывы остались нереализованными. Не был сброшен и пейзаж. Ситуация вокруг него поменялась неожиданно и быстро. Несколько лет подряд АХР упорно направлял свои стрелы против жанра, разработал стройную систему обвинений, и в тот момент, когда, казалось, цель близка как никогда, все эти усилия были отброшены забыты почти в одночасье. Идеологический, мировоззренческий, эстетический разворот, который В.З. Паперный [Паперный, 1996] назвал заменой «культуры один» на «культуру два», оказался спасительным для жанра.

---

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

Очень быстро была разработана новая риторика, оправдывавшая пейзаж. Тон задала речь М. Горького на I съезде писателей (1934). Классик с высокой трибуны объявил: «Мы всё еще плохо видим действительность. Даже пейзаж страны резко изменился, исчезла его нищенская пестрота, голубоватая полоска овса, рядом с нею — черный клочок вспаханной земли, золотистая лента ржи, зеленоватая — пшеницы, полосы земли, заросшей сорными травами, а в общем — разноцветная печаль всеобщего раздробления, разорванности.

В наши дни огромные пространства земли окрашены могуче, одноцветно»¹⁹. М. Горький подарил художникам и искусствоведам довод, необходимый для реабилитации жанра: советский пейзаж обладает особенными отличительными чертами, он свидетельствует о преобразующей деятельности пролетариата и колхозного крестьянства, а значит, достоин того, чтобы быть запечатленным советскими художниками. Довод был подхвачен и развит. Уже к середине 1930-х годов те произведения, которые порицались и отрицались, вдруг стали образцами современного и нужного искусства.

Конечно, и после «перелома» 1934 г. данный жанр не мог претендовать на высокие позиции в системе советской иерархии. Они были отданы тематической картине и портрету. Однако он мог рассчитывать на позитивную оценку и освобождение от того, чтобы жанровые признаки превращались в маркеры контрреволюционности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Голомиток И.* Тоталитарное искусство. М., 1994.
2. *Гройс Б.* Gesamtkunstwerk Сталин. М., 2013.
3. *Дёготь Е.Ю.* Русское искусство XX века. М., 2000.
4. *Деготь Е.Ю.* Эстетическая революция культурной революции, или Концептуальный реализм // Наше наследие. 2010. № 93–94. С. 135–147.
5. *Мамедов Г., Шаталова О.* Искусство в массы: художественные практики культурной революции 1920–1930-х годов в Центральной Азии // Вернуть будущее. 2014. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/8701-vernut-budushee> (дата обращения: 12.03.2022).
6. *Манин В.С.* Искусство и власть. Борьба течений в советском изобразительном искусстве 1917–1941 годов. СПб., 2008.
7. *Манин В.С.* Искусство в резервации. Художественная жизнь России 1917–1941 гг. М., 1999.
8. *Морозов А. И.* Конец утопии. Из истории искусства в СССР 1930-х годов. М., 1995.
9. *Паперный В.З.* Культура Два. М., 1996.

¹⁹ *Горький А. М.* Советская литература. Доклад на Первом всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 года. URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-266.htm> (дата обращения: 21.02.2022).

REFERENCES

1. Golomshtok I. 1994. *Totalitarnoe iskusstvo* [Totalitarian art]. Moscow, «Galart». (In Russ.)
2. Grois B. 2013. *Gesamtkunstwerk Stalin* [Gesamtkunstwerk Stalin]. Moscow, “Ad Marginem Press”. (In Russ.)
3. Degot’ E.Yu. 2000. *Russkoe iskusstvo XX veka* [Russian art of the XXth century]. Moscow, “Trilistnik”. (In Russ.)
4. Degot’ E.Yu. 2010. *Esteticheskaya revolyutsiya kul’turnoi revolyutsii, ili Kontseptual’nyi realizm* [The Aesthetic Revolution of the Cultural Revolution, or Conceptual Realism]. *Nashe nasledie*, no. 93–94, pp. 135–147. (In Russ.)
5. Mamedov G., Shatalova O. 2014. *Iskusstvo v massy: khudozhestvennye praktiki kul’turnoi revolyutsii 1920–1930-kh godov v Tsentral’noi Azii* [Art to the masses: artistic practices of the Cultural Revolution of the 1920s–1930s in Central Asia]. Vernut’ budushchee. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/8701-vernut-budushee> (accessed: 12.03.2022). (In Russ.)
6. Manin V.S. 2008. *Iskusstvo i vlast’. Bor’ba techenii v sovetskom izobrazitel’nom iskusstve 1917–1941 godov*. Saint Petersburg, «Avrora». (In Russ.)
7. Manin V.S. 1999. *Iskusstvo v rezervatsii. Khudozhestvennaya zhizn’ Rossii 1917–1941 gg.* [Art and power. Struggle of currents in the Soviet fine arts of 1917–1941]. Moscow, «Editorial URSS». (In Russ.)
8. Morozov A.I. 1995. *Konets utopii. Iz istorii iskusstva v SSSR 1930-kh godov* [The end of utopia. From the history of art in the USSR of the 1930s]. Moscow, «Galart». (In Russ.)
9. Papernyi V.Z. 1996. *Kul’tura Dva* [Culture Two]. Moscow, «Novoe literaturnoe obozrenie». (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.04.2022;
одобрена после рецензирования 16.05.2022;
принята к публикации 18.05.2022

The article was submitted 12.04.2022;
approved after reviewing 16.05.2022;
accepted for publication 18.05.2022

ОБ АВТОРЕ

Руцинская Ирина Ильинична — доктор культурологии, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; irinaru2110@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Irina I. Rutsinskaya — Dr. habil in Culturology, Professor, Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; irinaru2110@gmail.com

ПРОБЛЕМА РУСИФИКАЦИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ В ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИОНЕРСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Н.В. Карташева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; natkartasheva@gmail.com*

Аннотация: Во второй половине XIX в. в Российской империи активно развивался процесс нациестроительства. Важной частью этого процесса были различные формы ассимиляции этнических меньшинств, определяемые понятием «русификация». Это понятие весьма неоднозначно трактуется в современных социокультурных и исторических исследованиях. В качестве конструктивного выхода из сложившейся ситуации предлагается проводить ситуационный анализ процесса русификации, конкретизирующий условия и акторов межкультурного взаимодействия [Миллер, 2010]. В статье рассматривается отношение видных представителей Забайкальской и Алтайской миссии к русификаторским аспектам христианизации. Особое внимание уделяется позиции забайкальского миссионера Вениамина (Благонравова), считавшего «обрусение» необходимым условием успешности проповеди христианства. В отличие от западных окраин империи, где процесс русификации получил отчетливое политико-правовое выражение, в Сибири русификация в большинстве случаев происходила как стихийный процесс, осуществляющийся в ходе взаимодействия коренного населения с различными социальными группами русских (крестьянами, промысловиками, чиновниками, ссыльными). Одними из значимых проводников русского языка и культуры в регионе были миссионеры. При этом условия взаимодействия миссионеров и коренного населения отличались в разных сибирских областях. В статье отмечены разногласия в понимании миссионерами необходимости русификации в процессе христианизации местного населения, отмечены факторы, влияющие на трактовку задач и методов миссионерской деятельности, в частности, специфика локальной культурной ситуации, степень социальной организации автохтонного населения и особенности его традиционных верований.

Ключевые слова: русификация; православная миссия; Российская империя; нациестроительство; Вениамин (Благонравов); церковная периодика

doi:10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-172-183

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Карташева Н.В. Проблема русификации коренных народов Сибири в православной миссионерской публицистике второй половины XIX века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 172–183.

RUSSIFICATION OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA IN THE ORTHODOX MISSIONARY PUBLICISM OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Natalia V. Kartasheva

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
natkartasheva@gmail.com*

Abstract: In the second half of the 19th century the Russian Empire engaged in the active process of nation-building. Essential to it was the process of Russification, or the various forms of assimilation of ethnic minorities. This term is one of the controversial and ambiguous concepts in modern historical, social and cultural research. The article suggests a constructive approach to this issue which implies situational analysis of the process of Russification through specifying the conditions and actors of intercultural interaction. The article examines the understanding of Russification as an aspect of the process of Christianization, expressed by several prominent representatives of the Transbaikal and Altai missions. It focuses on the opinion of a Transbaikal missionary Veniamin (Blagonravov), who considered Russification a necessary condition for the success of preaching Christianity. Unlike in the western borderlands of the empire, where Russification took a distinct political and legal turn, in most cases in Siberia it occurred as a spontaneous process carried out through the interaction of the indigenous population with various social groups of the Russian people (artisans, government officials, exiles). Missionaries were among the most significant agents and mediators of the Russian language and culture in the region. At the same time, the conditions of interaction between missionaries and the indigenous population varied in different Siberian regions. The article reveals the differences in the understanding of the need for Russification in the process of Christianization of the local population by the missionaries and highlights the factors influencing the interpretation of the tasks and methods of missionary activity, in particular, the specifics of the local cultural situation, the degree of social organization of the indigenous peoples and the peculiarities of their traditional beliefs.

Key words: Russification; Orthodox mission; Russian Empire; nation-building; Benjamin (Blagonravov)

Funding: This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Kartasheva N.V. (2022) Russification of the Indigenous Peoples of Siberia in the Orthodox Missionary Publicism of the Second Half of the 19th Cen-

Проблема взаимоотношений народов, населявших Российскую империю, — одна из наиболее значимых в изучении истории и современного состояния российского общества. В наши дни российские и зарубежные ученые рассматривают ее в контекстах национального строительства, межкультурного взаимодействия, имперской культурной экспансии, колониализма и др. Термин «русификация» часто встречается в этих исследованиях, однако, применяется порой к совершенно различным явлениям. Если в недавнем прошлом этот термин означал исключительно государственную политику империи, «направленную на тотальную денационализацию и ассимиляцию всех населявших империю этнических групп» [Миллер, 2002: 134], то сегодня можно встретить абсолютно различные, порой противоположные интерпретации этого понятия, трактующие русификацию как естественный результат культурного взаимодействия; как насильственное насаждение властями языка и культуры; как добровольную смену идентичности через изучение языка, принятие крещения и/или жизненного уклада русских; как перевод на русский язык делопроизводства и т.д. Русификация предстает и как деятельность центра по отношению к окраинам, и как объективно происходящий в пространстве империи процесс культурной унификации. Общая размытость и нечеткость термина усугубляется наличием целого ряда родственных понятий, также лишенных закрепленной и общепринятой интерпретации: ассимиляция, аккультурация, инкорпорация, обрусение, слияние, цивилизация, христианизация и проч.

Известный американский исследователь Роберт Джераси в работе «Окно на Восток», рассматривая межэтнические процессы, происходившие в Казани и Поволжско-Уральском крае, говорит о необыкновенном разнообразии понимания российским обществом процесса русификации. Он представляет этот разброс мнений как некий континуум, на одном полюсе которого расположена модель однородной нации-государства, т.е. нации, которая стремится к полной интеграции всех мелких народов, сделав их неотличимыми от русских, а на другом полюсе — абсолютно ненациональная, мультикультурная империя, которая никоим образом не стремится изменить идентичность своих подданных [Джераси, 2013: 26]. Обширный спектр суждений о задачах русификации, промежуточных между двумя крайностями, приводит к выводу о неоднозначности

этого термина, об отсутствии четкого понимания того, что за процесс имеется в виду, причем эта смысловая неопределенность и размытость присуща как дореволюционным спорам, так и современным исследованиям [Крот, Дмитриева, 2018].

Один из наиболее компетентных в современных исследованиях империи историк Алексей Миллер в качестве выхода предложил ситуативный подход к изучению русификации. В его основе — понимание русификации как конкретных процессов, форм социального взаимодействия, для понимания которых «следует выявить всех вовлеченных в это взаимодействие акторов, понять логику (в том числе субъективную мотивацию) их поведения, учесть особенности обстоятельств, в которых это взаимодействие происходит» [Миллер, 2012: 136]. Разнообразие участников и ситуаций, в которых происходил процесс, называемый «русификация», представляет собой, по замечанию А. Миллера, «нескончаемое поле вариантов». Таким образом, в стремлении точнее определить содержание понятия «русификация» мы приходим к необходимости изучать русификации как различные социокультурные процессы, происходившие в разное время в различных частях империи с разным составом действующих лиц. В нашей статье мы хотели бы обозначить вопрос русификации коренных народов восточной Сибири так, как его понимали участники процесса — сибирские миссионеры.

В отличие от западных окраин Российской империи (Прибалтики, Финляндии, Польши, Молдавии), в которых русификация была частью государственной политики [Долбилов, 2010, Земскова, 2002], облекалась в конкретные правовые документы и решения местных и центральных властей, в Сибири русификация имела более стихийный, неупорядоченный характер. Ее проводниками были представители разных социальных групп русского населения — крестьяне-переселенцы, чиновники, промысловики, торговые люди, ссыльные. Особое место среди них занимают священнослужители-миссионеры, главной задачей которых была христианизация, а русификация понималась ими как неизбежное, желательное или нежелательное следствие обращения в православие [Софронов, 2007].

Одним из источников изучения миссионерских взглядов на русификацию народов Сибири является миссионерская публицистика. Пореформенный период в истории России характеризуется активизацией издательского дела и значительным ростом периодических изданий, как столичных, так и региональных. Не была исключением и церковная пресса [Рункевич, 1901]. Например, после 1860 г. в 63 епархиях Русской Православной церкви появились свои периодические

издания, в частности, епархиальные ведомости. В Сибири это Томские, Тобольские, Забайкальские, Иркутские, Омские, Камчатские, Благовещенские, Якутские и Енисейские епархиальные ведомости.

Во второй половине XIX в. в церковной и в светской периодике, а также в отдельных изданиях, публиковалось значительное число миссионерских сочинений — выдержки из писем и дневников, духовные поучения, путевые и этнографические заметки. В них авторы часто затрагивали культурные аспекты своего служения, в том числе рассуждали о соотношении процессов христианизации и обрусения. Так, архиепископ Иркутский и Нерчинский Вениамин, один из активных деятелей русского православного миссионерства второй половины XIX в., решительно высказывался за необходимость предваряющей крещение русификации бурятского населения. Именно Вениамину принадлежит чеканная формула: «миссия православия... есть миссия обрусения»¹. Остановимся подробнее на его взглядах.

Вениамин (Благодрагов) был человеком хорошо образованным и деятельным и оставил по себе значительное творческое наследие. Это записки, письма, поучения, этнографические заметки, посвященные народам Восточной Сибири — гольдам, гилякам, корейцам, чукчам. Большой исторической ценностью являются отчеты епископа и, позднее, архиепископа Вениамина о деятельности сибирских миссий (Забайкальской, Амурской, Камчатской), которые были опубликованы в прессе — в «Иркутских Епархиальных Ведомостях», «Записках Миссионерского общества», «Страннике», «Православном обозрении» и многих других изданиях.

Особое место в творческом наследии архиепископа Вениамина Благодрагова занимают тексты, посвященные критическому анализу религиозной ситуации в Забайкалье и тем обстоятельствам, которые в значительной мере затрудняли православную миссионерскую деятельность в этом регионе. Вениамин твердо придерживался мысли, что церковь в деле распространения христианства должна действовать в союзе с государственной властью. По мнению архиерея, в успехе миссии должны быть в равной степени заинтересованы обе силы — церковь и государство. Кроме того, он считал невозможным обращение в православие без перемены жизненного уклада инородцев, без их отказа от своего этнического мировоззрения, своего языка и, в конечном счете, от своей идентичности.

¹ Вениамин, архиеп. Иркутский и Нерчинский. Жизненные вопросы православной миссии в Сибири. СПб., 1885. С. 8.

Иначе говоря, успешная миссия для него — это миссия, результатом которой в равной степени будут христианизация и русификация. По-видимому, в его понимании не существовало разрыва между религиозным и культурным содержанием миссии. И так же, как у русского народа русскость и православие, т.е. этническая и религиозная идентичность неразделимы, так и для буряты или другого автохтонного жителя Сибири невозможно соединить исповедание христианства и сохранение своей этнической идентичности, прежде всего хозяйственно-бытового и семейного уклада, но и языка тоже. По мысли Вениамина, как для язычника необходимым уделом является кочевая жизнь, так оседлая жизнь есть почти необходимая принадлежность всякого христианина².

Подчеркну, что при всех отрицательных коннотациях термина «русификация», в понимании Вениамина это не было чем-то насильственным, навязанным, требующим запретов, ограничений и принуждений. Для него абсолютно очевидным было культурное превосходство русского быта и русского мировоззрения. Более того, он настаивал, что и многие так называемые инородцы это прекрасно понимают. «Православие, — пишет он, — должно убеждать инородцев в превосходстве русского национального быта, чтобы сделаться им не по вере только, но и по национальности русскими. Эта перемена в их глазах есть такое условие, без которого нельзя быть настоящим христианином»³. Владыка в своих публикациях часто приводит высказывания инородцев, типа «Я бы крестился, да у меня нет избы, а русскому в юрте жить грех»⁴.

Владыка Вениамин всегда прямо и открыто высказывал свои взгляды. Так, при учреждении миссионерских школ в Забайкалье он выступил противником преподавания в них на местных языках, настаивая на русскоязычном обучении представителей коренных народов. Нужно заметить, что русификаторское понимание архиепископом Вениамином содержания миссионерской деятельности было настолько радикально отлично от передовых миссионерских идей того времени, что у него было множество оппонентов, обвинявших его в ретроградстве и превратном понимании сути миссионерства. Так, знаменитый педагог, переводчик, просветитель на-

² Вениамин (Благоправов). Забайкальская духовная миссия 1862 и 1863 гг. (Письма из Посольского монастыря) // Труды православных миссий Восточной Сибири. Т. 1. Иркутск, 1883. С. 54.

³ Вениамин (Благоправов). Обязанности русского государства по обращению раскольников и иноверцев к Православной Русской Церкви. Иркутск, 1882. С. 3.

⁴ Там же. С. 4.

родов Поволжья Николай Иванович Ильминский⁵ высказывал серьезные сомнения в понимании сибирским миссионером даже самых основных принципов миссионерской работы [Джераси, 2001: 99].

Однако обвинения в ретроградстве, которые неоднократно слышал в свой адрес владыка, нам представляются не совсем верными — его идеи вполне соответствуют актуальному в те годы националистическому дискурсу. Всяческое поощрение этнической уникальности, согласно его убеждениям, неизбежно приведет к росту сепаратизма и вместо братьев во Христе русское правительство получит враждебный народ, связанный духовным родством с зарубежными странами: в данном случае — с Китаем, Монголией, в случае с тюркскими народами Поволжья — с Турцией.

Таким образом, Вениамин Благодравов мыслит как государственный деятель и рассматривает миссию в контексте актуальных исторических процессов, не разделяя церковное и государственное начала. При этом он, конечно, вопреки обвинению Ильминского, видит и глубокое богословское содержание миссии, и духовный характер самого религиозного чувства. Однако анализ региональной ситуации приводит его к выводу о невозможности возложить дело миссии только на церковь. Придав православию характер государственной религии, государство придало ему несвойственные функции гражданского статуса, и принятие веры неизбежно влечет за собой изменение гражданского состояния, но церковь не может самостоятельно регулировать этот вопрос, следовательно, без участия государства не обойтись. Как только инородец принимал крещение, его социальный статус менялся, он становился изгоем в своем роде, что для человека коллективистского сознания невероятно тяжелое наказание. Например, бурят, став православным, обрекает себя на многочисленные трудности: отсутствие поддержки семьи, лишение устойчивого социального статуса, а то и прямые гонения, и физическое насилие. По свидетельству миссионеров, отчаянное положение новокрещенных доводило их, порой, до самоубийства. В одном из писем владыка горестно признает: «Крещеный бурят среди не-

---

⁵ Николай Иванович Ильминский, отстаивая необходимость переводов церковных текстов на языки народов Российской империи, писал в одном из писем обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву «...Надо убеждать инородца, что он и при своем образе жизни может быть христианином: что и в юрте живя, и нося свою национальную одежду, и занимаясь охотой и рыболовством, он может жить по-христиански, по-Божески» (Письма Николая Ивановича Ильминского к обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву (1882–1891). Казань, 1898. С. 195).

крещеных есть всегдашний исповедник, если не мученик»⁶. Выходом из сложившегося положения, по мнению Вениамина, должно стать преодоление культурной отчужденности бурятского населения путем христианского просвещения и соединение «всех племен страны Сибирской в один великий русский народ»⁷.

Мы подробно остановились на взглядах еп. Вениамина, потому что он в своих трудах аргументировано и достаточно развернуто изложил идеологическое понимание миссии как составной части государственного нациестроительства, достаточно широко распространенное во второй половине XIX в. в русском обществе. Однако, такая точка зрения разделялась далеко не всеми сибирскими миссионерами. Гораздо чаще в их публицистике встречается понимание русификации не как политического феномена, а как необходимого культурно-просветительского компонента миссионерской деятельности. Например, для читинского миссионера Епифания Кузнецова задачи «ввести забайкальских инородцев в лоно Церкви Христовой» и «приобщить их к современной европейской культуре» являются равно положенными, и «восприятие спасительного Христова учения» неразрывно с восприятием «общечеловеческой высшей культуры»⁸. В своих дальнейших рассуждениях миссионер уточняет, что под «общечеловеческой» он подразумевает цивилизацию общеевропейскую, отличную от исторического развития «монгольских народов». Таким образом в понимании о. Епифания христианизация не только благотворно влияет на повседневный быт бурят, приближая его к русской культуре, но и посредством русификации приобщает этот «монгольский народ» к достижениям западноевропейской цивилизации.

Несколько иную интерпретацию соотношения христианизации и русификации в процессе миссионерской деятельности мы встречаем у алтайского миссионера епископа Владимира (Петрова). В отличие от своего одноклассника и друга забайкальского епископа Вениамина, Владимир всегда настаивал на переводах богослужения на языки коренных народов и считал важным объяснить инородцам, что «хри-

⁶ Письма Вениамина, архиепископа Иркутского, к Казанскому архиепископу Владимиру. М., 1913. С. 12.

⁷ Речь Его Императорскому Величеству Государю Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу по вступлении Его в Иркутский Кафедральный собор // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1891. № 26. С. 4.

⁸ Кузнецов Е., свящ. Характеристика бурят с точки зрения способности их к принятию христианства и общеевропейской культуры // Забайкальские епархиальные ведомости. 1904. № 22–23. С. 311–312.

стианская вера не есть только русская вера, но вера вселенская, в которой каждому можно славить и просить Бога на своем языке»⁹.

Алтайская миссия (в том числе под руководством Владимира (Петрова)) вела активную работу по улучшению условий быта местного населения, что подразумевало распространение русского хозяйственного уклада, обучение русскому земледелию, ремеслам, гигиеническим навыкам и правилам ведения домашнего хозяйства. Но усилия по улучшению быта рассматривались миссионерами не как необходимое условие обращения в православие, а исключительно как дело христианского милосердия. Архимандрит Владимир (Петров) подчеркивал, что неправильно сводить всю миссионерскую работу к помощи новокрещенным в переходе к русскому образу жизни, «будто бы вся цель миссии в устройстве оседлости, а в оседлости верх совершенства жизни человеческой»¹⁰. Описывая случаи искреннего и глубоко обращения представителей местных народов, Владимир особо подчеркивает, «возражая ультра-руссофилам», что такое полноценное религиозное развитие возможно только благодаря знакомству с вероучением на родном, понятном языке. В Записках начальника миссии Владимир пишет, что с самого начала своего миссионерского служения на Алтае, «сам совершал литургию и часть всенощного бдения на алтайском языке и старался поддерживать и усиливать это в станах миссии; приучал причетников и учеников к чтению и пению на этом языке»¹¹.

Не исключая возможного обрусения алтайских народов в будущем, понимая благотворность русификации их быта в настоящем, он не обесценивает культурное своеобразие миропонимания алтайцев и основную форму его выражения — местные языки. Неоднократно наблюдая за тем, как происходит «перенастройка» внутреннего мира инородца, искренне принимающего новую христианскую веру¹², Владимир убедился, что именно родной язык является тем инструментом, который позволяет новокрещенному не только лучше понять основы вероучения, но и осмыслить переживаемый религиозный опыт как органичный процесс его душевной жизни. Разумеется, этот процесс включал критическую переоценку традиционных верований. Таким образом, обрусение (русификация) об-

⁹ Алтайская Духовная миссия в 1870 году // Сборник сведений о православных миссиях и деятельности Православного миссионерского общества. Кн. 2. М., 1872. С. 285–286.

¹⁰ Записки начальника миссии архимандрита Владимира о действиях его в 1870 году // Сборник сведений о православных миссиях ... С. 336.

¹¹ Там же. С. 323.

¹² Там же. С. 333–336.

ращаемых в православие народов в представлении Владимира (Петрова), как и других участников Алтайской миссии, не подразумевало немедленного и полного отказа от всей этнической культуры, а распространялось прежде всего на языческие верования и культуру повседневности. Как справедливо заметил американский исследователь Пол Верт, «принятие колониальным меньшинством религии большинства на деле может послужить фундаментом для развития новых идентичностей» [Верт, 2012: 94]. И основой этого процесса может стать именно сохранение родных языков. Однако именно такого рода «новые идентичности», по-видимому, и смущали Вениамина (Благонравова) как источник потенциального «сепаратизма». Действительно, создавая литературу для бесписьменных прежде народностей, миссионеры закладывали основу для формирования национальной интеллигенции, которая была убеждена в необходимости сохранения и развития родной культуры [Колесова, 2012; Пулькин, 2005]. На основании этого православная миссия парадоксальным образом оказывалась деятельностью, противоречащей идее русификации как унификации на культурно-языковой основе.

Таким образом, мы видим, что даже в пределах одного региона (Сибири) вопрос русификации по-разному понимался миссионерами. Видимо, важную роль в подобной дифференциации играли условия, в которых осуществлялась миссионерская деятельность: численность автохтонного населения, степень его социальной организации, степень и форма институционализации традиционных верований, наличие письменности у местных народов, даже климатические условия, определявшие возможность регулярного взаимодействия миссионеров и новообращенных. Так, очевидно, что деятельность и взгляды забайкальских миссионеров, в отличие от алтайских, были в какой-то степени обусловлены необходимостью противостояния сильному влиянию на бурятское население монгольского ламаизма. Важной особенностью развития православной миссии во второй половине XIX в. стала возможность обсуждать миссионерские вопросы, в том числе и понимание процессов русификации, не только в частной и служебной переписке, но и в поле общественного мнения — в публицистике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012.
2. *Джеграси Р.* Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013.

3. Долбилов М. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.
4. Земскова Е. Круглый стол «Национализм в имперской России: идеологические модели и дискурсивные практики» // НЛО. 2002. № 57. С. 426–430.
5. Колесова Е.В. Просветительская политика казанских православных миссионеров в XIX веке // Запад-Восток. 2012. № 4–5. С. 23–32.
6. Крот М.Н., Дмитриева Н.В. Русификация — pro et contra: полемика в русской консервативной мысли конца XIX века // Былые годы. 2018. Vol. 47. Is. 1. P. 360–369.
7. Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2010.
8. Миллер А. Русификации: классифицировать и понять // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 133–148.
9. Пулькин М.В. Три облика русификации в Карелии // Вестник Евразии. 2005. № 3 (29). С. 107–125.
10. Рункевич С.Г. Русская церковь в XIX в. СПб., 1901.
11. Софронов В.Ю. Государственное законодательство России по конфессиональным вопросам и православное миссионерство в конце XVII — начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2007. С. 138–144.

REFERENCES

1. Werth P. 2012. *Pravoslavie, inoslavie, inoverie: ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossiiskoi imperii* [Orthodoxy, non-Orthodoxy, heterodoxy: Sketches on the history of religious diversity in the Russian empire]. Moscow, “Novoe literaturnoe obozrenie”. (In Russ.)
2. Geraci R.P. 2013. *Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, natsiya i religiya v Rossii* [Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia]. Moscow, “Novoe literaturnoe obozrenie”. (In Russ.)
3. Dolbilov M.D. 2010. *Russkii kraj, chuzhaya vera: Etnokonfessional'naiia politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II* [Russian country, foreign faith: The ethno-confessional politics of empire in Lithuania and Belarus under Alexander II]. Moscow, “Novoe literaturnoe obozrenie”. (In Russ.)
4. Zemskova E. 2002. *Kruglyi stol “Natsionalizm v imperskoi Rossii: ideologicheskie modeli i diskursivnye praktiki”* [Round Table “Nationalism in Imperial Russia: Ideological Models and Discourse Practices”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 57, pp. 426–430. (In Russ.)
5. Kolesova E.V. 2012. *Prosvetitel'skaya politika kazanskikh pravoslavnykh missionerov v XIX veke* [Educational policy of Kazan Orthodox missionaries in the XIX century]. *Zapad-Vostok*, no. 4–5, pp. 23–32. (In Russ.)
6. Krot M.N., Dmitrieva N.V. 2018. *Rusifikatsiya — pro et contra: polemika v russkoi konservativnoi mysli kontsa XIX veka* [Russification — Pro et Contra: Polemic in the Russian Conservative Thought in the late XIX century]. *Bylye gody*, vol. 47. Is. 1, pp. 360–369. (In Russ.)
7. Miller A. 2006. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [Romanov's Empire and Nationalism]. Moscow, “Novoe literaturnoe obozrenie”. (In Russ.)
8. Miller A. 2002. *Rusifikatsii: klassifitsirovat' i ponyat'* [Russifications: Classified and Explained]. *Ab Imperio*, no. 2, pp. 133–148. (In Russ.)

9. Pul'kin M.V. (2005). Tri oblika rusifikatsii v Karelii [Three forms of Russification in Karelia]. *Vestnik Evrazii*, no. 3 (29), pp. 107–125. (In Russ.)
10. Runkevich S.G. 1901. *Russkaya tserkov' v XIX v.* [The Russian Church in the 19th century]. St. Petersburg. (In Russ.)
11. Sofronov V.Yu. 2007. Gosudarstvennoe zakonodatel'stvo Rossii po konfessional'nym voprosam i pravoslavnoe missiонерство v kontse XVII — nachale XX v. [Russian State Legislation on Professional Issues and Orthodox Missionary in the Late 17th and Early 20th Century]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4–2(56), pp. 138–144. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.04.2022;
одобрена после рецензирования 12.05.2022;
принята к публикации 18.05.2022

The article was submitted 11.04.2022;
approved after reviewing 12.05.2022;
accepted for publication 18.05.2022

ОБ АВТОРЕ

Карташева Наталья Валерьевна — кандидат культурологии, доцент, зав. кафедрой сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; natkartasheva@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Natalia V. Kartasheva — PhD in Culturology, Associate Professor, Head of the Department of Comparative Studies in Literature and Culture Lomonosov Moscow State University; natkartasheva@gmail.com

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРНОГОРЦЕВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИД И СЛАВЯНСКИХ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ)

В.Б. Хлебникова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; istfilos@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматривается вопрос об участии государственных органов и общественных организаций России в деле подбора среди черногорской молодежи кандидатов на получение образования в нашей стране в средних и высших учебных заведениях. Эта работа проводилась весьма активно. Российское руководство было заинтересовано в том, чтобы создать в славянских землях Балканского полуострова слой специалистов, связанных с Россией духовными узами, знающих и любящих русскую культуру. Сегодня такую политику называют «мягкой силой», а в XIX — начале XX в. это было проявлением прагматизма и стратегического расчета во внешней политике империи. Дело в том, что Черногория, получившая после Берлинского конгресса 1878 г. международное признание, стала привилегированным партнером и клиентом России. Ее монарх Никола Петрович сумел убедить русское правительство, что в случае военных осложнений на Балканах черногорцы смогут оказать России помощь в боевых действиях. В последней трети XIX — начале XX в. российское самодержавие выплачивало черногорским властям солидные дотации на модернизацию государственного аппарата и вооруженных сил. Пособия постоянно увеличивались и складывались в огромные суммы. Однако правитель Черногории оказался строптивым подопечным, склонным забывать об оказанной поддержке и игнорировать политические рекомендации русского царя и его окружения. В начале XX в. отношения двух стран были натянутыми, а поведение Николы Петровича зачастую казалось непредсказуемым. Он легко нарушал собственные обещания, время от времени демонстрировал готовность сменить русское покровительство на дружбу Западной Европы. Выход из этого тупика многие русские дипломаты и общественные деятели видели в том, чтобы подготовить для Черногории как можно больше образованных специалистов, которые вольются политическую элиту княжества и станут более надежными союзниками, чем корыстолюбивое старшее поколение. Тем более что в Черногории, недавно перешедшей от племенного уклада к государственной жизни, не было ни полной средней школы в европейском понимании, ни высших учебных заведений. Расчеты российского руководства оправдались только отчасти, тем не менее, в маленькой балканской стране действительно жили и работали выпускники русских учебных заведений, искренне признательных и преданных России.

Ключевые слова: Российская империя; Черногорское княжество; черногорские учащиеся в России; Комиссия по образованию южных славян в России; славянские благотворительные комитеты; стипендиаты князя Николы

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-2022-4-184-195

Для цитирования: Хлебникова В.Б. Образование черногорцев в Российской империи как инструмент политического и культурного влияния (на примере деятельности МИД и Славянских благотворительных комитетов) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 184–195.

EDUCATION OF MONTENEGRINS IN THE RUSSIAN EMPIRE AS A TOOL OF POLITICAL AND CULTURAL INFLUENCE

(BY THE EXAMPLE OF THE ACTIVITIES OF THE MFA AND SLAVIC CHARITY COMMITTEES)

Varvara B. Khlebnikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; istfilos@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to the issue of the participation of the officials and public organizations of Russia in the selection of candidates for education in our country among Montenegrin youth in schools and higher educational institutions. Russian officials were interested in creating a number of specialists in the Slavic lands of the Balkan Peninsula, connected with Russia, who knew and loved Russian culture. Today, such a policy is called “soft power”, and in the XIX and early XX centuries this was a manifestation of pragmatism and strategic calculation in the foreign policy of the empire. Montenegro, which received international recognition after the Berlin Congress of 1878, became a privileged partner and client of Russia. Monarch Nikola Petrovich managed to convince the Russian government that in case of military complications in the Balkans, the Montenegrins would be able to assist Russia in the hostilities. In the last third of the XIX — early XX centuries Russian autocracy paid substantial subsidies to the Montenegrin authorities for the modernization of the state apparatus and the armed forces. Benefits were constantly increased and added up to huge sums. However, the ruler of Montenegro turned out to be an obstinate ward, inclined to forget about the support provided and ignore the political recommendations of the Russian tsar and his entourage. At the beginning of the twentieth century relations between the two countries were strained, and the behavior of Nikola Petrovich often seemed unpredictable. He easily broke his own promises, from time to time he showed a willingness to change Russian patronage for the friendship of Western Europe. Many Russian diplomats and public figures saw a way out of this impasse in preparing as many highly educated specialists as possible for Montenegro, who would join the political elite of the principality and become more reliable allies than the greedy older generation. Moreover, in Montenegro, which had recently switched from a tribal way of life to state life, there was neither a complete secondary school in the European sense, nor

higher educational institutions. The calculations of the Russian leadership were only partially justified. However, in this small Balkan country, graduates of Russian educational institutions, sincerely grateful and devoted to Russia, did live and work.

Key words: Russian Empire; Montenegrin Principality; Montenegrin students in Russia; Commission for the Education of South Slavs in Russia; Slavic charitable committees; scholarship holders of Prince Nikola

For citation: Khlebnikova V. B. (2022) Education of montenegrins in the Russian empire as a tool of political and cultural influence (by the example of the activities of the MFA and slavic charity committees). *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 184–195. (In Russ.)

Современные дипломаты и политики часто используют выражение «мягкая сила», которое ввел в научный оборот американский политолог Джозеф Най (Joseph Nye). Эти слова звучат тогда, когда хотят подчеркнуть культурное влияние страны, руководители которой умеют добиваться желаемых результатов путем добровольной помощи своих партнеров, а не подкупом или принуждением. Отечественные ученые давно обратили внимание на то, что в XIX — начале XXI в. Россия в международных отношениях активно использовала образование, науку и искусство в качестве инструмента воздействия на потенциальных союзников¹. Среди них православные народы, особенно обитатели Балканского полуострова, всегда воспринимались россиянами как естественные соратники и друзья. Особое место занимали связи с черногорцами, Россия традиционно поддерживала тесные контакты с ними. В значительной степени благодаря покровительству и содействию русского правительства Черногорское княжество смогло обрести суверенитет.

Черногория после международного признания в 1878 г. остро нуждалась в квалифицированных специалистах, так как ей предстояло перейти от племенных порядков к государственной жизни, поднять экономику, преодолеть почти поголовную неграмотность населения. В одиночку решать эти задачи Княжество не могло, система образования в стране была в зачаточном состоянии, не было ни одного вуза и только два средних специальных учебных заведения — Богословская семинария для юношей и Мариинский женский институт для девушек. На протяжении нескольких десятилетий Россия выделяла значительные суммы на содержание этих учреж-

¹ См.: Павловская А.В. Взаимодействие культур в международном образовании: к вопросу о проблемах межкультурной коммуникации в глобальном мире // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. С. 52–65; Бартош А.А. Стратегическая культура как инструмент «мягкой силы» российской дипломатии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2019. № 4. С. 19–31.

дений. Стране остро не хватало начальных школ и учителей для них. Отчасти выходом из этой тяжелой ситуации была посылка молодых людей в заграничные школы и вузы. На первом месте среди стран, готовых обучать у себя студентов из балканских стран, была Россия. С 1878 по 1913 г. просьбы светских и духовных властей Черногории принять в русские учебные заведения подданных Княжества были постоянными.

Подобные обращения всегда находили положительный ответ в России. Руководству Российской империи было ясно, что огромные траты на освобождение славянских народов и превращение их в верных союзников должны подкрепляться хорошо поставленной системой образования и воспитания в русофильском духе славянской молодежи, на которую делался главный расчет. Глава дипломатической миссии в Цетине П.М. Власов писал министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу: «...Руководить делом образования народа равносильно тому, что руководить его совестью или держать ключ к его сердцу; <...>имея в наших руках заведывание народным образованием в Княжестве, мы могли бы фактически направлять молодое поколение его в смысле, желательном России, привязывать его к ней духовно, и постепенно подготавливать из него стойкий по духу и убеждениям и дружественный ей народ, на который без недоверия могла бы положиться и опереться Россия, когда нам потребовалось бы его содействие на Балканах»². Иначе говоря, специалисты, получившие в Российской империи образование, рассматривались как инструмент формирования общественного мнения и поддержки России в том или ином регионе. В связи с этим дело образования выходцев из славянских земель продолжалось на протяжении десятилетий, было поставлено на широкую ногу и приносило реальную пользу и русским покровителям, и славянским народам.

При Азиатском (позже Первом) департаменте Министерства иностранных дел много лет успешно работала Комиссия по образованию в России южных славян. Она подбирала подходящие места в средних и высших учебных заведениях Российской империи, выделяла стипендии, разрабатывала правила приема и обучения, рассылала их и сопроводительные инструкции в дипломатические службы на Балканах, опекала славянскую молодежь во время обучения, помогала решать социальные и личные проблемы своих стипендиатов. Также Комиссия уделяла большое внимание предварительной подготовке юношей к учебе в российских школах и вузах. При содействии ди-

---

² Архивско одељење Народног музеја Црне Горе (Архивное отделение Национального музея Черногории, далее АОНМЧ). Фонд Приновљени рукописи. 1901. Фас. XLIX. Део 2.

ректора Азиатского департамента МИД П.Н. Стремноухова, а также известных славянофилов И.С. Аксакова и Н.П. Игнатьева был организован специальный пансионат для мальчиков из южнославянских стран, который много лет возглавлял педагог Ф.Н. Минков. В нем в течение нескольких месяцев детей готовили к вступительным экзаменам. Комиссии постоянно помогали Славянские благотворительные комитеты, также немало сделавшие для того, чтобы молодые люди получили образование и вернулись на родину подготовленными специалистами. Отбор кандидатов для отправки на учебу был возложен, в первую очередь, на дипломатические службы Российской империи. В Черногорском княжестве такими вопросами занималась дипломатическая миссия в Цетине, а в пограничных с ним землях вице-консульство в албанском городе Скадаре (современное название Шкодер). Местные власти и население тоже принимали участие в подборе юношей для отправки в Россию. Если речь шла об обучении в духовных заведениях, то выбор делали духовные власти южнославянских стран. Когда рассматривался вопрос о поступлении в военные и гражданские училища, решающее слово оставалось за русскими дипломатами. Вместе с тем была необходима рекомендация военных и гражданских властей Черногории, занимавшихся «делом воспитания юношества». Учитывалось и мнение православных общин, члены которых хотели бы получить образование в России.

Дипломаты должны были собирать сведения о кандидатах и своевременно отправлять в МИД России необходимые документы, извещать черногорскую сторону об имеющихся в русских учебных заведениях свободных местах, разъяснять правила приема. Эти правила были самыми простыми. Соискатель в своем прошении должен был указать точное название учебного заведения, в котором он намерен учиться, назвать свой возраст и подтвердить его свидетельством о рождении. Необходим был аттестат об окончании школы, которую соискатель закончил на родине, желательно было приложить перечень дисциплин, прослушанных за время обучения. Нужны были сведения о родителях и их имущественном положении. Семью учащегося сразу предупреждали, «что все молодые люди, кои получают образование в России на счет императорского правительства, обязаны по окончании курса возвращаться на родину», у них не будет права поступать на русскую государственную службу³. Сотрудники миссии имели право добавить собственные комментарии и замечания о личности абитуриента. Условие, связанное с имущественным цензом семьи кандидата, не означало, что в

³ Ф. Приновлены рукописи. 1883. Фас. XXXI.

России противились обучению людей из нижних слоев славянского общества. Но стипендия, которую платила Комиссия, была очень скромной, а жизнь на чужбине непростой. Поэтому чиновники МИД предпочитали иметь дело с молодыми людьми, чьи семьи могли бы оказать материальную помощь в случае непредвиденных осложнений.

Наплыв черногорцев в Россию оказался выше всяких ожиданий. МИД России столкнулся с рядом проблем, которые вызывали недовольство чиновников. Власти Княжества нарушали сроки подачи документов, нередко до последней минуты не было известно, сколько молодых людей будет послано в Россию. Кандидаты часто не соответствовали даже тем простым требованиям, которые разработала Комиссия: были «переростками» (слишком взрослыми, чтобы учиться в тех школах, куда приезжали), не имели законченного среднего образования, совсем не знали русского языка. Много хлопот было с теми, кто отправлялся в Россию на свой страх и риск, не получив официального подтверждения, что место в учебном заведении будет предоставлено. Поскольку выходцы из Черногории были, как правило, небогаты, то возникали проблемы с их возвращением на родину, у многих просто не было денег на билет. Все эти трудности приходилось преодолевать сотрудникам Комиссии и членам Славянских благотворительных комитетов, созданных в некоторых крупных городах России. Эти общественные организации действовали особенно активно во второй половине XIX в., поддерживая тесные связи не только с российским МИД, но и с южнославянским населением. Со временем Комиссии пришлось ужесточать и уточнять правила приема, в конце 1890-х годов были введены новые требования. Они предъявлялись как к кандидатам, так и к властям, занимавшимся отбором и посылкой будущих студентов в Россию. Подтверждались сроки сбора и высылки документов (к 1 апреля текущего года), заявления тех, кто опоздал с прошением, откладывались на год. Категорически запрещалось выезжать в Россию без официального приглашения. Если это условие не соблюдалось, нарушитель терял право на стипендию. Жестко регламентировался вопрос о национальном происхождении кандидатов, ими могли быть только славяне — подданные Сербии, Черногории, Болгарии и уроженцы тех южнославянских областей, которые еще оставались под властью Османской империи. Остальные предписания оставались по-прежнему простыми, количество документов, необходимых для выезда в Россию, не изменилось. Очевидно, Комиссия по образованию в России южных славян противостояла наплыву неорганизованных «стихийных» абитуриентов, стараясь повысить их ответственность за собственное образование.

Количество мест для обучения в конце XIX — начале XX в. постоянно увеличивалось, но желающих было больше, чем предложенных стипендий. Типичный набор предлагаемых учебных заведений мы находим в письме Комиссии, направленном российскому министру-резиденту в Цетинье К.М. Аргиропуло 10 декабря 1892 г.⁴ Это были все университеты России, Военно-медицинская Академия в Петербурге, горные и технологические институты. Очень приветствовалось обучение славян в российских духовных академиях. Средние учебные заведения России, обучавшие славян, — это духовные семинарии, кадетские корпуса, профессиональные училища. Довольно часто учреждались специальные стипендии для черногорцев, чтобы дать им возможность получить неизвестные в княжестве профессии⁵. Русские ремесленные училища охотно принимали их на обучение⁶. Дело в том, что в крохотной воинственной стране исторически сложилось негативное отношение к ремеслу, как занятию, недостойному истинного воина. Овладение ремесленными специальностями в России было одним из способов повысить престиж тех видов деятельности, которые способствовали развитию производительных сил Княжества.

В конце XIX в. стали посылать и девушек. Обычно они поступали в Женский медицинский институт в Петербурге, а также в Левашевский пансион в Киеве, Кушниковский девичий институт в Керчи, Славянский питомник в Одессе, женскую гимназию в Астрахани и в др. Большая часть учебных заведений, доступных уроженкам Балканского полуострова, была на юге Российской империи. В Комиссии не забывали о том, что климат России для жителей Адриатики был слишком суровым⁷. Для черногорок возможность учиться в России значила больше, чем для других южных славянок. Женский вопрос в княжестве имел особую историческую окраску. Племенной уклад народной жизни, еще довольно прочный на рубеже XIX–XX вв., подразумевал низкий социальный статус женщин. В патриархальных черногорских семьях жены, дочери, сестры выполняли тяжелую физическую работу в доме и в поле, не имели права решать свою судьбу, за них это делали родители или мужья, и в силу такого положения чаще всего не имели доступа даже к начальному образованию. Известный исследователь П.А. Ровинский в многотомной монографии «Черногория в ее прошлом и настоящем» писал о том, как неохотно соглашались в семьях отпускать девочек

⁴ АОНМЧ. Ф. Приновльени рукописи. 1892. Фас. XL.

⁵ АОНМЧ. Ф. Къзаза и краља Николе. 1893. № 20.

⁶ АОНМЧ. Ф. Къзаза и краља Николе. 1893. № 21.

⁷ АОНМЧ. Ф. Приновльени рукописи. 1899. Фас. XLIV. Део 1.

даже в начальную школу⁸. Правда, в княжестве много лет успешно работал Мариинский девичий институт, находившийся под покровительством русского двора. Но он не мог вместить и малой доли всех, кто хотел бы там учиться. Поэтому редкий счастливый случай уехать в Россию и получить там специальное образование был для черногорских девушек почти равен чуду.

Лица, занимавшие выходцами из балканских земель, относились к делу неформально и с большим энтузиазмом, изыскивая все новые возможности помочь молодежи, желающей учиться. Уже упомянутый Ф.Н. Минков вел активную переписку с российской дипломатической миссией в Цетине и передавал информацию о том, какие школы в России могли бы принять черногорцев⁹. Например, 14 июня 1893 г. он сообщал министру-резиденту К.М. Аргиропуло: «Я ездил с Министром Народного Просвещения в Новую Александрию (Варшавский учебный округ), где открыт Агрономический лесной институт <...>. Я думаю, что для развития земледелия и лесоводства в Черногории, не мешало бы пока иметь хотя одного черногорца в этом институте, но необходимо, чтобы он окончил у себя на родине или в России среднее учебное заведение и знал русский язык, и был не моложе 18 лет. В институт принимаются только русские подданные, но я беру на себя почин выхлопотать у г-на Министра Народного Просвещения принять и черногорского подданного. Я постараюсь поставить дело воспитания черногорцев на должную ногу, чтобы оно впоследствии приносило стране пользу»¹⁰. Ф.Н. Минкову нелегко приходилось с черногорскими юношами. Его воспитанники после многомесячного пребывания в пансионе обычно успешно сдавали экзамены в кадетские корпуса. Но это давалось немалым трудом, так как многие из кандидатов были слабо подготовлены к обучению в России. Отправлявшие их черногорские чиновники иногда сами выступали в роли нерадивых учеников, нарушая правила, принятые Комиссией¹¹. Тем не менее, письма Ф.Н. Минкова свидетельствуют о его неизменном стремлении помочь юным черногорцам, о неиссякаемом добродушии и отзывчивости. К чести черногорского правительства нужно добавить, что заслуги Ф.Н. Минкова не остались незамеченными, он был награжден князем Николой за вклад в дело просвещения черногорцев.

В Россию приезжали не только те, кто получил стипендию от Комиссии по образованию южных славян, но и так называемые питомцы, воспитанники черногорского правителя князя Николы.

⁸ См.: *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Пг., 1915. Т. III.

⁹ *АОНМЧ. Ф.* Приновльени рукописи. 1892. Фас. XL.

¹⁰ *АОНМЧ. Ф.* Приновльени рукописи. 1893. Фас. XLI. Део 1–2.

¹¹ *АОНМЧ. Ф.* Приновльени рукописи. 1900. Фас. XLVIII.

Эти юноши должны были жить и учиться на средства, выделенные черногорским двором. В разные годы их число было разным, но проблемы у них были одни и те же. Черногорское княжество в конце XIX в. находилось в тяжелом финансовом положении, имело непосильные внешние долги. Поэтому про своих воспитанников князь часто «забывал», и те, не получая финансовой поддержки с родины, оказывались в отчаянном материальном положении. Редкие подарки со стороны членов княжеского семейства не могли компенсировать многомесячных задержек стипендии¹². Заниматься судьбой черногорских студентов обычно приходилось Славянским благотворительным комитетам. Сохранилась обширная переписка между С.-Петербургским славянским благотворительным обществом и сотрудниками разных уровней МИД России по поводу воспитанников князя Николы. Речь шла о том, что присланные черногорским монархом студенты так долго не получали денег от князя, что обществу пришлось выдать им в 1890 г. немалую сумму на пропитание и одежду¹³. Возник щекотливый вопрос, как объяснить благотворителям эти траты, бюджет общества был ограничен. Удалось найти временный выход из неловкой ситуации. В России тогда шел сбор денег для черногорского народа, страдавшего от очередного неурожая и голода¹⁴. Выданные стипендиатам князя Николая деньги были включены в графу «в пользу голодающих черногорцев». К сожалению, в этой формулировке была горькая правда, черногорские учащиеся в самом деле жили в России впроголодь. Подобные ситуации время от времени повторялись¹⁵.

Иногда дело доходило до крайностей. Горькая судьба ждала Радована Вукотича¹⁶. Одаренный волевой молодой человек, приехавший учиться петербургскую Военно-медицинскую академию, ослеп из-за того, что голодал и терпел крайнюю нужду, подолгу не получая из Черногории положенной ему стипендии. Сотрудники С.-Петербургского общества обратили особое внимание на деликатность Р. Вукотича, не считавшего достойным требовать денег или иной помощи. Даже потеряв зрение, Р. Вукотич не отказался от мечты получить высшее образование. Он перевелся на юридический факультет Петербургского университета, который закончил с отличием. Восхищенные мужеством и упорством студента, сотрудники Славянского общества обратились в Азиатский департамент

¹² АОНМЧ. Ф. Приновльени рукописи. 1881. Фас. XXIX.

¹³ АОНМЧ. Ф. Приновльени рукописи. 1890. Фас. XXXVIII.

¹⁴ Хлебникова В.Б. Черногория: феномен национальной государственности. 1878–1916 гг. М., 2016. С. 36.

¹⁵ АОНМЧ. Ф. Приновльени рукописи. 1892. Фас. XL.

¹⁶ АОНМЧ. Ф. Приновльени рукописи. 1895. Фас. XLIV.

МИД России с просьбой оказать материальную помощь упорному юноше.

Еще один драматический эпизод мы находим в письме, присланном из С.-Петербургского общества в Цетинье в 1911 г. Шестнадцатилетний Спасое Вукич Зонич был принят в губернскую гимназию г. Владимира стипендиатом Комиссии по образованию южных славян, но закончив три класса, заболел туберкулезом. Врачи посоветовали отправить мальчика на родину не меньше чем на год. Председатель правления С.-Петербургского общества написал в Цетине российским дипломатам: «Опасаясь, что Зонич, стремящийся продолжать свое образование, прибудет опять в Россию не вполне излечившись от болезни, которая в таком случае разовьется с новой силой, Попечительство имеет честь покорнейше просить ИМПЕРАТОРСКУЮ Миссию не допускать выезда Зонича в Россию без представления им свидетельства врача о его выздоровлении. <...> Попечительство позволяет себе усердно просить Миссию оказать Зоничу возможное содействие к надлежащему лечению его на родине, так как состояние его здоровья врачами признано опасным. Наиболее желательным для Зонича было бы окончить среднее образование на родине и уже после этого, если позволит здоровье, приехать в Россию для получения высшего образования»¹⁷. История С. Зонича весьма показательна. Одно дело жить в маленькой Черногории и мечтать увидеть свет и стать образованным человеком. Другое — приехать в далекую суровую страну, узнать всю горечь положения студента на чужбине и не отказаться от мечты. Целеустремленность черногорских студентов была едва ли не единственным помощником на их трудном пути к русскому диплому.

Несколько черногорок смогли получить образование в нашей стране. Трогательно звучит история двух девочек, Марицы Николич-Павлович и Ангелии Роганович¹⁸. В 1887 г. в семилетнем возрасте они были привезены в Россию, русского языка не знали и были слишком маленькими, чтобы поступить в какую-нибудь среднюю школу. В связи с этим были помещены в Демидовский дом трудолюбия (его также называли Дом Анатолия Демидова) — воспитательное и учебное заведение, работавшее под покровительством императрицы Марии Федоровны. Одиннадцать лет провели девочки в Демидовском доме, получили образование и стали профессиональными учительницами. Их успехи в учебе были отмечены специальными наградами. Но обе, к сожалению, забыли родной язык, что сильно тревожило их воспитателей. Руководство Демидовского дома

¹⁷ АОНМЧ. Ф. Приновлены рукописи. 1911. Фас. LXIV.

¹⁸ АОНМЧ. Ф. Приновлены рукописи. 1898. Фас. XLVI.

отправило девушек на родину, снабдив всеми необходимыми вещами и главное рекомендациями, адресованными русскому министру-резиденту и начальнице Мариинского девичьего института в Цетинье С.П. Мертваго. Под ее началом юные учительницы должны были приступить к педагогической работе. Нет никаких сомнений, что Мариинскому институту, который всегда испытывал острую нехватку кадров, воспитанницы Демидовского дома были нужны. Именно таким образованным девушкам предстояло доказывать право женщин Черногории на общественную деятельность, добиваясь равных прав с мужчинами.

Результаты работы Комиссии по образованию южных славян стали видны довольно быстро. Выпускники русских вузов сразу же включались в общественную жизнь своего отечества, стремясь ускорить его развитие. Многие гражданские и военные чиновники, а также представители духовенства, получившие образование в России, стали заметными фигурами в государственном аппарате Черногории, занимали министерские посты, входили в ближний круг черногорского монарха. Некоторые из выпускников трудились в сфере образования и науки. Один из первых историков и библиографов Черногории Марко Драгович с 1878 по 1882 г. учился в СПб. Духовной академии и серьезно увлекся изучением архивных материалов по черногорской истории, мечтая написать историю русско-черногорских отношений от Петра I¹⁹. Может быть, именно это увлечение определило дальнейшую судьбу М. Драговича, написавшего более ста научных и популярных исторических сочинений.

Завершая разговор о черногорских учащихся в России, хочется еще раз подчеркнуть тот энтузиазм и одушевление, с которым молодые люди рвались в страну, мало им известную, но представляющую оплотом их надежд. Суровые испытания не охладили пыла тех, кто верил в великую Россию, защитницу славянских народов. Российские чиновники, стремившиеся организовать, привести в определенные рамки и контролировать эти порывы, в определенном смысле потерпели неудачу. В 1913 г. руководство С.-Петербургского благотворительного общества снова сетовало на «наплыв» черногорцев, нарушавших инструкции и правила и приезжавших в Россию учиться без всякой подстраховки²⁰. Председатель общества П.Д. Паренсов просил, чтобы в черногорских газетах были опубликованы условия, в соответствии с которыми шло зачисление в учебные заведения империи. Растущий поток «неорганизованных» абитуриентов свидетельствовал о высоком рейтинге российского образова-

---

¹⁹ АОНМЧ. Ф. Къза и краља Николе. 1882. Без номера.

²⁰ АОНМЧ. Ф. Приновљени рукописи. 1913. Фас. LXVI.

ния в славянских странах. Только Первая мировая война остановила приток славянской, в том числе черногорской молодежи в русские учебные заведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бартош А.А.* Стратегическая культура как инструмент «мягкой силы» российской дипломатии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2019. № 4. С. 19–31.
2. *Павловская А.В.* Взаимодействие культур в международном образовании: к вопросу о проблемах межкультурной коммуникации в глобальном мире // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. С. 52–65.
3. *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Пг., 1915. Т. III.
4. *Хлебникова В.Б.* Черногория: феномен национальной государственности. 1878–1916 гг. М., 2016.

REFERENCES

1. Bartosh A.A. 2019. Strategicheskaya kultura kak instrument “myagkoj sily” rossijskoj diplomatii [Strategic culture as a tool of “soft power” of Russian diplomacy]. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, no. 4, pp. 19–31. (In Russ.)
2. Pavlovskaya A.V. 2020. Vzaimodejstvie kultur v mezhdunarodnom obrazovanii: k voprosu o problemah mezhkul'turnoj kommunikacii v global'nom mire [Interaction of cultures in international education: on the problem of intercultural communication in the global world] *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 52–65. (In Russ.)
3. Rovinskij P.A. 1915. *Chernogoriya v ee proshlom i nastoyashchem* [Montenegro in its past and present]. Pg., V. III.
4. Khlebnikova V.B. 2016. *Chernogoriya: fenomen nacional'noj gosudarstvennosti. 1878–1916 gg.* [Montenegro: the phenomenon of national statehood. 1878–1916]. Moscow.

Статья поступила в редакцию 18.04.2022;
одобрена после рецензирования 17.05.2022;
принята к публикации 18.05.2022

The article was submitted 18.04.2022;
approved after reviewing 17.05.2022;
accepted for publication 18.05.2022

ОБ АВТОРЕ

Хлебникова Варвара Борисовна — доцент кафедры региональных исследований и международных отношений факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; istfilos@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Varvara B. Khlebnikova — Associate Professor, Department of Regional Studies and International Relations, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University; istfilos@gmail.com

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ 19.
ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ» В 2022 Г.**

№ С.

Язык и межкультурная коммуникация

<i>Афинская З.Н.</i> Функция форманта <i>квази/quasi</i> в процессе интердискурсивного взаимодействия (на материале русского и французского языков)	3	89
<i>Белютин Р.В.</i> К вопросу о дискриминации в дискурсе немецких футбольных фанатов	3	119
<i>Богданова Л.И.</i> Ценности и оценки в процессе культурной трансмиссии	2	9
<i>Воробьева Е.Ю.</i> Цветовая семантика в контексте взаимодействия культур (на материале французского языка)	3	110
<i>Доржиева Г.С., Гао Цзяньго.</i> Симфония вкусов или лингвокультурные коннотации китайских гастронимов	2	34
<i>Загряжкина Т.Ю.</i> Феномен <i>hybridité</i> / гибридность в гуманитарном дискурсе, межкультурной коммуникации и культурном трансфере	1	17
<i>Кабахидзе Е.Л.</i> Дискурсивный маркер <i>you know</i> в политической коммуникации (на материале интервью Д. Трампа 2017–2020 гг.): функции, приемы перевода	4	89
<i>Кириллова Е.Д.</i> Семантическая деривация топонимов в англоязычном медиадискурсе (на материале информационного агентства Reuters за 2017–2018 гг.)	4	111
<i>Левицкий А.Э., Никольшина Т.Н.</i> <i>Светлое/темное</i> в зеркале лингвокультур (на материале английских и русских народных сказок)	2	20
<i>Молчанова Г.Г.</i> Цифровая трансформация образования и общества: возможности и сложности	1	9
<i>Прошина З.Г.</i> Лингвоконтактология: современные проблемы и перспективы	4	73
<i>Сергиенко П.И.</i> Лингвопрагматический потенциал использования поликодовой метафоры в PR-дискурсе	4	100

<i>Соловьева Ю.О.</i> Самопрезентация автора в тексте научно-популярной статьи правовой тематики (на материале статьи Н. Колоколова «Берегите карманы, сумки, чемоданы...»)	3	130
<i>Темирова Д.А.</i> Сленгизмы в sms-сообщениях на Singlish (на материале корпуса NUS SMS)	3	140
<i>Шевлякова Д.А.</i> Языковая идентичность этнического меньшинства: основные направления актуализации (на примере фриульского языка)	1	37
<i>Юсупов Х.У.</i> Реалистичная антиутопия: к вопросу о передаче реалий вымышленного мира	2	44
<i>Чеснокова О.С., Медведева Е.С.</i> Лексико-семантические особенности мексиканских загадок о флоре	3	97
<i>Ilson R.</i> Government of the people: a conundrum in a chef d'oeuvre	1	35

Когнитивные исследования

<i>Грецкая С.С.</i> Пространство как коммуникативный код и когнитивно-функциональное моделирование аккультурации в художественном тексте	1	58
<i>Джабер М.Х.</i> Взаимодействие элементов понятийного наполнения вербализованного концепта в диахронии	1	79
<i>Медведева Е.В.</i> От города-сада к городу-парку: о функционировании урбанистической метафоры в тексте города	1	68
<i>Молчанова Г.Г.</i> Паронимическая аттракция как средство декодирования поливалентности текста/дискурса	3	9
<i>Робустова В.В.</i> Основы концепции спирального развития значений имен собственных	1	47
<i>Юсупов Х.У.</i> Реалии мира антиутопии как источник культурных мемов	1	86

Язык. Познание. Культура

<i>Доржиева Г.С., Гао Цзяньго.</i> Лингвосемиотическое содержание и функциональные характеристики пищевых ритуалов (на примере китайских гастронимов)	4	60
<i>Доу Чуньяо.</i> Лексические средства вербализации возраста человека в русской и китайской картинах мира	1	132
<i>Калуцков В.Н.</i> Концепция курса «Язык и географическое пространство» (в рамках магистерской программы «Коммуникативные коды в современном межкультурном пространстве»)	4	33

	№	С.
<i>Крюкова О.А.</i> Проявления гендерного дискурса в творчестве Мари де Гурне	1	106
<i>Манченкова А.И.</i> Имя собственное как инструмент усиления комического эффекта в театральном дискурсе	1	125
<i>Орлянская Т.Г.</i> Девиз японского общества GAMBATTE	1	117
<i>Раевская М.М., Перетягко А.В.</i> Метафоры современного испанского спортивного дискурса как отражение национальной ментальности	1	94
<i>Раевская М.М.</i> Язык ладино в домене мировой интеллектуальной истории	4	43
<i>Сюн Чанван.</i> Чувство стыда как реализация недовольства собой в русском и китайском языках	1	138
<i>Хилханова Э.В.</i> Языковая установка и языковая идеология в западной и российской науке: о разграничении понятий	3	148
<i>Шевлякова Д.А.</i> Письменная фиксация фриульского языка: необходимость или политическая интенция?	3	163
 <i>Традиции и современные тенденции культуры</i>		
<i>Анастасьева И.Л.</i> Игровые тенденции русского искусства рубежа XIX–XX вв.	1	192
<i>Глазова Е.А.</i> Интертекстуальность во французской рекламе	2	120
<i>Карташева Н.В.</i> Проблема русификации коренных народов Сибири в православной миссионерской публицистике второй половины XIX в.	4	172
<i>Карцева Е.А., Шлыкова О.В.</i> Российский паблик-арт: актуальные практики и тренды	1	169
<i>Лабунова А.С.</i> Социокультурное пространство «Саги о Форсайтах» Дж. Голсуорси (попытка культурологического анализа)	1	211
<i>Надежкина Е.С.</i> Особенности социальных медиа и рост гражданского самосознания пользователей КНР в XXI в.	1	203
<i>Овчинникова Ю.С.</i> «Обрати взор свой на землю»: репрезентация музыкальной, образовательной и общественной деятельности Баффи Сент-Мари в пространстве медиакультуры	2	130
<i>Павловская А.В.</i> Пищевые утопии как отражение культурно-исторической традиции народов мира	1	146
<i>Павловская А.В.</i> «Ученье образует ум, воспитанье — нравы»: Исторические традиции российского образования	3	29

<i>Руцинская И.И.</i> Пейзажный жанр как объект критики в советской культуре рубежа 1920–1930-х годов	4	161
<i>Хлебникова В.Б.</i> Героический эпос черногорцев как инструмент формирования и сохранения системы ценностей этноса	1	182
<i>Хлебникова В.Б.</i> Образование черногорцев в Российской империи как инструмент политического и культурного влияния (на примере деятельности МИД и Славянских благотворительных комитетов)	4	184

Теория языка и речи

<i>Аветисян Н.Г., Восканян С.К.</i> К вопросу о соотношении языка, культуры, мышления через призму лингвистических учений	2	67
<i>Бубнова Г.И.</i> Французские гласные двойного тембра: тенденции современного произношения с методическим комментарием	2	52
<i>Запольская Н.Н.</i> Текст-произведение и его единицы: ключевые текстоформы и текстоформы-ключи	4	20
<i>Коваленко А.С.</i> Особенности влияния лингвокультурного контекста на терминологические модели в клинических нейронауках	2	79
<i>Федосюк М.Ю.</i> О причинах роста аналитизма и продуктивности неидиоматичных номинаций в русском языке наших дней . .	4	9

Теория и практика обучения иностранным языкам

<i>Дрожжащих Н.В., Белякова И.Е.</i> Цифровой тьютор в Тюменском госуниверситете: опыт внедрения и использования	2	141
<i>Корнев А.А.</i> Коммуникативные виды деятельности как часть профессионально-коммуникативной компетенции языкового педагога	2	152

Теория и практика перевода

<i>Чжу Инли.</i> Роль культурологического фактора в переводе общественно-политических текстов с китайского на русский язык	2	164
--	---	-----

Региональные исследования

<i>Калуцков В.Н.</i> «Тёркин в Сибири»: культурно-географическое исследование сложного литературного путешествия (на материале поэмы А.Т. Твардовского «За далью — даль»)	2	86
<i>Невежина Е.А.</i> Франко-германское пограничье в Швейцарии: аксиологический аспект	2	108
<i>Павловский И.И.</i> Россия и Китай: особенности взаимовосприятия	2	100

Вопросы лексикологии и лексикографии

<i>Едличко А.И.</i> Лексикографическая кодификация и семантизация лингводидактических терминов	4	120
<i>Полубиченко Л.В.</i> Место переводчика в словаре цитат: фигура лишняя или право имеет?	3	17
<i>Ipson R.</i> The lexicography of concepts: emotions	4	131

Актуальные проблемы языкового образования

<i>Загряжкина Т.Ю.</i> Факторы «гибридность» и «граница» в контексте языкового образования и функционального полилингвизма .	3	61
<i>Крюкова О.А.</i> Обучение французскому языку в поликультурной образовательной среде: лингвистический и культурологический аспекты	3	77
<i>Невезжина Е.А.</i> Поликультурный компонент в изучении параллелей русской и французской литературы магистрантами из Китая .	4	149
<i>Сафонова В.В.</i> Ценностно-ориентированное языковое образование в современном мире: актуальные проблемы и спорные вопросы лингводидактики российской высшей школы	4	136
<i>Титова С.В.</i> Проектирование цифрового учебника как инновационного средства обучения	3	41

Сравнительное изучение культур

<i>Деревцова Е.Ю.</i> Значение визуальных форм в творчестве А. Арто и С. Беккета	3	199
<i>Иванов Д.И.</i> Культура как система когнитивно-прагматических программ: Краткий теоретический очерк	3	174
<i>Иванова И.Е.</i> Сравнительный анализ боснийской и французской кухни начала XIX в. (культурологический комментарий к роману И. Андрича «Травницкая хроника»)	3	186

Наша научная жизнь

<i>Карташева Н.В.</i> IX Международная научная конференция «Феномен творческой личности в культуре: Фатющенко-ские чтения» на ФИЯР МГУ имени М.В. Ломоносова	1	218
<i>Молчанова Г.Г.</i> 10-я Международная научно-практическая конференция «Учитель. Ученик. Учебник (в контексте глобальных вызовов современности)»	2	177